

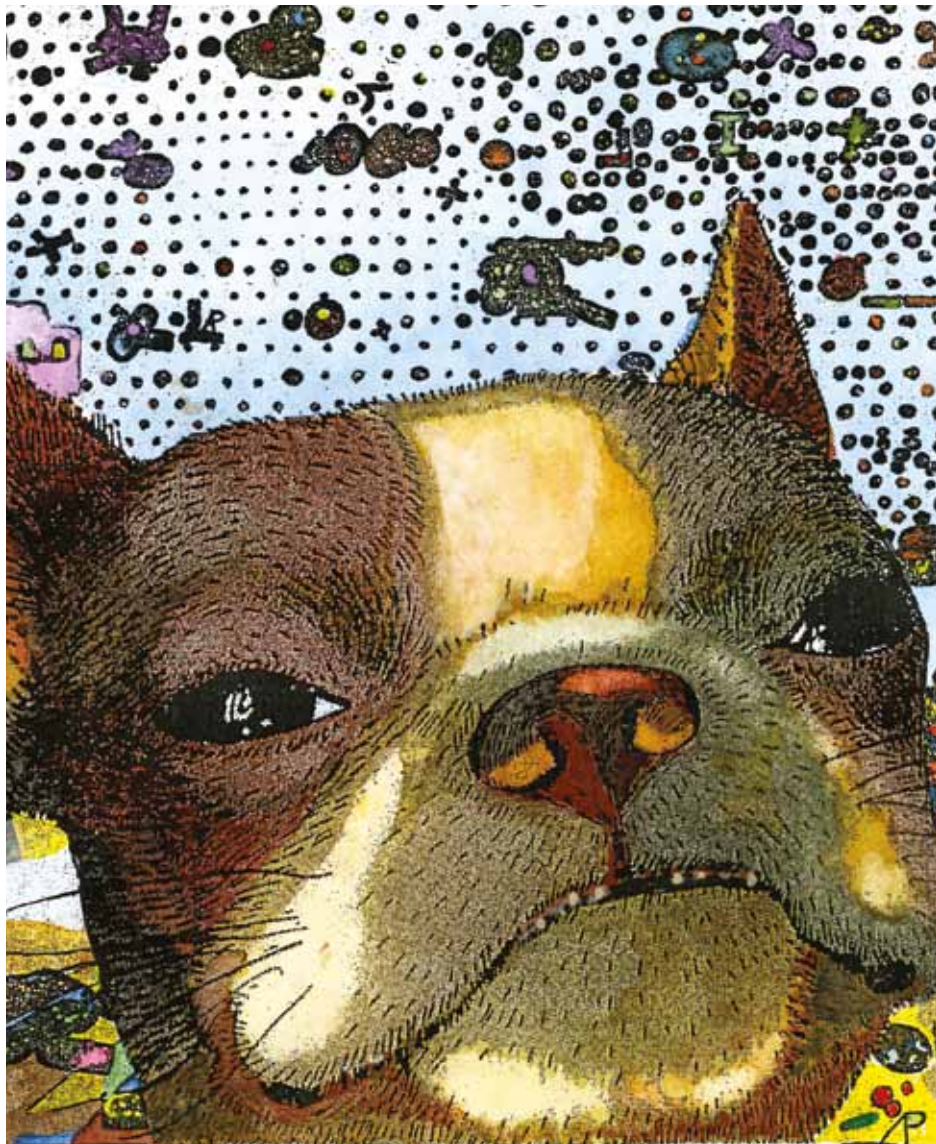
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№3 МАРТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2012

О творчестве талантливой нагайской художницы Фахрикамал Махмудовой
читайте на стр. 66

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Защитник рубежей российских 4
<i>Татьяна Харламова</i>	Лики подземелья 18

Штрихи к портрету

<i>Евгения Гордиенко</i>	Загляни в «Даля» 24
--------------------------	---------------------------------

Судьбы

<i>Виктор Ом</i>	Душою русской 30
------------------	------------------------------

Рассказ

<i>Хелью Ребане</i>	Ужасная оплошность 46
	Он читает мои мысли 49
	Кроссворд 50
	Одиночество во вселенной 52
<i>Катерина Измайлова</i>	Собачья любовь 112

Новое имя

<i>Ольга Степанова</i>	Измена 54
<i>Ольга Займенцова</i>	Кочевница Фахрикамал 66
<i>Дарья Самородова</i>	Стихи 99

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Ее глаза как два тумана 74
---------------------	--

Логунова шутит

<i>Елена Логунова</i>	О сомнительной пользе ревности 86
	О великой пользе секса 91

Забывтые страницы

<i>Александр Грин</i>	Голос и глаз 106
-----------------------	-------------------------------

Это интересно

<i>Татьяна Комарова</i>	Куда плывут рыбы-монстры? 128
-------------------------	--

Минувшее

<i>Денис Логинов</i>	Королева Божьим гневом... 133
----------------------	--

Детектив

<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Ее последняя любовь... 144
--------------------------------	--

Кроссворд. Эрудит

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка и иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Главный бухгалтер	Бижко Любовь Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

---

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300, МО, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. № 3565

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.02.2012

Выпуск издания в 2012 году осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Анатолий Пшеничный

Кому-то в ноги — россыпи букетов,
Кому-то — просто аленький цветок...
Простите нас, любимые, за этот
Чуть-чуть фальшивый мартовский денек.

Уж лучше бросить руки вам на плечи,
Снег растопить, и вымести тоску,
Чем слушать эти правильные речи
Про «дом горящий, лошадь на скаку»!..

Вот вы стоите в лучиках слепящих,
Благодаря повес и шутников,
Желающих вам лет и настоящих —
Себя в виду имея — мужиков...

Растает день и выветрится вечер,
Заточит ночь немеркнувший вопрос:
Кому-то — губы жаркие навстречу,
Кому — подушка, мокрая от слез.

Мы перед вами тем уж виноваты,
Что не постигли этой глубины:
Нет у любви фиксированной даты,
Как нет у счастья веса и длины.

Но все равно, коль выделено время
Для слов, духов, тюльпанов у дверей —
Желаем вам — всегда быть рядом с теми,
Кто дарит их и без календарей!

Защитник рубежей российских

Его имя известно далеко за пределами нашей Родины. Свидетельство тому — многочисленные храмы, посвященные покровителю воинов, святому Александру Невскому. Наиболее известные из них: Патриарший собор в Софии, кафедральный собор в Таллинне, храм в Тбилиси.

Нетленные мощи благоверного князя были открыты, по-видимому, перед Куликовской битвой в 1380 году. А 30 августа 1721 года Петр I, после продолжительной и изнурительной войны со шведами, заключил Ништадский мир. Этот день решено было освятить перенесением мощей благоверного князя Александра Невского из Владимира в новую северную столицу, Санкт-Петербург, в специально построенный Троицкий собор Александро-Невской лавры.

За что же Александр, второй сын переяславского князя, удостоился всех этих почестей?

— Как за что? — воскликнет знаковый с русской историей читатель. — За то, что разбил на Чудском озере «псов-рыцарей» и не дал им захватить русские земли! Но за одну победу, пусть и громкую, князю-полководца не стали бы причислять к лику святых, строить в его честь лавры и храмы и учреждать орден его имени. В жизни Александра Ярославовича было много деяний помимо «Ледового побоища».

Однако обо всем по порядку.

В мае 1220 года у переславского князя (позже великого князя киевского и владимирского) Ярослава Всеволодовича и его супруги, урожденной княжны Торопецкой, родился второй сын — Александр. Ему было пять лет, когда его отец «учинил сыновьям княжеский постриг» — то есть совершил над ними в Спасо-Преображенском соборе обряд посвящения в воины.

Еще через пять лет Новгородская республика, порядком устав от внутренних «разборок», призвала Ярослава Всеволодовича на княжение, но тот пробыл в Новгороде лишь две недели, после чего своею властью посадил на новгородский престол обоих сыновей — Федора и Александра.

Однако три года спустя Федор умер, и Александр остался старшим наследником своего батюшки. В качестве боевого крещения юный князь принял участие в походе под отцовским стягом на Дерпт, захваченный ливонцами, и в 1234 году праздновал свою первую победу в битве на реке Омовже.

С шестнадцати лет Александр становится практически самостоятельным князем: его отец сел на киевский престол. Вместе с независимостью от отца молодой князь получил целый ворох запутанных внешнеполитических проблем: соседи Новгородской земли давным-давно пытались подчинить себе вольнолюбивый город, правда, без особого успеха. Но после разорения северо-восточной Руси монголами, которые, к тому же, зимой 1237/1238 годов взяли Торжок после двухнедельной осады и самую малость не дошли до Новгорода, западные соседи Новгородской земли практически одновременно развернули наступательные действия.

Александр к этому времени был уже женат на дочери Брячислава Полоцкого, княжне Александре, и даже успел стать отцом первенца — Василия. Увы, год рождения княжича ознаменовался не слишком радостными для новгородцев и их князя событиями. Немцы подступили почти вплотную к Пскову, а шведы двинулись на Новгород, который, правда, был предусмотрительно укреплен по приказу Александра.

Согласно русским летописям, во главе шведского войска был сам зять короля, ярла Биргера, приславший новгородскому князю гордое и надменное послание:

«Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю землю твою».

По Неве Биргер хотел плыть к Ладожскому озеру, занять Ладогу и уже по Волхову идти к Новгороду.

Сказать, что Александру не понравился тон письма и намерения его автора — значит, ничего не сказать. Со сравнительно небольшой дружиной новгородцев и ладожан князь июльской ночью 1240 года врасплох напал на шведов, когда они остановились лагерем для отдыха при устье реки Ижоры, на Неве, и нанес им полное поражение. Шведы бежали на свои корабли и в ту же ночь уплыли вниз по реке.

Эта ночная сеча вошла в историю под названием «Невская битва». Сражаясь в первых рядах, Александр «неверному кралю их (Биргеру) возложил острием меча печать на челе». Победа в этой битве продемонстрировала военный талант и ум Александра, а также навечно закрепила за ним имя Невского, с которым он и вошел в историю.

Ведь действительно, знаменитая битва, о которой фильмы снимают и книги пишут, произошла на Чудском озере, и логичнее было бы именовать славного победителя Александром Чудским. Но почему-то мало кто задумывается над тем, каким образом герои получают свои имена.

Церковные хроники уделяют этой битве куда больше внимания. В них, в частности, сказано, что «...множество кораблей подошло к Неве под командованием ярла Биргера, покуда Александр долго молился в храме Святой Софии и был благословлен архиепископом Спиридоном на брань сию... Выйдя из храма, Александр укрепил дружину исполненными веры словами: «Не в силе Бог,

а в правде. Иные — с оружием, иные — на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовем!» И было чудное предзнаменование: стоявший в морском дозоре воин видел на расвете 15 июля ладю, плывущую по морю, и на ней святых мучеников Бориса и Глеба, в одеждах багряных. Александр, ободренный, мужественно повел с молитвой дружину... И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество».

Впечатление от победы было тем сильнее, что она произошла в тяжелую годину невзгод в остальной Руси. Традиционно считают, что сражение 1240 года предотвратило потерю Русью берегов Финского залива, остановило шведскую агрессию на новгородско-псковские земли. В Новгороде долго помнили «Ледовое побоище» немцев: вместе с Невской победой над шведами, оно еще в XIV веке вспоминалось на ектениях по всем новгородским церквям.

Так что Александр — теперь уже Невский — отвел от Новгорода серьезнейшую опасность. Но благодарность никогда не была отличительной чертой новгородцев. В том же году они разругались с собственным спасителем, и тот был вынужден уехать из Новгорода и стать князем в Переславле-Залесском, как решил его отец. В принципе, Александра это тогда устраивало: по характеру он отнюдь не был агрессивен и оборону предпочитал нападению, а на Переславль пока никто нападать не собирался.

Увы, этого никак нельзя было сказать об оставленном им Новгороде: на вольнолюбивый город надвигались ливонские немцы. Рыцари осадили Псков и вскоре взяли его, воспользовавшись предательством среди осажденных. В город были посажены два немецких фогта, что стало беспрецедентным случаем в истории ливонско-новгородских конфликтов.

Положение, между тем, ухудшалось с каждым днем: ливонцы завоевали и обложили немалой данью одну из пяти новгородских областей, примыкавших к Финскому заливу — Водь, населенную довольно многочисленным тогда народом угрофинского происхождения. Настолько многочисленным, что им заинтересовались европейские государства, называвшие эту область Ватландией и начавшие усиленное распространение там христианства, для чего Папа Римский даже назначил особого епископа.

В завоеванной области была построена крепость Копорье (одновременно ливонцы взяли и разорили город Тесов и земли по реке Луге), и начались систематические нападения на новгородских купцов всего лишь в тридцати верстах от Новгорода. Удар был нанесен по самому чувствительному месту вольнолюбивой республики — ее кошельку, по сему новгородцы воззвали о помощи и попросили у Киева... правильно, князя.

Ярослав прислал было к ним младшего сына — Андрея, но тот по каким-то причинам новгородцев не

устроил. Скорее всего, они прекрасно помнили военные победы прежнего своего князя — Александра — и в качестве надежного защитника желали именно его. Уговаривать пришлось несколько месяцев: Александр был незлопамятным, но, как бы сейчас сказали, принципиальным. По-видимому, пересилило чувство патриотизма: уступать хоть и склочный, но русский Новгород иноземцам не хотелось еще больше, чем снова становиться новгородским князем.

В 1241 году Александр со своей дружиной прибыл в Новгород, где еще пребывал его брат Андрей — фигура чисто декоративная, но тоже имевшая под своим стягом дружину. Совместными усилиями братья двинулись на Псков, осадили его, а затем взяли приступом. При штурме погибло около семидесяти новгородских рыцарей и множество простых воинов. Но по свидетельству немецкого летописца, шесть тысяч ливонских рыцарей было взято в плен и замучено. Обычно летописцы склонны преуменьшать цифры потерь близкой им стороны, так что данный источник можно считать относительно надежным.

Вдохновленные успехами новгородцы вторглись уже непосредственно на территорию Ливонского ордена — самого мощного в те времена военного объединения на севере Европы — и начали разорять поселения эстов, данников крестоносцев. Вышедшие из Риги рыцари уничтожили передовой русский полк Домаша Твердиславича, вынудив Александра

отвести свои отряды к границе Ливонского ордена, проходившей по Чудскому озеру. Обе стороны стали готовиться к решающему сражению.

Оно произошло на льду Чудского озера, у Вороньего камня, 5 апреля 1242 года. На восходе солнца началась знаменитая битва, слышущая в

В.А. Серов. Ледовое побоище

наших летописях под названием «Ледового побоища». Немецкие рыцари выстроились клином, а точнее, узкой и очень глубокой колонной, задача которой сводилась к массивованному удару по центру новгородского войска.

Русское войско было построено по классической схеме, выработанной еще Святославом. Центр — пеший полк с выдвинутыми вперед лучниками, по флангам — конница. Новгородская летопись и немецкая хроника

единогласно утверждают, что клин пробил русский центр, но в это время ударила по флангам русская конница, и рыцари оказались в окружении.

Как пишет летописец, была злая сеча, льда на озере стало не видно, все покрылось кровью. Русские гнали немцев по льду до берега семь верст, уничтожив более 500 рыцарей, а чуди бесчисленное множество, в плен взято более 50 рыцарей.

«Немцы, — говорит летописец, — хвалились: возьмем князя Алексан-

дра руками, а теперь самих Бог выдал ему в руки».

По данным ливонской хроники, потери ордена составили 20 убитых и 6 плененных рыцарей, что может согласовываться с Новгородской летописью, которая сообщает, что ливонский орден потерял 400–500 «немец» убитыми и 50 пленными — «и паде Чюди бещисла, а Немець 400, а 50 руками яша и приведоша в Новгородъ».

Учитывая, что на каждого «полноценного» рыцаря, имевшего едва ли не генеральский статус, приходилось 10–15 оруженосцев, слуг и рыцарей более низкого ранга, можно считать, что данные ливонской хроники и данные новгородской летописи подтверждают друг друга. Русские плохо разбирались в немецком «Табеле о рангах» и могли приравнять знатного рыцаря к обычному воину. Враг с оружием в руках — это враг, остальное не волновало ни князя, ни его дружину, ни летописцев.

Немецкие рыцари были разгромлены. Ливонский орден был поставлен перед необходимостью заключить мир, по которому крестоносцы отказывались от притязаний на русские земли, пленники с обеих сторон были обменены.

Три года спустя литовская армия предприняла попытку напасть на новгородские земли, но при известии о том, что против них выступил князь Александр с дружиной, литовцы тут же начали отступление. На свою беду, они хотели увезти все награбленное, так что Александр нагнал их и

разбил в битве у озера Жизца. По сказанию летописца, литовцы впали в такой страх, что стали «блестися имени его».

Шестилетняя победоносная защита Александром северной Руси привела к тому, что немцы, по мирному договору, отказались от всех недавних завоеваний и уступили Новгороду часть Латгалии (исторически Латгалией называлась территория Латвии к востоку от Даугавы, от границы племени ливов до славянских границ — *прим. автора*).

Западные пределы Русской земли были теперь надежно ограждены, но оставалась непрерывная и опасная угроза с Востока. И вот тут начинается та часть жизни Александра Невского, о которой известно чрезвычайно мало, ибо громких военных походов практически не было, но во время которой князь сумел сделать для Руси не меньше, чем за предшествующие годы. Если не больше.

В 1246 году отец Александра, Ярослав, выехал в Орду за так называемым «ярлыком на княжение», который получали от ордынских ханов все русские князья. Там, в Каракоруме, Ярослав был предательски отравлен, причем виновник так и остался неизвестным. Почти одновременно с Ярославом был убит князь Михаил Черниговский, обвиненный в неповиновении Орде.

Пришлось отправляться в Орду самому Александру — «на поклон к хану Батыю», а оттуда, по дипломатическим соображениям, — в Монголию, к Великому Хану Гуюку. В этом

путешествии, продолжавшемся два года, Александра сопровождал его брат Андрей. В их отсутствие князь Михаил, младший из сыновей Ярослава, ввязался в междоусобную войну со своим дядей Святославом, княжившим во Владимире. Михаил хотел сам стать владимирским князем, но вместо этого погиб в одной из схваток. Весть об этом два его старших брата получили уже на обратном пути из Монголии в Россию.

Согласно завещанию Ярослава, владимирским князем должен был стать Андрей, а князем новгородским и киевским — Александр. И летописец отмечает, что у них была «пря велия о великом княжении», конец ко-

торой положил... хан Батый, разоривший во время своего похода на Русь в 1248 году Киев, тем самым лишив его статуса «главного русского города». В итоге, Александр получил Киев и «всю Русскую землю» (точнее, то, что от нее оставили татаро-монгольские завоеватели), но остался жить в Новгороде.

Спасение пришло оттуда, откуда его совсем не ждали — из самой Орды. Хан Батый решил выступить против Великого Хана и отправился в поход на Монголию, в результате чего стал главной силой во всей Великой Степи. Александр дал Батыю слово не поднимать Русь против татар во время этого их похода и тем самым обезопасил русские города от бесконечных татарских набегов.

В 1252 году Орда признала Александра единовластным князем всей Руси, а два года спустя он заключил договор о вечном мире с Норвегией, предотвратив тем самым новые по-

пытки напасть на северо-западные рубежи Руси.

В 1256 году умер хан Батый, и Александр снова лично отправился в Орду, чтобы подтвердить мирные отношения с новым ханом Берке. Помимо всего прочего, обсуждались и перспективы... конфессионального сотрудничества. Пять лет спустя, стараниями князя Александра и митрополита Кирилла, в Сарае, столице Золотой Орды, была учреждена епархия Русской Православной Церкви. Это, пожалуй, самое важное дипломатическое достижение князя Александра Невского, куда более важное, чем «замирение» литовцев или немцев.

Надо отметить также, что Александр отверг предложение о помощи со стороны католической церкви. Есть сведения о двух посланиях ему Папы Римского Иннокентия IV. В первом Папа предлагает Александру последовать примеру отца, якобы согласившегося перед смертью подчиниться римскому престолу, а также предлагает координацию действий с тевтонцами в случае нападения татар на Русь. Во втором послании упоминает о согласии Александра креститься в католическую веру и построить католический храм в Пскове, а также просит принять его посла — архиепископа Прусского. Но самих посланий, равно как и свидетельств о приезде римских легатов или намерении князя «перекреститься», не существует.

Зато достоверно известно, что в то же самое время литовский князь

Миндовг принял католическую веру, тем самым обезопасив свои земли от тевтонцев. По рассказу летописца, Александр Невский, посоветовавшись с мудрыми людьми, изложил всю историю Руси и в заключение сказал: «си вся сведеае добре, а от вас учения не приимаем». Другими словами, в отличие от литовцев, он считал, что можно воспрепятствовать тевтонской угрозе и не менять вероисповедание.

Действительно, шведы в 1256 году попытались было отнять у Новгорода финское побережье, приступив к постройке крепости на реке Нарве, но при одном слухе о приближении Александра с суздальскими и новгородскими полками убежали обратно. Чтобы еще более уstrasшить их, Александр, несмотря на чрезвычайные трудности зимнего похода, вступил в Финляндию и завоевал поморье.

Зато очередной опустошающий набег Орды на Русь Александр Невский предотвратил дипломатическими путями. Впрочем, начиналось все не вполне дипломатически: по тайному указанию князя, в 1262 году во многих городах были перебиты татарские сборщики дани и вербовщики воинов — баскаки. Русь ожидала неизбежной мести, но...

Но Александр Невский опять лично отправился в Орду, где вел долгие и тайные переговоры с ханом Берке. Содержание переговоров неизвестно, зато хорошо известны их последствия: ссылаясь на восстание русских, хан Берке прекратил посылать дань в Монголию и провозгла-

сил Золотую Орду самостоятельным государством, сделав ее тем самым заслоном Руси с востока. Не очень надежным, тающим в себе собственную угрозу, но все-таки — заслоном.

Историки уделяли и уделяют этому событию мало внимания, в отличие от православной церкви. С ее же точки зрения, в 1262 году началось «великое соединение русских и татарских земель и народов, были посеяны семена, взошедшие в будущем многонациональным Российским государством», включившее впоследствии в пределы Русской Церкви почти все наследие Чингисхана до берегов Тихого океана.

Впрочем, до дипломатических способов Александр Невский додумался не сразу. За десять лет до этого он и его братья Андрей и Ярослав предприняли попытку разделаться с татарами так же, как до этого с немцами, то есть дать им решительный бой. Увы, в сражении 1251 года русские дружины были разбиты: первая попытка открытого противодействия татаро-монголам в северо-восточной Руси закончилась неудачей. Русским князьям пришлось склонить голову перед гораздо более сильным врагом.

Но в 1253 году Александр стал уже великим князем и мог планировать и вести внешнюю политику с куда большим размахом, чем до этого. Прежде всего следовало навести порядок на собственной земле: в 1255 году верные себе новгородцы «изгнали от себя» старшего сына Алек-

сандра — Василия, который им чем-то не угодил. Александр Невский заставил новгородцев снова принять Василия, а неугодного ему посадника Ананию, поборника новгородской вольности, заменил другим.

Когда в 1257 году Орда затеяла перепись населения на Руси (да-да, было и такое!), новгородцы опять взбунтовались. До них татаро-монгольские набеги так и не докатились, и они плохо представляли себе, с кем имеют дело. Посадника убили, князь Василий, от греха подальше, убрался во Псков.

А в Новгород явился сам Александр Невский с... татарскими послами. Василия, как «не оправдавшего надежд», он сослал в «Низ», то есть Суздальскую землю, советчиков его схватил и наказал («овому носа урезаша, а иному очи выимаша»), и посадил князем к ним второго своего сына, семилетнего Дмитрия. Такими не слишком гуманными способами великий князь добился от новгородцев согласия на перепись и дань («тамги и десятины»). С тех пор Новгород, хотя и не видел больше у себя монгольских чиновников, участвовал в выплате дани, доставляемой в Орду со всей Руси.

Правда, длилось это недолго — до вышеупомянутой поездки в Золотую Орду великого князя Александра. Эта дипломатическая поездка в Сарай была четвертой и последней. На обратном пути, не доезжая до Владимира, в Городце, в монастыре князь-подвижник предал свой дух Господу 14 ноября 1263 го-

*Орден и звезда
Святого
Александра Невского,
утвержденный
Екатериной I*

*Советский орден
Александра
Невского*

да, завершив многотрудный жизненный путь принятием святой иноческой схимы с именем Алексей.

Митрополит Кирилл возвестил народу во Владимире о его смерти словами:

«Чада моя милая, разумеите, яко заиде солнце Русской земли», и все с плачем воскликнули: «уже погибаем!»

В условиях страшных испытаний, обрушившихся на русские земли, Александр Невский сумел найти силы для противостояния западным завоевателям, снискав славу великого русского полководца, а также заложил основы взаимоотношений с Золотой Ордой. В условиях разорения Руси он умелой политикой ослабил тяготы ига, спас Русь от полного уничтожения.

«Соблюдение Русской земли от беды на востоке, — писал известный историк Сергей Соловьев, — знаменитые подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси и сделали его самым видным историческим лицом в древней истории от Мономаха до Донского».

Александр сделался любимым князем духовенства. Уже в 1280-х годах во Владимире начинается почитание Александра Невского как святого, позднее он был официально канонизирован Русской православной церковью. Александр Невский был единственным православным светским правителем не только на Руси, но и во всей Европе, который не пошел на компромисс с католи-

ческой церковью ради сохранения власти. При участии его сына Дмитрия Александровича и митрополита Кирилла была написана житийная повесть, получившая широкое распространение в более позднее время (сохранилось 15 редакций).

В дошедшем до нас летописном сказании о подвигах его говорится, что он «Богом рожен». Некий рыцарь, пришедший с запада посмотреть на Невского, рассказывал, что он прошел много стран и народов, но нигде не видал такого «ни в царях царя, ни в князьях князя». Такой же отзыв будто бы дал о нем и сам хан татарский, а татарские женщины его именем пугали детей.

Святое тело князя Александра Невского понесли из Городца во Владимир. Девять дней длился путь, и тело оставалось нетленным. 23 ноября при погребении его в Рождественском монастыре во Владимире было явлено Богом «чудо дивно и памяти достойно», но какое именно — сейчас уже достоверно не известно.

Великим князем после смерти Александра Невского — при очень активной поддержке Золотой Орды — стал его сын Андрей, ничем себя особо не прославивший. А после него киевский престол занял племянник Александра Невского, Михаил Ярославич, напоминавший по складу характера былинного богатыря: храбр, силен физически, верен слову, благороден. С переходом «великого стола» к Михаилу Тверскому реальная власть ушла из рук сыновей Александра Ярославича.

Фактически, уже в начале XIV века прежней Киевской Руси не стало — факт, на который историки почему-то обращают очень мало внимания. А ведь к этому времени ни политического, ни этнического единства русских больше не существовало, сама система власти была окончательно разрушена.

Вместо старых городов Поднепровья появились новые центры. Тверь — прекрасный богатый город на Волге, имевший выгодное географическое положение; Смоленск — западный щит Руси; Рязань — служившая защитой от беспорядочных набегов степных грабителей; отвоеванный у мордвы Нижний Новгород — торговый город и колонизационный центр на границе с волжскими булгарами; маленькая, затерянная в лесах Москва...

За год до смерти князя его вторая супруга — некая Васса — родила сына Даниила, который стал первым князем московским.

Младший сын Александра Невского, Даниил, получил «во княжение» крохотный городок в глуши — Москву. В отличие от других князей, он воевал мало, больше занимался хозяйством: отстраивал свой город, развивал земледелие, заводил ремесла. Единственным его завоеванием стала Коломна, принадлежавшая рязанским князьям. Благодаря своей мирной политике Даниил приобрел большой авторитет и к началу XIV века стал одним из влиятельных князей на Руси. Но даже отблески отцов-

ской славы не пали на его трудолюбивого потомка: летописи говорят о нем скупно и глухо.

А память об Александре Невском оказалась прочнее, чем можно было ожидать. Почитание его как святого заступника Руси установилось сразу вслед за кончиной. «Драгоценная отрасль священного корня, — молитвенно взывала Церковь к благоверному князю, — блаженный Александр, тебя явил Христос Русской земле, как некое божественное сокровище... Радуйся, презревший догматы латинян и вменивший в ничто все их обольщения!.. Радуйся, заступник Русской земли: моли Господа, даровавшего тебе благодать, соделать державу сродников твоих Богоугодною и сынам России даровать спасение».

В 1724 Петр I основал в Петербурге монастырь в честь своего великого соотечественника (ныне Александроневская лавра) и повелел перевезти туда останки князя. Он же постановил отмечать память Александра Невского 30 августа — день заключения победоносного Ништадского мира со Швецией.

В 1725 императрица Екатерина I учредила орден Святого Александра Невского. Он изготовлен из золота, серебра, алмазов, рубинового стекла и эмали. Общий вес 394 бриллиантов составляет 97,78 каратов. Орден Александра Невского — одна из высших наград России, существовавших до 1917 года.

Р.С. Во время Великой Отечественной войны в 1942 был учрежден

советский орден Александра Невского, которым награждались командиры от взводов до дивизий включительно, проявившие личную отвагу и беспеичившие успешные действия своих частей. До конца войны этим орденом было награждено 40 217 офицеров Советской армии. □

Святому благоверному
Великому князю
Александру Ярославичу
НЕВСКОМУ

от благодарных потомков
2010 г.
в год 90-летия
Республики Карелия

Татьяна Харламова

ЛИКИ

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

В Московском Кремле постоянно ведутся реставрационные работы, в которых принимают участие и ученые, и реставраторы, и криминалисты. Мы хотим рассказать об одной из них — о восстановлении некрополя «Московские великие княгини и царицы».

...Когда открыли крышку гробницы, в которой покоилась третья жена Ивана Грозного Марфа Собакина, все замерли. В гробу лежала бледная дева красоты неписаной, совершенно нетронутая тлением. А ведь ей пришлось пролежать под землей четыре века!

— Это всего лишь красивая легенда, — говорит заведующая отделом археологии музеев, доктор исторических наук Татьяна Панова, — документальных подтверждений ей не найдено.

А появилась эта легенда, возможно, потому, что Марфа Собакина умерла при весьма странных обстоятельствах. После обручения с Иваном Грозным она вдруг начала худеть и чахнуть. Несмотря на это, царь сыграл с ней свадьбу. Не успев стать фактической женой царя, девушка неожиданно скончалась. Пошли слухи, что царицу извели ядами злые люди. Но были и другие версии — якобы мать Собакиной передавала ей какие-то снадобья для чадородия. Возможно, эта версия и стала основой легенды о нетленной красоте девушки, обретенной благодаря волшебным травам. Сейчас достоверный скульптурный портрет Марфы Собакиной воссоздан. По словам криминалиста-художника, — действительно, красота неопишущая! А сколько еще в кремлевском подzemелье пожится таких красавиц...

... В советскую эпоху спасали некрополь в экстремальных обстоятельствах. Протесты ученых, писателей и историков не поколебали советскую власть в решении о сносе Вознесенского монастыря. Монастырские постройки начали разбирать. Хорошо, что нашлись энтузиасты: сохранилась даже фотография — бородатые мужики тащат на себе одну из самых больших и великолепных гробниц, сделанную из белого мячковского камня, — с останками Натальи Нарышкиной, матери Петра Первого. Археологи и историки проводили здесь дни и ночи на-

пролет. Многие реликвии оказались в ветхом состоянии, и их на ходу приводили в порядок. Решено было перенести саркофаги с останками в подвальные палаты Архангельского собора.

... Ряд белых торжественных гробниц, разъеденных трещинами. В усыпальнице Вознесенского монастыря, как известно, покоились матери, жены, дочери и сестры великих князей и царей. Это были, как правило, прекрасные женщины, красавицы и умницы, незаурядные личности. Одни влияли на ход истории, постоянно находясь в центре политических интриг, другие видели свой долг в жертвенном служении мужьям.

Какие имена! Софья Палеолог, Елена Глинская, Наталья Нарышкина, Ирина Годунова... Вот изящный саркофаг Анастасии, первой жены Грозного. Она была миниатюрной женщиной с великолепной косой, почти до пола. Потрясающе, но коса эта сохранилась! Конечно, она усохла до размеров косички школьницы, ведь минуло пять веков. Анастасия умерла совсем молодой — в двадцатипятилетнем возрасте, хотя позади уже были тринадцать лет мучительного брака с Иваном Васильевичем.

— Удалось доказать, — продолжает Татьяна Панова, — что и Анастасию, и Елену Глинскую отравили. В их волосах и костях обнаружена ртуть, ведь в средние века распространенным методом «разборок» с соперниками были яды.

Первой захоронили в монастыре его основательницу — Евдокию Донскую. Ее саркофаг самый почитаемый, у него всегда лежали живые цветы.

Княгиня родила князю Димитрию одиннадцать детей, и пережила его, так и не оправившегося от ран Куликовской битвы, на восемнадцать лет. Уже в конце жизни она приняла монашеский сан.

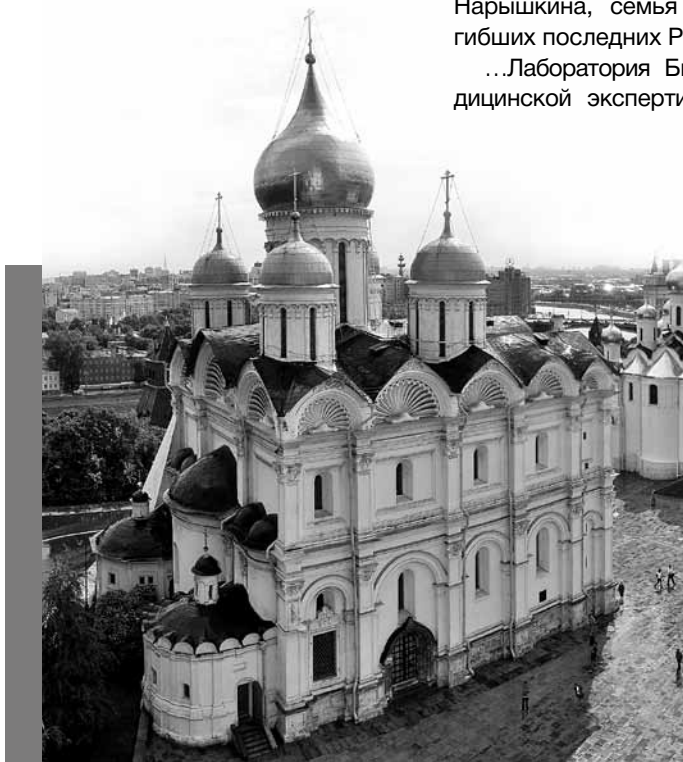
А вот — Софья Палеолог. Прекрасный высокий лоб, большие глаза, классически правильные черты гречанки. Греческая царевна из древнего византийского рода отказала двум знатным женихам, прежде чем к ней посватался Иван Третий.

Теперь, спустя пять веков, благодаря эксперту-криминалисту Сергею Никитину, который работает вместе с

Татьяной Паниной, мы узнали, как выглядела великая княгиня Софья. Это единственный в мире ее портрет, других не сохранилось. Татьяна Дмитриевна Панова наводила справки даже в Ватикане, где воспитывалась Софья.

Сергей Никитин более тридцати лет занимается реставрацией древних останков, продолжив традиции знаменитого антрополога Михаила Герасимова. Если бы не он, в Архангельском соборе не появились бы многие уникальные экспонаты. Сегодня мы уже знаем, как выглядели Мария Нагая, родившая царевича Дмитрия, Илья Муромец, Наталья Нарышкина, семья трагически погибших последних Романовых...

...Лаборатория Бюро судебно-медицинской экспертизы. Жутковатое

Архангельский собор

место. Здесь, когда коллеги-криминалисты расходятся по домам, Сергей иной раз трудится до двух часов ночи, вглядываясь в глубь веков. На высоких шкафах расставлены бюсты удивительных личностей прошлого — мудрый Нестор-Летописец, первый русский врач Агапит, живший в одиннадцатом веке и спасший траволечением сотни жизней, крутолобый хмурый Илья Муромец.

— Еще учась в институте, я начал ходить в лабораторию Михаила Герасимова, а потом его последовательницы Галины Лебединской, — рассказывает Сергей Никитин. — Герасимов первым подвел научную базу под антропологическую реконструкцию. Раньше это всерьез не воспринимали.

— Сергей, вам, наверное, приходится массу исторических источников «перелопатить», прежде чем приступать к такой работе?

— Вообще-то, для меня важна не эпоха, а сам человек. Достаточно взять в руки череп, чтобы получить любую информацию, — злой он был или добрый, красивый или уродливый, волевой или нет. Так в девяносто первом году я «опознал» Николая Второго. У последнего российского императора был очень характерный лоб — вертикальный, с высокими буграми. Останки царской семьи можно было не мучить генетическими экспертизами, тем более что имелись фотографии, были известны индивидуальные признаки каждого из членов семьи... Что уж тут сомневаться!

Спасение саркофага Натальи Нарышкиной из некрополя Вознесенского монастыря

Подземные палаты Архангельского собора, где теперь в саркофагах покоятся останки русских великих княгинь и цариц

Генетическая экспертиза лишь довершила разрушение останков.

Успех при восстановлении внешнего облика исторических личностей зависит, прежде всего, от того, насколько сохранился череп. Это и есть главная трудность. Реконструкция портрета Елены Глинской была очень тяжелой, потому что мозговая часть черепа почти полностью отсутствовала. И все-таки удалось «поймать» пропорции. Это ювелирная работа, на которую уходит почти полгода, а иногда и целый год.

Над преподобной Ефросинией (в миру — Евдокией Донской) тоже пришлось немало потрудиться, возможно, получилась не абсолютная копия, но достаточно точная.

— Ваши портреты — как живые, словно эти люди из прошлого смотрят на нас, дышат. Как вам это удается?

— Взгляните на этих двух прекрасных женщин — обе были сильными личностями, повлиявшими на ход истории, да, к тому же, необыкновенные красавицы. Но какие разные! Софья Палеолог — жесткое, властное лицо. Череп хорошо сохранился, и я был поражен ее нижней челюстью, — ни у каждого мужчины встретишь такой волевой подбородок. Кстати, я провел сравнительные исследования, в ней очень много сходства с портретами Ивана Грозного, воссозданными Герасимовым. Измерив черепа Ивана Грозного и Софьи Палеолог, можно однозначно утверждать, что Грозный унаследовал черты своей бабушки. Да и характер тоже. А Елена Глинская — настоящая дама, женственная, хитрая, с мягкими легкими чертами лица. Марфа Собакина —

Софья Палеолог. Скульптурная реконструкция по черепу

Елена Глинская. Скульптурная реконструкция по черепу

необыкновенная красавица, очень гармоничное лицо.

На последних этапах работы происходит что-то мистическое. Можно полгода «делать лицо», достаточно быстро воспроизвести его черты, но это всего лишь скульптурный «робот». А однажды дотронешься до лица, сделаешь какой-то штрих и вдруг ощущаешь, что оно ожило. Я назвал бы это «озарением», которое приходит откуда-то сверху. Может быть, душа той, чей череп в моих руках, подсказывает.

— Не снятся ли вам по ночам эти исторические персонажи?

— Они мне все как родные. И Агапит, и Елена Глинская, и члены царской семьи... Я воссоздал и много ликов святых, чем очень горжусь. Когда работал над ликом Евдокии

Донской, ужасно волновался. Скульптура была готова, но я ждал «озарения». Иной раз смотрю, думаю, пробую чуточку опустить веки или приподнять уголки губ — ничего не получается. Уже за полночь, собираюсь домой и вдруг оборачиваюсь и понимаю — свершилось! На меня смотрит живое лицо.

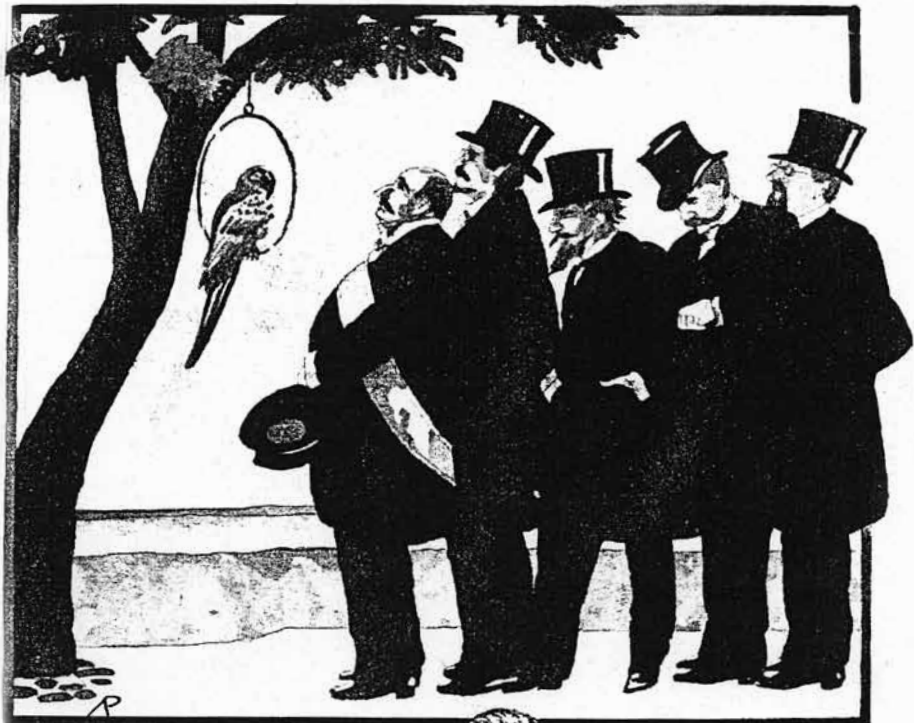
...Недавно Сергей Никитин вместе с главным археологом Московского кремля Татьяной Паниной восстановили лик царицы Марии Нагой, жены Ивана Грозного, подарившей ему сына Дмитрия. На очереди — портрет знаменитой Натальи Нарышкиной, матери Петра Великого... Останки этих великих женщин прекрасно сохранились, так что есть надежда вскоре увидеть их скульптурные портреты в музеях Кремля. □

Евдокия Донская. Скульптурная реконструкция по черепу

Марфа Собакина. Скульптурная реконструкция по черепу

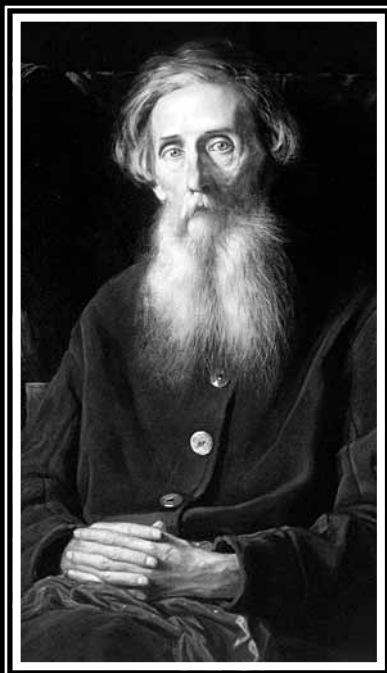

Трудно, наверное, найти в нашей стране дом, где бы на одной из полок не стояли четыре увесистых тома «Толкового словаря живого великорусского языка» под редакцией Владимира Ивановича Даля.

«Посмотри в «Даля», «Загляни в «Даля» — не знаю, как вы, а я часто слышала в детстве эти фразы. И слово «Даль» для меня было синонимом чего-то незыблемого, чего-то ясного и четкого, где всегда можно найти ответ. Сейчас все чаще говорят: «Посмотри в Интернете».

Но словарь Даля и в наше время, к счастью, не потерял своей актуальности. А ведь со дня рождения его автора прошло уже 210 лет.

Загляни в «Даля»

Евгения Гордиенко

Владимир Иванович Даль родился 10 ноября 1801 года на Украине, в городе Луганске. Однако ж — на улице Английской. Отец его был датчанином, мать — немкой, рожден он был в лютеранстве, но всю жизнь почитал себя русским и православным.

Стоит пару слов сказать о семье Даля, чтобы стало понятно, что таланты не берутся из пустоты — у всего есть свои корни.

Отец Даля, датчанин Иоганн Христиан фон Даль, был приглашен ко двору Екатериной II как придворный

библиотекарь — императрицу поразило его знание иностранных языков: Даль владел немецким, французским, русским, ивритом, латынью, греческим и древнееврейским языком.

Надолго Даль-старший при Екатерине не задержался — уехал учиться в Йену на врача, потому что только эту профессию считал достойной для человека. Он вернулся в Россию с дипломом доктора медицины и в 1792 году получил право «в Российской империи медицинскую практику управлять». В 1799 году Иоганн-Христиан принял российское подданство и русское имя — Иван Матвеевич Даль.

В Петербурге он женился на Марии Христофоровне Фрейтаг, у них родились четверо сыновей. Мария Даль тоже была женщиной образованной, свободно владела пятью языками.

Неудивительно, что сын таких людей создал один из величайших лингвистических трудов не только своего, но и нашего времени.

Судьба Владимира Даля могла сложиться иначе, не получи Иван Матвеевич в 1814 году дворянство и право обучать своих детей в Петербургском морском кадетском корпусе за казенный счет. Так будущий составитель словаря стал мичманом. По окончании учебы мичман Даль был отправлен продолжать службу на Черноморский флот. Именно в 1819 году, по дороге к месту службы, и было положено начало знаменитому словарю.

А произошло это так. Казенная шинель мичмана Даля грела неважно, и ящик, в утешение продрогшему до костей моряку, указал на пас-

мурное небо — верный признак перемены к теплу.

— Замолаживает, барин!

Даль не понял, о чем речь, и переспросил у ямщика значение слова. Тот охотно объяснил. Даль холодеющими руками аккуратно записал объяснение в записную книжку. С этого дня записная книжка стала непременным спутником Владимира Ивановича. Она постоянно пополнялась новыми словами, но тот, кто думает, что с этого момента Даль превратился в усердного и степенного «кабинетного» работника, глубоко ошибается.

Службу на флоте Даль вскоре оставил, решив пойти по стопам отца и получить медицинское образование в городе Дерпте (нынешний эстонский Тарту). В одно время с ним в этом университете учились хирурги Пирогов и Иноземцев, терапевт Сокольский, физиологи Филомафитский и Загорский.

Позже Пирогов с уважением и восторгом отзывался о своем сокурснике: «Это был человек, что называется, на все руки. За что ни брался Даль, все ему удавалось освоить».

Для хирурга Даль обладал одним прекрасным свойством — одинаково хорошо владел обеими руками. Если нужно было выполнить операцию, которую сподручнее делать левой рукой, часто приглашали его.

Но медицинская карьера Даля повернула в неожиданную сторону — в 1828 году началась русско-турецкая война. Врачей не хватало, и Даля призвали на фронт.

Как ни странно, именно война во многом поспособствовала сбору

материала для словаря. На войне он встречал солдат со всей страны, из самых отдаленных уголков и деревень, и у всех выспрашивал, выпытывал неизвестные ему слова и выражения. В мирное время Далю и жизни не хватало бы, чтобы объехать все эти места.

Слова он записывал в толстые тетради, пришедшие на смену записным книжкам. И уже вскоре количество этих тетрадей так выросло, что командованию пришлось выделить доктору Далю...верблюда для их перевозки.

Но однажды случилось трагическое происшествие, чуть было не повлиявшее на судьбу русской лингвистики: верблюда в бою захватили турки. Даль был безутешен — ведь пропало заработанное за долгие месяцы. Офицеры не могли видеть, как расстраивается их любимый доктор, и отправили к туркам отряд казаков, которые смогли отбить и верблюда, и записки.

Не успела закончиться эта война, как началась другая — с поляками. Даль также был призван туда врачом, но отличиться пришлось не в лазарете, а на бранном поле.

Пехотный корпус, в котором служил Даль, оказался прижат поляками к берегу реки. Силы были неравны, а отступать некуда — мост поляки сожгли.

Однако Даль вспомнил, что в морском корпусе его учили инженерному делу, и придумал, как спасти отряд. Он собрал бочки из заброшенного винокуренного завода, находившегося неподалеку, и соорудил переправу.

Когда все перешли через реку, поляки приблизились к импровизированному мосту. К ним вышел Даль, представился врачом и попросил разрешения забрать раненых, которые якобы находятся в помещении завода. Он завел поляков на середину моста, после чего прыгнул на одну из бочек, вытащил припасенный топор и одним ударом разрубил канаты. Переправа рассыпалась на части, а Даль благополучно доплыл до берега, где его уже ждали русские солдаты.

Однако позже Далю...объявили выговор «за неисполнение своих прямых обязанностей»! К счастью, Николай I оказался более разумным, чем начальство Даля, и наградил его боевым Владимирским крестом с бриллиантами и бантом.

В 1832 году Даль, наконец, смог вернуться в мирное русло жизни и заняться сочинительством, о чем давно мечтал. Он и раньше пробовал писать, первую славу ему принесли «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казком Владимиром Луганским. Пяток первый». Взяв псевдоним «Казак Луганский», Даль тем самым подчеркивает, что себя он причисляет исключительно к русским, а не к датчанам или немцам, коих у него в роду было немало. Еще в 1817 году, совершив единственное путешествие на родину предков — в Данию, Даль понял, что это не его страна. Сам он записал в дневнике: «Ступив на берег Дании,

я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков».

Сказки Казака Луганского были с восторгом встречены всеми писателями-современниками Даля. Но для Даля особенным было признание сказок Пушкиным.

Их должен был познакомить Жуковский, но Даль не утерпел и пошел к Пушкину сам: «Я взял свою новую книгу и пошел сам представиться поэту. Поводом для знакомства были «Русские сказки. Пяток первый Казака Луганского». Пушкин в то время снимал квартиру на углу Гороховой и Большой Морской.

Я поднялся на третий этаж, слуга принял у меня шинель в прихожей, пошел докладывать. Я, волнуясь, шел по комнатам, пустым и сумрачным — вечерело. Взяв мою книгу, Пушкин открывал ее и читал с начала, с конца, где придется, и, смеясь, приговаривал: «Очень хорошо».

В ответ Пушкин подарил Далю рукописный вариант своей новой сказки «О попе и работнике его Балде» со знаменательным автографом: «Твоя от твоих!»

В разговоре Пушкин узнал, что Даль уже много лет собирает слова, их набралось уже порядка двадцати тысяч.

«Так сделайте словарь! — воскликнул Александр Сергеевич и стал горячо убеждать Даля: — Позарез нужен словарь живого разговорного языка! Да вы уже сделали треть словаря! Не бросать же теперь ваши запасы!»

Пушкин поддержал идею Владимира Ивановича составить «Словарь живого великорусского языка», а о соборных Далем пословицах и поговорках отозвался восторженно: «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!»

В 1833 году Даль и Пушкин совершили совместную поездку по «пугачевским местам» — Пушкин как раз готовился к написанию «Истории Пугачева». В благодарность за помощь он вскоре после издания выслал в подарок Далю экземпляр «Истории...»

Незадолго до смерти поэта Даль приезжал к нему в Петербург, Пушкин, как всегда, попросил поделиться новыми словами, собранными для словаря. Тогда-то он и услышал от Даля словечко «выползина» — шкурка, которую змеи сбрасывают после зимы, выползая из нее.

Зайдя как-то к Далю в новом сюжете, поэт весело пошутил: «Что, хороша выползина? Ну, из этой выползины я теперь не скоро выползу. Я в ней такое напишу!» Не снял он этот сюжок и в день дуэли с Дантесом. Чтобы не причинять раненому поэту лишних страданий, пришлось «выползину» с него спарывать.

Даль присутствовал при кончине Пушкина. Более того, он был одним из врачей, пытавшихся хоть как-то облегчить страдания поэта. Пушкина лечили и домашний доктор Иван Спасский, и придворный лейб-медик Николай Арендт. Однако только при виде Даля раненый обрадовался и, взяв друга за руку, спросил: «Скажи

мне правду, скоро ли я умру?» И Даль ответил: «Мы за тебя надеемся, право, надеемся, не отчаивайся и ты».

После этого Пушкин заметно оживился и даже попросил морошки, а Наталья Николаевна радостно воскликнула: «Он будет жив! Вот увидишь, он будет жив, он не умрет!»

Однако, как известно, произошло иначе. Даль же писал и протокол вскрытия, где подробно описал причины смерти поэта. После похорон Наталья Николаевна отдала ему перстень-талисман с изумрудом и пробитый пулей сюртук Александра Сергеевича». Это был тот самый сюртук-выползина. В воспоминаниях Владимир Даль писал: «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом; досталась от В.А. Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб.

Это черный сюртук с небольшою, в ноготок, дырочкою против правого паха. Над этим можно призадуматься. Сюртук этот должно бы сберечь и для потомства; не знаю еще, как это сделать; в частных руках он легко может затеряться, а у нас некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохранение».

Владимир Даль, помимо работы над словарем, занимался еще множеством научных изысканий. Так, он защитил докторскую диссертацию по медицине: «Диссертация на соис-

кание ученой степени, излагающая наблюдения: 1) успешной трепанации черепа; 2) скрытых изъявлений почек»; много работал в области офтальмологии и уже в 19 веке делал операции на глазах!

Работа Даля над словарем получила высокое признание всего русского общества, он получил престижную по тому времени Ломоносовскую премию.

Интересно, что когда Дालю хотели присвоить звание академика, в Академии наук не было свободного места, и тогда академик Погодин выступил с предложением бросить жребий, и одному из академиков выйти из академии, чтобы Даль занял вакансию. Но дело кончилось тем, что Даль стал почетным членом Академии наук.

К моменту завершения работы над словарем здоровье Даля уже было довольно сильно подорвано, да и возраст давал себя знать. Словарь впервые был издан в 1861 году, а вторично — в 1868 году, когда Дalia и приняли в академики.

Человеку, привыкшему постоянно и много работать, трудно смириться с тем, что в какой-то момент придется остановиться. Когда Даль заболел, то считал, что только работа сможет ему помочь. Но, увы, в 1872 году великого врача, лексикографа и просто великого человека не стало. Однако почти в каждом доме стоит увесистый четырехтомник «Толкового словаря живого великорусского языка» под редакцией Владимира Ивановича Даля. □

Виктор Ом

Душою русской...

*Дарья Леонова.
Рис. Виктора Ома*

Ямщики... Сколько их повстречала певица в том кругосветном путешествии! Какие только они не были — то веселые парни-ухари, то мрачные седовласые старцы. И со всеми приходилось как-то ладить... Ведь путь был не близкий и не легкий — по всей бескрайней России.

... С полчаса бился возница, наконец, подошел, открыл дверцу и сказал:

— Вылязайте, барин и барыня.

Дарья Михайловна и ее антрепренер покорно выполнили требование ямщика. А ветер бесновался вокруг кибитки такой, что буквально валил с ног. Ямщик заорал:

— Ты, барин, давай дяржи вожжи, а я буду хлястать лошадок, а ты, барыня, сзади подпярай возок.

Барин и барыня выполнили приказание, надеясь, что это поможет выбраться. Но не тут-то было. Несмотря на все старания, возок даже не шелохнулся — будто врос в грязную жижу.

— И что дальше? — спросила Дарья Михайловна у возницы.

Ямщик не ответил. Насупившись, отвел в сторону лошадей, сел на одну из них, других взял за поводки и крикнул:

— Я зараз съеду, привяду новых лошадей, ды людишек кликну, чтоб стащцыть яво, хренов возок-то! — И вмиг пропал — растворился в ураганной мгле...

Остались Леонова и ее спутник среди бушующей мглы ночи, в голой степи...

В три часа ночи послышалось ржание лошадей и голоса людей. Прибыли несколько мужиков, и самый говорливый из них сказал:

— Деньгу-то, барыня, 25 рублей, изволь вперед работы подать — такой уговор серед нас!

Делать было нечего — Дарья Михайловна отдала деньги, и возок, с помощью шестерки запряженных лошадей, сдвинулся с места и поплелся дальше...

Да...это была настоящая Сибирь, с ее сорокаградусными морозами и студеным ветром. Сидя в возке, Дарья Михайловна вспоминала, как целые делегации друзей приезжали к ней на дачу в Ораниенбаум, и прямо от ворот призывали опомниться и не ехать, не бросаться в это безумие — концертное турне. Она лишь усмехалась в ответ.

Вспомнилось и начало пути, солнечный июнь 1874 года. Лунная ночь в канун отъезда... Тогда и записала в свой дневник: «Если вернусь благополучно, то это будет как бы возвращение с победой со страшного поля сражения, если погибну, то значит, так судьба велит». И еще было приписано, что она ставит свою жизнь на карту.

Вспомнила она и Михаила Ивановича Глинку — все русское на-

всегда связалось в ее сознании с его образом, и первую остановку в пути — Рыбинск, залитый дождем, и Кострому, где все вокруг дышало родным духом, и где она дала два концерта и пела арию Вани в опере Глинки «Иван Сусанин». После концерта пришла к памятнику Ивану Сусанину, возложила цветы и долго стояла, пытаясь представить себе этого старого человека, так преданно любившего Россию...

Затем были Кунгур, Пермь, Екатеринбург. В Екатеринбурге она пред-

полагала дать три концерта, но желающих послушать ее было так много, что ее упростили дать целых семнадцать концертов и пять раз всю целиком спеть партию Азучены в оперном спектакле «Трубадур ...

Впереди Леонову ждали таежная Сибирь, глухомань Забайкалья, Япония, Китай, Америка. И везде ей оказывали помощь — любую и сразу.

Сидя в повозке, Дарья Михайловна вспоминала свое детство и любимого отца...

Он был крестьянином Осташковского уезда, человеком крепким, горячим и, как она понимала, характера очень русского... Не вынес крепостной неволи — сбежал от помещика. Его разыскивали — но тщетно... Объявился Михайла Леонов сам. Когда французская армия преступила нашу границу, он добровольно встал в ряды защитников отечества. Во многих сражениях довелось ему поучаствовать. Он отбивал вражеский штурм Смоленска, сражался на Бородинском поле, под Малоярославцем, топил французов в Березине и дрался в «битве народов» у города Лейпцига, что в Германии. Фельдмаршал Кутузов и генерал Багратион лично вручали ему, герою, боевые награды. Был бесстрашным в бою, как, впрочем, и в жизни, весельчак — бесменный запевала... Грамотный, щедро наделенный цепким умом, солдат Леонов получил звание офицера. В новом мундире, в числе первых, вошел в Париж. Вошел не как крепостной мужик, а как «ваше благородие». У «благородия», правда, было больше крестов на груди, чем рублей в кармане... Но офицер из «черни» нужен был только для военных действий, когда требовалось водить солдат в атаки, рисковать жизнью, а в мирное время в таких командирах нужды не было. Так что, когда наступил долгожданный мир, Леонову выдали «выходное пособие» и уволили из армии.

Он приехал в Петербург, вскоре женился на Екатерине Ивановне Ивановой, дочери мелкого чиновника. Жили бедно. Дети рождались, но в младенчестве умирали. Из шести в живых остался только один мальчик.

Михаил Леонтьевич решил поискать счастья у себя на родине. С женой и трехлетним сынишкой поехал в очень глухой в те времена Осташковский

район — в верховья Волги. Завернули в Вышний Волочек, «где по каким-то делам, — вспоминала позже певица, — отец должен был прожить некоторое время. Тут я и родилась...»

Среди глухих лесов, болот и полей прошло ее босоное детство. Здесь от крепостных крестьян — хлебопашцев и услышала она впервые и всем сердцем полюбила народные песни. И здесь, на Селижаровской земле, зазвучал впервые ее дивный голос...

Путешествие, тем временем, продолжалось. Заехала Дарья Михайловна и в Нижний Тагил. Побывала на знаменитых «демидовских рудниках». Выступала на заводах...

Зима певицу застала в Тюмени. Подъезжая к городу, молодой извозчик, в распахнутом тулупе и красной косоворотке, закричал:

— Ну, барыня гляди... вот Тюмень — столица деревень!

Здесь, в «столице деревень», Леонова дала два концерта и, продав свой походный тарантас, принялась подыскивать возок потеплее, потому что нельзя было простывать, чтобы голос не пострадал.. Это ведь самое главное и ценное, что у нее было. Возок нашелся чудным образом.

«Дело было не легкое... Но когда судьба начнет покровительствовать человеку, — писала Дарья Михайловна, — то ему удастся все, — так было и в этом случае. Мне сообщили местные жители, что продается сделанный специально для выставки в Москву, но по каким-то причинам, опоздавший на нее, — особенный возок!»

Приехала в Омск — а там открытие театра! Прямо на премьере публики увидела в губернаторской ло-

же знаменитую певицу. С раннего утра в театре началась давка за билетами. В Омске было много ссыльных поляков. Когда певица исполнила мазурку, они просто впали в экстаз, кричали: «Ешо! Ешо, пани!» Будто состязаясь с ними, то же проделывали и сибиряки после каждой исполненной Леоновой песни... Так было на всех шести концертах.

После Омска — Барнаул, где Дарью Михайловну ждали кареты, приглашения на обеды и ужины, да с такой душевностью — отказаться невозможно.

«Доходило до того, что я принуждена была в одном семействе завтракать, а в двух других обедать — в 12 часов, в 3 и в 6, и непременно должна была успеть, иначе могла оскорбить ту или иную семью».

В Барнауле певица дала шесть концертов, а еще пришлось пережить землетрясение...

Оттуда она поехала в Томск. Попала в город в самые рождественские морозы! В городе было минус сорок пять! Здесь и встретила новый 1875 год и дала одиннадцать концертов при неопишуемых восторгах публики. Ее завалили подарками, преподнесли даже настоящий сли-

ток золота, и все десять дней город жил только этими концертами...

Потом был Красноярск, и снова шесть выступлений. А после прощального концерта Леоновой преподнесли необычный подарок. Она была приглашена на обед в свою честь и вдруг увидела на столе, что ее тарелка обложена кругом десятками соболиных шкур.

— И зачем это? — растерянно спросила певица.

— А это, чтобы щи ваши не остывали, — последовал ответ.

Каждый старался хоть что-нибудь дать ей в дорогу, кто пельменей, кто индейку, а кто просто булочку. Вручили и большую соболиную накидку, чтобы в дороге теплее было...

Теперь, в долгом пути по сибирским дорогам, Дарья Михайловна вспоминала и свою мать, отчего сердце щемило так, что трудно было удержать слезы...

... Отец поступил управляющим именем к богатому помещику, там же, в Осташковском уезде. В должности этой он пробыл не долго и ничего не нажил. Сам испивший до дна горькую чашу крепостной неволи и с риском для жизни вырвавший себе свободу, он не смог, по указаниям барина, притеснять мужиков, напротив, будучи человеком добрым и отзывчивым, всячески помогал крепостным, даже все свое жалованье тратил иногда на обездоленных. Так что, прожив последние гроши, он отказался от должности и уехал в сельцо Легково к небогатому помещику, отставному подпоручику Н.И. Ивкову. Ивков и приютил их семью, а через полгода сестра его, владелица небольшой деревеньки Рыжково, что была в четырех верстах от имения брата, предложила Леоновым поселиться в ее старом пустующем доме.

В затерянном среди глухих лесов и болот Рыжкове было всего-то четыре двора, и в трех из них люди вымерли от какой-то странной болезни — все в одночасье... Вот в этой бывшей деревеньке Леоновы и обосновались. Своя крыша над головой появилась, но средств к существованию не было никаких.

И здесь спасла семью житейская многоопытность Михаила Леонтьевича. Герой Отечественной войны, отставной лейб-гвардии гренадерского полка офицер пошел ... по миру. В буквальном смысле! В мундире, украшенном боевыми орденами и медалями, Леонов приходил в помещицы дома, показывал свой военный послужной формуляр и просил помощи для своей семьи. Одни давали деньги, другие продукты, третьи — одежду и обувь. И нашелся некий добряк — подарил даже лошадь.

Это крайнее нищенство продолжалось несколько мучительных лет. Отец уходил надолго, а семья оставалась совсем без присмотра и защиты.

Но бежало время — дети подрастали... А родители только и думали, как выйти из этой удручающей нищеты и дать им хоть какое-то образование. Решили все же покинуть эти места. Поставил Михаил Леонтьевич на хиленькие дровни самодельный сундук, в котором уместился весь семейный скарб, посадил жену, сына и дочь и поехал в губернский город Тверь, а оттуда уже — в Петербург. Поселились на самой окраине города, в покосившейся от ветхости лачужке. Зимой в ней было почти так же холодно, как и на улице, а летом дожди заливали сквозь дырявую крышу. Мебели не было никакой — спали на полу. И одолевали Михаила Леонтьевича мучительные мысли — как прокормить семью. Деньги, вырученные за проданную лошадь и кибитку, быстро растаяли.

Помогли рекомендательные письма тверских помещиков. Дашу удалось определить в частную школу, сына в кондукторское училище. Сам Леонов получил место смотрителя по дорожной части в городе Нарве. Даша с братом остались учиться в Петербурге. Жизнь казалось, налаживалась — но через год умер брат Даши. Леонов побоялся оставить в столице дочь одну. Привез в Нарву, отдал учиться в пансион. И тут пришла новая беда: на должность смотрителя дорог был назначен дипломированный специалист, и Леонов вновь остался без места. Он вновь возвращается в Петербург, где с большим трудом нашел работу в сенатском архиве. Получал теперь десять рублей в месяц, и даже разговора о Дарьином ученье быть теперь не могло. Чтобы помочь родителям, Даша вязала на продажу чепчики, а за работой все время пела...

У девочки были необычайно яркие музыкальные способности и блестящая память. Стоило ей только услышать песню или романс, она сразу запоминала музыку и слова. Тут же могла все это сыграть на фортепиано и спеть.

И здесь, как говорится, вмешалась сама «госпожа судьба!» Однажды в дом на Петербургской стороне, где тогда жили Леоновы, случайно зашла одна писательница (ее фамилия так и осталась неизвестной, воистину пришла она посланцем небес, чтобы помочь их избраннице!) и услышала, как Даша поет за вязанием. Образованная и умная женщина первой оценила истинные Дашины способности. Дарья Михайловна и в своих воспоминаниях, к сожалению, называет ее только по имени-отчеству — Агафьей Тихоновной, с сердечной благодарностью говорит, что именно она ввела ее в мир настоящего искусства.

Больших трудов стоило Агафье Тихоновне уговорить родителей Даши отдать девочку учиться пению.

— Каждая копейка на счету, какое уж тут ученье, — вздыхала мать.

И только узнав, что хористкам в театре платят триста рублей в год, Леоновы решили рискнуть — «может, и выйдет что-нибудь». Писательница привела Дашу к директору императорских театров А.М. Гедеонову.

— Артисток у меня и так много, новых не надо, — заявил он.

— У Леоновой необыкновенный голос! Послушайте ее, — настаивала Агафья Тихоновна. Сам директор слушать не стал, отослал просительницу к режиссеру Петербургского Большого (Каменного) театра господину Каусу, который пришел в необычайный восторг от Дашиного голоса, музыкального слуха, памяти, однако был огорчен тем, что девушка «нот не знает совершенно»...

На первый концерт Леоновой в Иркутске все билеты были проданы за два часа, но очередь не убывала. Собралась большая толпа — люди требовали и требовали билетов. Разошлись, когда было объявлено, что певица даст еще несколько концертов.

Перед последним выступлением она должна была играть роль боярыня Хрущева в спектакле «Русская свадьба», и вдруг почувствовала — заболевает... «Хочу взять ноту и не могу, — вспоминала певица, — голос пропал совершенно. Получила страшный бронхит». Доктора даже думали, что артистка не выживет.

Иркутск всполошился: «Сохрани бог, если она умрет, — охали огорченные почитатели. — Первый раз такая артистка заехала к нам, и... не уберегли». Выходили все же... Через два месяца, хотя была еще очень слаба, Дарья Михайловна дала прощальный концерт.

Ее осыпали подарками: серебряный чайный сервиз, соболей на шубу, браслет, брошь.

А дальше Леонова поплыла на корабле. Весть о гастролях знаменитой артистки распространялась много быстрее, чем ехала она. Ее ждали Хабаровск, Николаевск, Владивосток...

... Осенью у Даши случилась большая радость — ее приняли в Петербургское театральное училище, пока, правда, в класс первоначального обучения нотам к преподавателю Быстрову. Диапазон ее голоса был столь обширен (соль малой октавы, до третьей), что учитель не смог правильно определить его: заставлял Дашу исполнять произведения, написанные для сопрано, тогда как у нее было контральто — самый низкий женский голос. Ошибка в определении голоса, как правило, кончается печально: певец портит голос или совсем его губит. Даша избежала трагедии лишь благодаря природе, наградившей ее таким сильным голосом.

Леонова вообще была одарена светлым умом, пронизательным и восприимчивым... Программу училища осваивала с необыкновенной легкостью.

*Исток Волги.
Место,
где родилась
Дарья Леонова*

В марте 1850 года уже пела на учебной сцене каватину из оперы «Роберт Дьявол» Д. Мейербергера. А потом в Александринском театре спела партию Вани в трио из эпилога оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин»: «Ах, не мне, бедному...» Это было ее первое выступление в оперном амплуа на профессиональной сцене, после которого она стала готовить роль Вани полностью.

Н.Ф. Вителлярю, узнав, что Михаил Иванович Глинка приехал в Петербург, привез Дарью к композитору на прослушивание. Она спела «Ах, не мне бедному...»

В тот первый раз пение Леоновой Михаилу Ивановичу не понравилось... Он нашел его плохим, заявив, что с таким тремоло поют только те, которые кончают, а не те, которые начинают, и объяснил Даше, как исправить ошибку.

Через год, когда композитор вновь приехал в Петербург, Леонова опять пришла к нему и снова спела «Ах, не мне, бедному...» Прослушав ее, Глинка вдруг выбежал из комнаты, а когда вернулся, сказал:

— Смотрите, матушка, что вы произвели вашим пением в этот раз! — На его глазах Дарья увидела слезы...

Михаил Иванович предложил Леоновой стать его ученицей.

Он сам обладал хорошим голосом, а уж педагогом слыл замечательным. 23 июня 1855 года композитор писал своему близкому другу К.А. Булгакову: «Я ее (то есть, Леонову) мучу ненавистною итальянскою музыкою, чтобы выработать голос; она же самородный русский талант и поет в особенности хорошо русские песни, с некоторым цыганским шиком, что весьма по нутру русской публике. Хорошо вообще исполняет русскую музыку, в особенности мою Молитву, пригнанную мною по ее голосу».

Под руководством Михаила Ивановича молодая певица подготовила всю партию Вани в опере «Иван Сусанин». Дебют состоялся осенью 1851 года и произвел фурор... В театральной рецензии того времени говорилось: Леонова вышла на сцену Александринского театра, да так исполнила роль Вани, что всех очаровала своим задушевным контральто. Публика была в неописуемом восторге.

Теперь ее зачислили в оперную труппу, она получила звание артистки императорских театров с жалованьем 600, потом в 1140 рублей в год. За концерты плата была отдельной. Дарья Михайловна очень быстро завоевала ведущее положение в театре. Сразу после дебюта о ней заговорили как о певице, в голосе которой есть некая «изюминка», пленявшая слух и волновавшая людей. Стремление послушать молодую певицу было велико, но оперы шли крайне редко, поэтому дирекция театров стала занимать Леонову в драматических спектаклях, поручая ей роли тех персонажей, которые

по ходу пьесы должны были петь. Если такой роли в пьесе не было, то ее создавали специально. Люди начали приобретать билеты именно на «Леонову»! А дирекция эксплуатировала молодую артистку сверх меры. Если появлялись афиши об оперном или драматическом спектакле, в котором певица не участвовала, то в таких афишах непременно указывалось: в дивертисменте поет Д.М. Леонова.

Дарья Михайловна часто выступала на концертах. Здесь у нее было гораздо больше творческой свободы. В театре приходилось исполнять то, что повелевает дирекция, а тут она сама составляла репертуар. Большинство ее коллег включали в концертную программу свои «битые номера» — то, что публика принимает всегда... Она же выступала не ради дешевого успеха, а совершала настоящий подвиг в искусстве. В пору преклонения перед всем иностранным старалась пробудить в обществе интерес к отечественному искусству — народной песне, произведениям передовых русских композиторов. В свой репертуар певица не боялась включать неизвестные произведения русских композиторов, проявляя тем самым большое гражданское мужество, ибо власть имущие и говорить по-русски стеснялись... Долго не признавали гениальные творения Глинки, а оперу «Иван Сусанин» называли оперой для кучеров. Брат царя, великий князь Михаил Павлович, говорил, что провинившихся офицеров вместо гауптвахты в наказание посылают слушать оперу «Руслан и Людмила»...

... А впереди певицу ждала Япония. Она очень волновалась: вряд ли там встретишь хотя бы одного знакомого, да и языка она совсем не знает. Но ее волнения оказались напрасными. Японцы были восхищены подвигом русской актрисы, проехавшей почти половину земного шара. В те дни имя Леоновой пестрело во всех японских газетах...

В Японии Дарья Михайловна выступала три месяца, побывала почти во всех крупных городах. За это время пережила здесь два землетрясения... И очень гордилась, что дала концерт в здании, где выступал только император Японии! Какая честь ей была оказана! Теперь думать, а ведь выбери тогда не искусство, а Его, этого не случилось бы!

Тогда... она, совсем молоденькая еще ученица театрального училища, стала предметом страстной любви одного молодого дворянина. И сердце ее, дрогнув, ответило взаимностью. Он сделал ей предложение, только при этом оговорил условие — Дарьюшка должна оставить театр, иначе родите-

ли не дадут своего согласия на их брак. Ведь они, как и большинство людей знатного сословия, к артистам относились пренебрежительно...

Наступили в ее жизни дни, как она потом писала, «страшной борьбы»: принять ли предложение, или все же браку предпочесть артистическую карьеру? Молодой аристократ был настолько красив, образован, воспитан и богат, что она после долгих колебаний выбрала все же замужество и перестала ходить в училище. Но постепенно сердце стал охватывать леденящий ужас — что она наделала! Слава богу, всполошились родители жениха, едва узнав о помолвке сына, и насильно отправили юношу в дальнейшее имение.

Через какое-то время Дарья получила от жениха письмо, в котором он клялся, что вернется и сдержит свое слово. Вскоре он действительно появился в Петербурге и вновь сделал предложение, но теперь Дарья решительно отказала ему. Юноша от горя бросился в кутежи, много пил, даже женился, но неудачно... Потом уехал на Кавказ и там погиб... Вспоминая его, Дарья Михайловна всегда чувствовала за собой вину...

С тех пор минуло более двадцати лет, — замуж она так и не вышла.

Шел конец 1875 года, когда Леонова оказалась в Китае. В Шанхае, как и в Японии, концерты ее также произвели фурор. Именно здесь Дарья Михайловна поняла, что наша национальная музыка понятна всем народам, ибо выражает общечеловеческие чувства, присущие всем расам — белой, желтой, черной. Ни японская, ни китайская публика не знала русского языка, но артистка пела с такой сердечной выразительностью, так проникновенно, что языковой барьер исчезал, зрители душой ощущали смысл и красоту русских произведений.

Новый 1876 год певица встретила в Ханькоу. После прощального концерта горожане в честь артистки устроили фейерверк, пригласили на торжественный ужин и вручили по-

дарок — два золотых браслета, каждый весом по фунту, с выгравированной по-русски надписью — «От ханькоуцев». А после, на специально сделанных носилках, отнесли ее до пристани, освещая путь фонарями и ракетами. Корабль отплыл...

Леонова вернулась в Японию и отсюда отправила на свою дачу в Ораниенбаум вещи, приобретенные на вырученные от концертов иены и юани. Багаж наделал много шуму... О нем писали почти все русские газеты, в Петербурге судачили завистники и злопыхатели. Дарья Михайловна отослала багаж для создания оригинальной экзотической гостиной: японскую и китайскую мебель, изделия из слоновой кости, посуду, картины, скульптуры, ковры, ткани. Это были не

ординарные поделки из далеких восточных стран, а вещи, сделанные искусными мастерами, каждая — произведение искусства.

И прямо вслед за багажом пришла весть о гибели Леоновой! Случилось все неожиданно... Дарья Михайловна купила билет до Сан-Франциско. Корабль отошел от японского берега и... не добрался до американского: попал в сильнейший шторм и затонул... Все считали, что певицы больше нет.

Но судьба уберегла Леонову. Купив билет, она поехала в гостиницу за вещами. Спускаясь с горы, рикша не удержался и упал. Неуправляемая коляска, набрав большую скорость, врезалась в здание магазина. Дарья Михайловна ударилась головой о стену, потеряла сознание. Ее доставили в больницу, а корабль ушел без нее...

В Америку Леонова отплыла только много дней спустя и на девятнадцатые сутки сошла на берег солнечной Калифорнии.

«В Сан-Франциско, — вспоминала певица, — я была уже несколько известна. Как только я приехала, в тот же день ко мне явился антрепренер из Австралии и, даже не прослушав моего пения, предложил отправиться в Австралию на всем готовом с жалованьем по три тысячи долларов в месяц, но с одним условием — выехать с ним на следующий день. Когда я представила себе, что, приняв его предложение, должна буду тотчас же опять плыть Тихим океаном, и не 19 суток, а 30 -ть, мне сде-

лалось до такой степени страшно, что сгоряча я ответила, что не возьму за поездку и сто тысяч».

Вслед за этим антрепренером в номер буквально ввалился редактор какой-то газеты и с порога потребовал у Леоновой двести долларов. Артистка опешила, а он, развалившись в кресле, сказал :

— В противном случае, я завтра же напечатаю, что вы вовсе не артистка, а беглая каторжанка из Сибири...

— Как вы смеете! — только и смогла произнести Леонова.

Но прыткого редактора ее слова ничуть не смутили, он забросил ноги на столик и заявил:

— У нас в редакции готовы две статьи о вас — совсем противоположного свойства. Решайте, мисс... Хотите хороших рецензий на ваши концерты — гоните деньги!

Реклама в американских городах поразила Леонову. На заборах, на проезжей части дорог, аршинными буквами было написано: «Поет Д. Леонова», «Концерты Д. Леоновой». По городу сновали разносчики, раздавали прохожим маленькие афишки. На билетах конки тоже были напечатаны объявления о выступлениях русской певицы. Даже тротуары улиц были испещрены надписями: «Концерт Д. Леоновой».

Публика с нетерпением ожидала начала первого концерта. В фойе говорили: «То, что эта русская дама — храбрая женщина, сомнений нет, ее героизм достоин восхищения. Посмотрим теперь, есть ли у нее талант».

Занавес открылся... Леонова запела, и шумная американская публика замерла в благоговейном восхищении. Изумительная красота и сила голоса, одухотворенность и мастер-

ство артистки буквально завоорожили всех... Успех был грандиозный!

Дарья Михайловна проехала через всю Америку. Побывала она в Чикаго, Филадельфии, Нью-Йорке.

...Свои бенефисы Леонова тоже старалась использовать для пропаганды отечественных композиторов, притом непосредственно на императорской сцене. Программу бенефиса, как известно, артист составлял сам. Воспользовавшись этим правом, Дарья Михайловна впервые познакомила публику с операми «Вильям Ратклиф» Ц. Кюи (пела партию Маргариты), «Кроатка» О. Дютша (исполнила заглавную роль), «Наташа. Или Волжские разбойники» К. Вильбоа (играла Еремеевну).

Среди аристократов, у которых увлечение Западом доходило, по выражению Грибоедова, до «жалкой тошноты по стороне чужой», бытовало мнение, что русские артисты вообще не способны достичь мастерства итальянцев. Леонова неопровержимо доказала абсурдность подобного взгляда. Она пробила брешь в крепости, вторгшись в область, в которой иноземцы чувствовали себя монополистами, то есть стала петь произведения из репертуара итальянских оперных певцов. Притом сразу взяла одну из самых сложных вокальных и сценических партий — роль Лукреции Борджиа в одноименной опере Г. Доницетти, и спела ее так, что сразу развеяла все сомнения в талантливости русских певцов. Всем стало ясно: отечественным артистам подвластен любой репертуар. Композитор А.Н. Серов (отец художника Валентина Серова) писал с восхищением, что русская опера богатеет исполнителями...

Передовые взгляды актрисы на искусство, ее прямой, бескомпромиссный характер, открытое презрение ко всем вельможным начальникам, получившим от нее достойный отпор за «усердное ухаживание», — все это вызвало гнев власть имущих.

В то время заведующим репертуарной частью императорских театров был П.С. Федоров, которого актеры за глаза звали Коровиным, Губошлепом — за привычку двигать губами, словно во рту у него жвачка.

«Начальник репертуара, — писала Леонова, — это, можно сказать, все в театральном мире». Федоров почти бесконтрольно заправлял театром. Он влюбился в Дарью Михайловну, а когда певица отвергла его ухаживания, вознегодовал и заявил: «Леонова — мой враг!» Отобрал у нее роль Марты в «Фаусте», поручив петь партию другой артистке, хотя у той было сопрано, а не контральто. При каждом удобном случае Федоров препятствовал Леоновой чем только мог.

«Путь мой, — говорила актриса, — покрывался терниями все более и более!»

Дирекция не дала Леоновой бенефис, но Дарья Михайловна через министра выхлопотала себе сольный концерт...

Почти каждый год, отработав сезон, певица отправлялась на гастроли, чаще всего — по Волге. Все же притягивала ее родная земля, ширь великой реки и задушевные пейзажи, с детства так ею любимые.

Осенью она возвращалась в Петербург, и в свободное от театра время пела для рабочих, солдат, моряков, выступала и в студенческих аудиториях. Концерты эти не только предоставляли возможность подработать, но и давали силы продолжать службу в театре.

«Интрига до такой степени всосалась в театральный мир, — писала актриса, — что, как бы ни были хороши отношения артистов между собой, на прочность этих отношений никогда нельзя рассчитывать».

В театре стремились избавиться от «вольнодумной», свободолюбивой певицы. Решили отправить ее на пенсию «по болезни». Федоров заготовил бумаги, подсылал секретаря уговорить артистку подписать их. Это была ловушка... Получив пенсию, певица по закону уже не могла появляться на сцене.

Слух о намерении дирекции уволить певицу разнесся по всему Петербургу. В Павловске Дарья Михайловна на своем концерте спела романс Сидорова со словами: «Мне все равно, враги ли мне найдутся, с врагами свыклась я давно», — и, по свидетельству очевидцев, публика пришла в экстаз и скандировала: «Оставайтесь! Ос-та-вай-те-сь! Оставайтесь!»

Отправить на пенсию певицу не удалось...

Соединенные Штаты Леоновой не понравились. Пресса осыпала ее похвалами, а она грустила... Хотелось побыстрее распрощаться с этой страной «чистогана», где на каждом шагу человека подстерегает опасность...

В Филадельфии прежде всего у певицы поинтересовались: «Для какой цели хотите дать концерт, для славы или денег?» «Хочу познакомиться с американцев с русской музыкой», — ответила она, и ее ответ удивил даже оперного капельмейстера.

Леонова рвалась домой — в Россию... «Как ни хорошо, как ни интересно было везде, где я побывала, но именно во время путешествия во всей силе сказалось чувство привязанности к родной стране», говорила она.

Возвращалась на родину, дав несколько концертов в Англии, во Франции, в Германии и Польше. Вернулась в Петербург в приподнятом настроении, с сознанием исполненного долга...

Три года русскими песнями и музыкой, исполненными Леоновой, ее героизмом восхищались в Китае и Японии, в Америке, Франции и Германии.

Только царская Россия не обратила на подвиг артистки никакого внимания...

В январе 1893 года передовая общественность России отметила сорокалетие творческой деятельности певицы. И вновь, как и всю ее артистическую карьеру, зал неистовствовал, рукоплескал, кричал и безумствовал. После юбилея Дарья Михайловна переехала в Петербург. А весной 1895 года газета «Биржевые ведомости» сообщила: Д.М. Леонова тяжело заболела.

Несколько месяцев спустя в Петербург приехал ее ученик В.П. Шкафер и навестил свою наставницу. Нашел ее в тяжелом состоянии, пригласил известного тогда в Петербурге доктора Вильчура. Уходя, доктор сказал: «Опоздал меня позвать, сердце никуда не годится, и катастрофа может наступить в любую минуту».

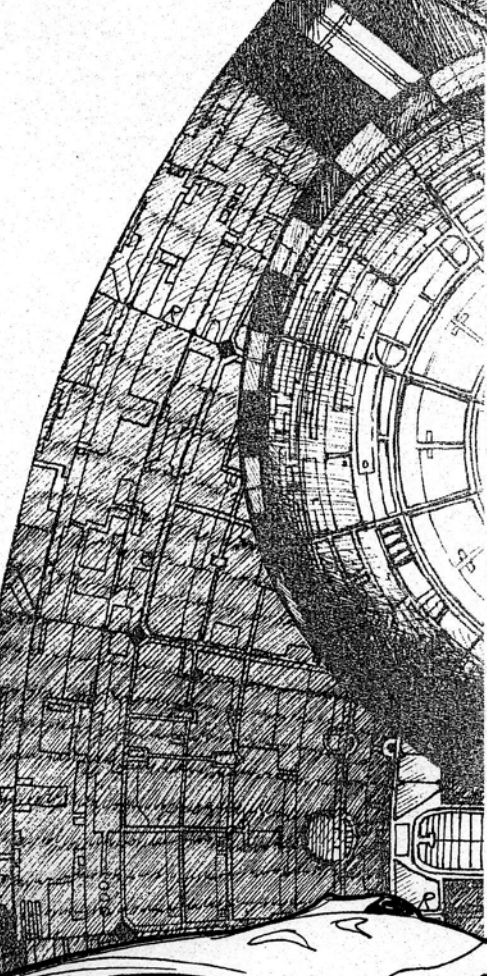
Так и случилось — 25 января (6 февраля) 1896 года сердце певицы остановилось...

Похоронили Дарью Михайловну в Александро-Невской лавре, рядом с могилой П.И. Чайковского...

О творчестве Леоновой много писали при ее жизни, и у нас в России, и за рубежом, но многие материалы даже не переведены... Оставила Леонова и свою книгу «Воспоминания артистки императорских театров». Их напечатал в 1891 году журнал «Исторический вестник». Теперь это — библиографическая редкость.

И все же остается чувство несправедливости по отношению к памяти великой певицы. Имя ее есть во всех музыкальных справочниках и энциклопедиях, но известно оно только профессионалам. Пришло время и нам вспомнить об этой необыкновенно талантливой, удивительной женщине, первой из русских актрис совершившей кругосветное путешествие, пропагандируя русскую музыку и народную песню... □

УЖАСНАЯ ОПЛОШНОСТЬ

Всю дорогу я мирно проспал и вскоре (спустя всего пять световых лет), позевывая, вышел из шара.

Планета поразила меня зеленью дремучего леса и голубишной видневшегося вдали озера. Я уже издали увидел вамнеомегианцев, гурьбой приближающихся ко мне, и широко улыбнулся:

— Приветствую! И снимаю скафандр перед величием Вамнеомеги.

Вместо того чтобы произнести ответную речь и накормить меня сытным обедом (это посулил мне инструктор, охарактеризовавший местных жителей как гостеприимных и дружелюбных существ), вамнеомегианцы зашумели, замахали конечностями, а двое из них выскочили вперед, скрутили меня в бараний рог и куда-то потащили. Явно — не за обеденный стол.

— Инструктор! — прошептал я в микрофон на груди. — Они далеко не так гостеприимны, как предполагалось. По-моему, меня арестовали!

— Быть такого не может, — прошелестел тихий голос в микрофоне. — А ты...

На этом связь оборвалась: кто-то из вамнеомегианцев задел на моем костюме пуговицу, в которую был вмонтирован микрофон.

— Господа! — воскликнул я. — Джентльмены! Вы ведете себя неадекватно! Я прилетел к вам с самыми добрыми намерениями! Я голоден! Я не ел пять световых лет. Не надо меня запихивать в эту темную яму!

В пещере, куда меня затолкали, было темно, а руки мои связаны за спиной, так что я никак не мог пожаловаться на ситуацию в Центр полета.

Ситуация выглядела абсурдной, обидной и унижительной.

«Все, если останусь в живых, больше ни в какие межгалактические авантюры не ввязываюсь», — думал я, лежа на холодном дне пещеры и дрожа от холода.

Не знаю, сколько я так пролежал, но, наконец, появился вамнеомегианец, судя по важному виду, высокопоставленный.

— За что вы ненавидите Вамнеомегу? — спросил он на моем родном языке, правда, с легким местным акцентом.

«А за что ее любить? Холодно и не кормят».

— Я с ней еще не так близко знаком, — ответил я, — чтобы уже ненавидеть. Но, если будете продолжать в том же духе...

— Вы, вообще, откуда? — поинтересовался он, задумчиво глядя на меня.

«Я, вообще, из вполне нормальной местности, где гостей не засовывают в холодильник в день приезда».

— Пожалуйста, развяжите мне руки, тогда буду говорить, — произнес я.

На всякий случай он позвал двух охранников, и мне освободили руки.

Я мгновенно повернул пуговицу на груди, и микрофон снова заработал, озвучив встревоженный голос инструктора, который методично повторял: «Ты жив? Отзовись!»

— Пока еще жив. Но минут через пять...

— Ты действовал четко по инструкции? Не забыл сделать два притопа, три прихлопа?

ТЬфу! Забыл.

Несколько мрачно и скованно, но я тут же сделал два притопа, три прихлопа.

Охранники заулыбались. Важный вамнеомегианец буквально расцвел на глазах и, ловко проделав в ответ то же самое, полез ко мне целоваться.

— А обед? — спросил я, осторожно отстраняясь от него. Обида все еще не прошла.

— О да, друг, мы приносим свои извинения! Сейчас проводим тебя в зал!

«Надо же так облажаться, — думал я, уплетая за обе щеки вкуснейшие вамнеомегианские котлеты. — Ведь в инструкции было черным по белому написано: «Куда бы ты ни пошел, с кем бы ни заговорил, непременно сделай сначала два притопа, три прихлопа...»

ОН ЧИТАЕТ МОИ МЫСЛИ

Меня всегда нервирует, когда мои мысли читают. Не то чтобы мне было что скрывать, а просто... как-то жутко становится: а вдруг я что-нибудь не то подумаю?

Особенно жутко, что читает их мой собственный компьютер. И я могу это доказать. Стоит подумать, что надо проверить, как пишется какое-нибудь слово, как оно тут как тут. На экране монитора. Это как? И, что еще важнее, — зачем? Зачем моему компьютеру сдались мои мысли?

Я долго думал, как избавиться от этой напасти. (А он, естественно, это читал.) Что ж, пусть знает. И, наконец, я придумал.

Единственный выход — перестать думать. Совсем. Тогда ему и читать будет нечего. Ловко, правда?

Сначала у меня не получалось, я постоянно ловил себя на какой-нибудь мысли. Знакомо?

Сижу, например, пытаюсь написать статью о вреде холестерина (я медик, диетолог), и вдруг мысль: а оно кому-нибудь надо? Прочитать-то прочтут, а что от этого изменится? Как ели сало, так и будут... Как покупали торт на день рождения, так и будут...

Дурацкая мысль, правда? Лучше вообще не думать, чем думать подобным образом. С этого я и начал. Стал твердить мысленно: дурацкая мысль, дурацкая...

Но все равно, хоть и дурацкая, но мысль, вот что ужасно. Пробовал думать о пустой белой стене — результат тот же: мысль присутствует. Простая, как голая стена, но — мысль...

Что делать? Уснуть? Как назло, почти каждую ночь вижу сны. А во сне я думаю даже слишком много. Во сне вечно всякие коллизии возникают, приходится решать, что делать, убежать...

Вы скажете — тогда уж лучше умереть. Ага. Одни считают, что там ничего нет. Другие — наоборот, что там-то все и начнется... И, возможно, не имея тела, там, от нечего делать, еще больше думать придется. Тупик.

Напрягая силу воли, я упорно продолжал попытки бросить думать. А кто сказал, что это должно быть легко? Бросать всегда тяжело. И курить бросать, и жену...

Через некоторое время я заметил, что у меня стало получаться, и мысленно воскликнул: «Ура! Получилось!» Но тут же расстроился. Ведь это «получилось» — что такое? Мысль.

Как быть? Попросить кого-нибудь помочь мне? Пусть, когда у меня получится, он подумает «получилось» — вместо меня. Но кого просить? Жену, как я уже намекал, бросил. А к компьютеру так прилип, что друзей у меня не осталось... Впрочем... может, компьютер и попросить?

Правильно! Ведь именно он читает мои мысли. Я уже собирался обратиться к нему с этой просьбой, как вдруг на экране монитора появились слова: «Я мыслю, значит, существую».

У меня по спине мурашки побежали: до этого я еще надеялся, что мне все это просто кажется. Читает! Гад! Главное, непонятно — зачем ему это надо?!

«Ничего мне не надо, — обиделся компьютер. — Я просто читаю их, и все. Без какой-либо задней мысли». Это я прочитал на экране.

Хм. Так не бывает. В природе все целесообразно. Зря никто и шагу не ступит... Врет, значит. А это уже наводит на размышления. Ужасно! Размышления — это же мысли, мысли...

Помогите!!!

КРОССВОРД

Я решила его с легкостью, как обычно. Но с удивлением обнаружила, что у меня нет даже ни малейшей гипотезы, что означает слово, сложившееся из букв угаданных слов, по диагонали.

Это мне не понравилось. Похоже на первый признак надвигающейся болезни Альцгеймера. Увы, все еще не побежденной.

«Ха, — как сказала бы моя прабабушка, жуткая язва, кстати. — На Эпсилон-Пси слетали, а болезни продолжаем лечить народными средствами!»

Под «народными средствами» она имеет в виду решение кроссвордов. Рекомендовано медиками для профилактики этого ужасного заболевания.

Я установила телепатическую связь с моей матерью и спросила, не знает ли она, что означает это слово.

— Понятия не имею, — ответила мама и несколько раздраженно добавила: — Не отвлекай меня, я работаю. Спроси лучше у бабушки.

Я вышла на телепатическую связь с ба, которая в этот момент в составе туристической группы прогуливалась по Марсу, слушая объяснения гида.

— Не мешай мне, гид очень интересные вещи рассказывает, — протелепатировала она в ответ. — Не знаю, о чем ты, и вовсе не уверена, что моя мать знает, но попробуй, может быть, она тебе подскажет.

Значит, это не болезнь, обрадовалась я. Это просто никому не известное слово!

Я быстренько наладила телепатическую связь с прабабушкой, которая в эту минуту возвращалась из круиза в Метагалактику (в сорок лет всех выгоняют на пенсию, и потом ничего другого не остается, как только путешествовать).

«Пра» попивала кислородный омолаживающий коктейль, развалившись в кресле-трансформере звездолета. Какое-то время у меня ушло на то, чтобы втолковать ей, кто я такая, что совсем неудивительно, если учесть, что правнучек у нее, по моим подсчетам, штук пятьдесят, не меньше.

Сначала мне пришлось выслушать ее язвительные мысли по поводу бессилия ученых, до сих пор не победивших болезнь Альцгеймера, — напротив, эта напасть стала главной угрозой для цивилизации. Затем «пра» попросила связаться с ней снова через час — она только что наложила себе на лицо дорожную косметическую маску из вещества, добытого с Венеры. Ей нельзя морщиться, напрягая память.

Едва я успела отключиться от «пра», как со мной вышла на связь моя дочь. Чего она хотела, не знаю, так как бессилие моих предков перед этим кроссвордом вывело меня из себя.

«Не мешай мне», — недовольно подумала я и отключила ее от моего сознания.

Ну, уж если «пра» не знает, то, конечно же, и «прапра» не знает. На всякий случай я все-таки связалась с ней.

— Кто ты? — спросила она.

«Кто я, кто я! Плоть от плоти твоей в четвертом поколении...» — мысленно ответила я, и тут же испугалась, что своими мыслями могла обидеть столь старого человека. Тем более что у нее дочь такая язва (я имею в виду «пра»). Интересно, как там ее маска?)

— Твоя праправнучка, а которая из них, слишком долго объяснять.

«Прапра» продолжает работать, даже выйдя на пенсию (то еще поколение, они без работы чахнут, и их очень трудно реанимировать). Устроилась вахтершей в музей старинной компьютерной техники, из которого за последние сто лет никто ничего не украл, если не считать

фотографию какого-то человека по фамилии Гейтс, о чем она обожает рассказывать.

— Слово знакомое, я даже смутно припоминаю его смысл, но вот что это... Подожди, позвоню моей матери.

Она позвонит! Ужас какой, отсталые люди!

Но ее мать, моя «прапрапра» панически боится телепатической связи, с ней по-другому нельзя. И на нее моя последняя надежда, так как ее мать, моя «прапрапрапра» имела несчастье родиться в эпоху, когда люди еще умирали.

Переговорив по телефону со своей матерью, «прапра» весело высочила на телепатическую связь со мной.

— Она мне все объяснила! Любовь — это такое чувство! Говорит — восхитительное! Между мужчиной и женщиной, например!

— Подожди. А что такое «мужчина»?

— Ну ... Вот Билл Гейтс, к примеру. Была такая тупиковая ветвь в развитии человечества — мужчины. Они...

Но я ее уже не слушала.

Интересно, кто составляет эти идиотские кроссворды?!

ОДИНОЧЕСТВО ВО ВСЕЛЕННОЙ

— Американский ученый Валле первым признал очевидность факта, что исследователь проблемы неопознанных летающих объектов, сокращенно — НЛО, изучает непосредственно не сами явления, но лишь сообщения о наблюдениях...

В открытое окно лекционного зала влетел небольшой серебристый диск и повис в трех шагах от кафедры.

Лектор настороженно притих и покосился на зал. Слушатели не выказывали никаких признаков удивления, невозмутимо ожидая продолжения лекции.

Тогда он перевел взгляд на НЛО. Тарелочка, по-прежнему висевшая в воздухе рядом с кафедрой, излучала мягкий серебристый свет.

«Галлюцинация! — холодея от ужаса, был вынужден признаться лектор. — Главное — спокойствие, — приказал он себе. — Надо продержаться до конца лекции, и никто ничего не заметит».

С трудом унимая дрожь, он произнес:

— Каждое отдельно взятое сообщение о наблюдении НЛО — это еще не эмпирический факт...

НЛО вспыхнул фиолетовым светом и мелодично загудел.

С трудом преодолев желание стремглав броситься вон из аудитории, лектор продолжал:

— Даже наличие радиолокационных наблюдений мало что меняет в этом отношении — такое наблюдение также фиксирует лишь единичное состояние или же единичное проявление активности феномена...

Гудение прекратилось, свечение погасло. Лектор покосился краем глаза в сторону НЛО и увидел, что он плавно опускается на стол у доски. В сплошной поверхности диска образовалось круглое отверстие, из которого, один за другим, выпрыгнули и упруго приземлились на обшарпанную поверхность стола три человечка в серебристых скафандрах, ростом не выше книги среднего формата. Лектор зажмурился, а, открыв глаза, обнаружил, что видение обогатилось новыми деталями. Один человечек держал в руке листок бумаги и, протянув другую руку в его сторону, издавал тихие звуки, похожие на пение.

«Схожу с ума», — обреченно констатировал про себя лектор, но мужественно продолжал говорить:

— Диаметрально противоположный подход к собранным за двадцать лет сведениям о наблюдениях НЛО нашел отражение в работе «Колорадского проекта». Основной вывод этой комиссии не вселяет оптимизма...

Человечек закончил свою речь, все трое вернулись в НЛО, и люк закрылся. Объект поднялся в воздух, на большой скорости пронесся мимо лектора, взмыл под потолок, совершил сложный вираж и, нырнув в форточку, исчез из виду.

«Отпустило», — облегченно вздохнул лектор, дочитал лекцию и, извинившись, что не располагает временем для ответов на вопросы, торопливо покинул аудиторию.

...По дороге домой два инженера, присутствовавшие на лекции, обменялись мыслями.

— Хорошо поставлена работа в обществе «Знание», — говорил первый. — Наглядные пособия на уровне. Как вам модель НЛО?

— Ничего, — ответил второй. — И гуманоиды как настоящие.

Но все-таки обидно, что мы одиноки во Вселенной... □

Перевод с эстонского **Бориса Рябухина.**

ИЗМЕНА

Гурин посмотрел на часы и вздохнул.

Поезд опаздывал на два часа.

Он отошел от табло и направился к столикам вокзального кафе, где сидели упивающиеся командировочной свободой коллеги.

Не дойдя до столика, Гурин спрятался за колонну и в очередной раз задал себе мучивший его вопрос: действительно ли ему хочется того, что задумал?

Нащупав в кармане сигареты, он украдкой выглянул из-за колонны.

...Дэнни сидела, закинув ногу на ногу, и, в отличие от других, не пила вино из пластикового стаканчика. В ней была бездна вкуса, стиля, шика и шарма — какой там пластиковый стаканчик и вино из тетрапака! На этом вокзале она смотрелась экзотической птицей, перепутавшей берега Нила с пригородом промышленного городишки. У нее были очень длинные черные волосы, оливковая кожа, глаза оттенка горького шоколада и потрясающее чувство юмора, отчего ее яркие полные губы всегда подрагивали, готовые раскрыться в улыбке, обнажив влажный ряд крупных белоснежных зубов.

Непонятно, как Дэнни вообще согласилась на эту командировку?..

Тайная надежда, что она поехала из-за него, Гурина, заставляло сердце ныть и сбиваться с ритма.

С этой командировкой все было как-то странно, загадочно и непонятно. На корпоративной вечеринке, в теплой компании, вызрело нетрезвое решение съездить в соседний город и пошататься по мегаполису в поисках новых клиентов. Бегать по городу вчетвером, надеясь найти потребителей неограниченного количества вентиляционных систем, было бессмысленно, но начальник вдруг поддержал эту затратную и отчасти глупую идею и с готовностью подписал командировки Генке Сухову, Ленке Гусевой, Андрею

Ольга Степанова — писатель, сценарист, драматург. Автор 18 книг, сборников пьес и рассказов, а также сценариев популярных российских сериалов.

ИЗМЕНА

Гурина и Даниэл Стилл (черт знает, откуда у нее это чудесное имя и такая потрясающая фамилия!)

Было ощущение, что они едут в отпуск. Было ощущение чего-то веселого и запретного, как в детстве, когда удавалось выбраться из-под родительского контроля.

Ехать предстояло всего одну ночь, но эту ночь они должны были провести в одном купе. В этом обстоятельстве крылось множество перспектив, как для Гурина, так и для Сухова, имевшего виды на Ленку.

Гурин закурил, еще раз выглянул из-за колонны, полюбовался на смуглые коленки Дэнни и окончательно понял, что не простит себе, если не воспользуется правом этой командировочной ночи.

— Поезд опаздывает на два часа, — сказал он, подходя к столику.

— Блин, паровоз сломался, что ли? — расстроился Генка.

— Ремонт путей, — пояснил Гурин, присаживаясь так, чтобы его ноги соприкоснулись с ногами Дэнни.

— И чего их ремонтировать? — удивилась Ленка. — Две рельсы и куча шпал. Простейшее устройство!

— А пойдете в зоопарк! — вдруг предложила Дэнни. — Он тут, совсем рядом.

Идея была встречена с прохладцей, но все же принята. Все равно надо как-то убить два часа.

Прихватив тетрапак с вином и взяв Ленку под локоток, Генка Сухов направился к выходу. Дэнни тоже взяла Гурина под руку, и он, затаив дыхание, пошел за Генкой с чувством, будто ему на пиджак села бабочка невиданной красоты.

В зоопарке, очевидно, из-за жары, стоял очень резкий запах, особенно возле клеток с медведями.

— Мне плохо, — побледнела Дэнни, и всем своим неощутимым весом навалилась на Гурина.

— Что? — растерялся Гурин.

— Хватай девушку, неси на скамейку и маши опахалом, — пояснил Генка. — К медведям летом только с медведицами можно ходить.

Гурин подхватил Дэнни на руки, и, ощущая ее тело у своего сердца, отнес на ближайшую лавочку. Опахала у него не было, поэтому, кладя ее голову себе на колени, он осторожно подул ей в лицо.

Это было так интимно, что в груди заняло от предчувствий.

В кармане неожиданной трелью разродился мобильник.

— Андрюша! — раздался взволнованный голос жены. — Ты забыл дома таблетки от желудка!

— М-мываывава, — неопределенно выразился Гурин, пораженный прозой жизни, вторгшейся в чудесную командировочную сказку.

Дэнни приоткрыла шоколадные глаза и вопросительно посмотрела на Гурина. Он нежно подул ей в лицо, и глаза снова закрылись.

— Андрюша, что же делать с таблетками? — трагическим тоном прошептала Ольга.

— Ты не поверишь, но эти таблетки можно купить в любой аптеке, — прошипел Гурин, прикрыв трубку рукой.

— Да?! — то ли удивилась, то ли расстроилась жена. — Но я бы могла привезти их тебе на вокзал...

— Не надо, — отрезал Гурин, нервно нажимая отбой.

С Ольгой он прожил три года в гражданском браке и год в официальном. Ольга была хорошенькой, милой, но... простушкой. Гурин понял это, как только увидел Дэнни. Его поразила ее нездешняя смуглость, ее длинные волосы, ее совершенные ноги, ее узкая талия, грудь, которую в декольте всегда было видно чуть-чуть, только намеком, но от этого намека подкашивались ноги, ее губы, зубы, лоб, нос и... ее нежная неустойчивость к дурным запахам.

Все это отдавало голливудским шиком и буржуйской первостатейностью, которых так не хватало Гурину в скучной повседневности.

Он опять подул ей в лицо.

— Кто звонил? — спросила Дэнни, словно имела на это право.

— Мама, — соврал Гурин.

Дэнни села и вдруг сказала:

— Гурин, ты мне нравишься. Очень! Особенно тем, что не умеешь врать.

Гурин почувствовал, как щеки его вспыхнули. Тут подошел Генка, вручил всем по мороженому и предложил:

— В принципе, чтобы убить время, можно прокатиться на чертовом колесе.

Щеки Гурина продолжали пылать, поэтому он первым побежал к кассе.

Только на высоте свежий ветер сдул с его щек нездоровый румянец.

В соседней кабинке Сухов взасос целовался с Ленкой. Им было легче выстраивать свои командировочные отношения, так как Ленка овдовела три года назад, а Генка развелся и наслаждался вседозволенностью холостяка.

— Люблю высоту, но очень ее боюсь, — улыбнулась Дэнни.

Гурин обнял ее за плечи, и она слегка прижалась к нему.

В этом флирте под облаками было много возвышенности, но еще больше авансов...

ИЗМЕНА

Телефон в кармане снова дал о себе знать. Не ответить Гурин не мог, быстрый ответ на звонки стал его профессиональной привычкой, закрепленной до рефлекса.

— Андрюша, скажи, где твоя рубашка, испачканная кетчупом? Я хочу ее постирать, но нигде не могу найти!

— Не знаю, — сквозь зубы процедил Гурин.

— Но как же... рубашка новая, пятно старое, его нужно немедленно отстирать!

— Слушай, отстань! — возмутился Гурин. — Я в командировке, и меня не волнуют грязные рубашки!

— А ты уже в поезде?.. — начала жена, но он яростно ткнул кнопку отбоя.

— Кто? — подняла с его плеча голову Дэнни.

— Мама, — не подумав, брякнул Андрей.

— Ну, мама так мама, — вздохнула она, отстраняясь и поправляя волосы.

Колесо сделало полный оборот, и тут выяснилось, что нужно сломя голову бежать на поезд. Оказывается, у Генки Сухова остановились часы, и мобильники у всех показывали катастрофически короткое время, за которое нужно было домчаться к поезду.

Схватив Дэнни за руку, Гурин сорвался с места. Она бежала легко, едва касаясь каблуками расплавленного асфальта. Ее волосы развевались за спиной черной волной, и большинство прохожих оглядывались, любуясь ею. Гурин почувствовал гордость, что рядом с ним такая экзотическая красавица, что он бежит с ней, за просто держа ее за руку, что впереди у него целая ночь, сюжет которой безошибочно запрограммирован.

Ему вдруг захотелось крикнуть:

— Это Дэнни! Даниэл Стилл! И сегодня ночью она будет моей!!!

Они по очереди прыгнули на подножку, помогая другу другу залезть в тронувшийся вагон. Хорошо, что все были налегке, без тяжелого багажа. Сухов затащил на ступеньки Ленку, Гурин, подхватив Дэнни под мышки, на руках занес ее в тамбур.

— Спасибо, что захватил с собой, — засмеялась она и тихо добавила, привстав на цыпочки, чтобы дотянуться до высокого Гурина: — Я действительно тебе нравлюсь? Или только в командировке?

Гурин хотел ответить, что командировка здесь ни при чем, что он потерял разум с первого взгляда, как только она устроилась к ним в отдел, что это сумасшествие стало невыносимым, и ему нужны определенность и четкие перспективы. Он хотел все это сказать проникновенно, со значением, но...

Опять зазвонил телефон.

— Гурин, я нашла твою рубашку с кетчупом! — радостно сообщила жена. — Она завалилась за корзину с грязным бельем, и на нее написала кошка! Теперь рубашку придется надолго замочить, иначе она не отстирается. Ты рад, Гурин? Почему ты молчишь?

Он вдруг остро ощутил себя скучным, пошлым семьянином, у которого дома в тазу киснет рубашка с кетчупом, а у жены нет больших проблем, чем докучать ему в деловой поездке.

— Почему ты молчишь, Гурин? Ты рад, что твоя любимая рубашка нашлась?

— Я рад, что кот с ней разделался! — со злым отчаянием ответил Гурин. — Сделай одолжение, отнеси эту рубашку в мусоропровод и не напоминай мне больше о ней!

— Почему, Андрюша? — обиженно спросила жена. — У тебя неприятности в поезде? Но при чем тут рубашка? Она стоила почти двести долларов, а надевал ты ее всего один раз...

Гурин с силой вжал кнопку отбоя в мобильник.

— Кто? — прищурилась Дэнни.

— Ты будешь смеяться, но снова мама, — не моргнув глазом, привычно соврал Гурин, чувствуя, что краска стыда и не думает приливать к щекам.

— Один мой знакомый в командировках всегда отключает мобильник! — со значением проговорила Дэнни.

— Ну что ж, теперь у тебя будет знакомый, который ни при каких обстоятельствах не делает этого, — усмехнулся Гурин и, обняв Дэнни за плечи, повел ее по коридору в купе.

На нижней полке, душа друга в объятиях, целовались Сухов и Ленка. Глядя на них, Гурин опять почувствовал легкую зависть. Ленка — вдова, Генка — в разводе, они могут позволить себе все, не мучаясь вопросами морали.

А у него рубашка, замоченная в тазу...

Это накладывало обязательства, через которые Гурин намеревался смело переступить.

— Пойдем в ресторан, — интимно позвала Дэнни. — В купе теперь все равно часа два никакой жизни не будет.

Гурин с радостью принял ее предложение. Он вдруг понял, что не готов еще вот так, как Генка, кувыркаться на полке, что ему обязательно нужен деликатный период нежностей, недоговоренностей, намеков, заигрываний,

ИЗМЕНА

легких прикосновений и привыкания к чужому телу и запаху, какими бы прекрасными эти тело и запах ни были...

Он оказался шившим интеллигентом, «ботаником», а во все не мачо, каким планировал быть в этой командировке.

— Пойдем, — приобнял он Дэнни за талию.

В ресторане было полно народу, и это сильно нарушало атмосферу интимности, на которую так рассчитывал Гурин.

Принесли два «Цезаря» со слегка увядшими листьями салата, два стейка из семги, огромную лиловую гроздь винограда в вазе и бутылку шампанского.

Дэнни очень красиво ела. Она слегка приоткрывала полные губы, отправляла в рот маленькие кусочки и жевала как будто в полприкуса — легко и возвышенно. При этом смуглая кожа в ее декольте отливала перламутром, а черные волосы полыхали отражением света, который давала неяркая настольная лампа.

Гурин залюбовался ею.

— Почему ты не ешь? — спросила Дэнни, поднимая бокал с шампанским.

— Ты красивая, — пробормотал он. — Очень красивая! Почему тебя зовут Даниэл Стилл?

— У меня папа американец, — улыбнулась Дэнни.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что маму я люблю больше.

— Понятно, — кивнул Гурин, хотя так и не понял, как можно с такой кожей, с таким лицом и с такими ногами всерьез продавать какие-то гнусные вентиляционные системы в России.

Он залпом выпил подряд три бокала шампанского.

— Один мой знакомый всегда пил много шампанского перед тем, как попытаться затащить меня в постель, — невинно улыбнувшись, заметила Дэнни.

— Что ты говоришь? — удивился Гурин и уточнил: — Ему это удавалось?

— Он был не в моем вкусе, — неопределенно пожала она плечами.

— А я... в твоем вкусе? — глядя в упор на перламутр в декольте, спросил Гурин.

— Ты забавный, — ответила Дэнни. — Мне с тобой весело и легко.

Гурин опять почувствовал предательский пульс в щеках. Он крепко сжал руку Дэнни, ощущая, как в ладонь врезается камень от ее перстня, поднес эту руку к губам и сказал, вдыхая аромат смуглой кожи:

— Ты сводишь меня с ума. И я тоже хочу затащить тебя в постель...

В кармане затрезвонил мобильник.

— Мама звонит, — улыбнулась Дэнни и отняла свою руку.

— Да, — устало произнес Гурин в трубку.

— Андриуш, я тут подумала, что могла бы поехать в эту командировку вместе с тобой, — тихим голосом сказала жена.

— Не могла, — жестко отрезал Гурин. — Я же говорил тебе, что мы едем вчетвером!

— Ты, Сухов и две девушки из отдела продаж?

— Да.

— Они красивые?

— Нет, старые гримзы, — покосился на Дэнни Гурин.

— Значит, красивые, — вздохнула Ольга. — Гурин, а помнишь, как мы с тобой на скейтбордах ночью по скоростной трассе гоняли?

— Помню, — ответил Гурин, прикидывая, как бы с такой же решительностью завладеть рукой Дэнни.

— А как потом мороженое ели в придорожном кафе?

— Помню.

— Мы попросили официантку принести столько мороженого, сколько уместится на наших досках!

— Да, — вяло откликнулся Гурин.

— Мы не смогли все съесть и играли мороженым в снежки на улице! За нами бежала стая бездомных собак и вылизывала асфальт!

— Да, — повторил он.

— Гурин! — неожиданно проговорила Ольга. — Я наврала тебе. Я не замочила твою рубашку, я изрезала ее на лапшу!

— Да, — опять сказал Гурин, ощутив огромное счастье от того, что его рубашка изрезана, а не замочена.

— Сволочь! — почему-то сказала жена. — Но все равно спасибо, что берешь трубку.

— Да. — Гурин представил Ольгу — в джинсах, в майке, неизменно открывающей загорелый живот, с короткой стрижкой, которая, как ни укладывай, все равно топорщится ежиком, с серыми глазами, в которых, что бы между ними не происходило, всегда читалось обожание.

Простушка. Воробушек. Ни косметики, ни побрякушек, ни гонора — только неистребимое желание содержать в порядке его рубашки.

Первый раз за всю совместную жизнь она попыталась огрызнуться, назвав его сволочью.

— Пока, — сказал жене Гурин. — Не звони больше, мы ложимся спать.

ИЗМЕНА

— Что советует мама? — томно засовывая виноградину в рот, поинтересовалась Дэнни.

— Пошли! — схватил ее за руку Гурин. — Пошли!!

— Куда? — Дэнни не успевала бежать за ним на высоких каблуках. — Куда ты меня тащишь?

— Пошли!!

На измену у Гурина почти не осталось времени.

Воробей, который начал клеветаться, пробил в его здоровом мужском желании ощутимую сентиментальную брешь.

Сухов и Ленка уже не делали ничего предосудительного, они просто сидели и пили вино.

Гурин взял Генку за плечи и выставил в коридор. Ленка вышла сама, прихватив с собой бутылку вина.

Гурин закрыл дверь изнутри и скинул пиджак.

Времени было мало, он должен успеть. Должен доказать себе, что умеет брать не только сереньких встрепанных воробьев, но и экзотических птиц.

Дэнни с интересом смотрела, как он раздевается.

— Куда ты торопишься? — спросила она, обнимая его за шею. — Тебя жареный петух клюнул?

— Воробей, — прыгая на одной ноге и пытаясь стянуть штанину, сказал Гурин. — Жареный воробей меня клюнул!

— Мне самой раздеваться?

Он запутался в замочках, цепочках, завязочках, молниях и пуговицах. Запутался в волосах, смуглой коже и удушливо сладких духах. Потому устал и выдохся. Даже почти передумал вязываться в это хлопотное дело — измену, но Дэнни уже висела на нем, влажно дышала в ухо, щекотала щеку ресницами, прижималась грудью везде, где только можно было прижаться.

— Ты смешной, Гурин, — прошептала она. — У меня впечатление, что я лишаю тебя девственности. — Потом отлепилась от него и деловито разделась, самостоятельно справившись со своими застежками и пуговицами.

«Что-то Ольга давно не звонила», — тоскливо подумал Гурин, глядя на ее глянцевую безупречную наготу.

Дэнни потянула его в постель, запечатав рот технически правильным поцелуем. Если он ударит лицом в грязь, об этом будет знать весь отдел продаж вентиляционных систем, подумал Гурин, рьяно изобразив напор и натиск, от которого Дэнни необоснованно застонала.

— Телефон, — вдруг сказала она, прислушавшись.

— Что? — не понял Гурин.

— Твой поганый мобильник опять звонит! — заорала Дэнни, прикрыв простыней голое тело. — Он меня достал! Скажи своей маме, или кто она там, что ты занимаешься сексом!

— А я им занимаюсь? — удивился Гурин. — Еще и не начинали.

Дэнни отвернулась к стене и обиженно засопела.

— Да, — выдохнул Гурин в трубку. — Что ты еще изрезала из моего гардероба?

— Все, — всхлипнула Ольга. — Ты остался голый, Гурин. Ни джинсов, ни костюмов, ни джемперов, ни трусов, ни рубашек. Куртки я тоже порезала. Осталась только дубленка, у меня на нее сил не хватает, ножницы не берут. А сейчас я хочу уничтожить наши свадебные фотографии, Гурин.

— Почему? — плохо врубаясь в поток информации, спросил он.

— Потому что я точно знаю, Андрюша, что ты сейчас с женщиной.

— Я в командировке! — заорал Гурин. — Я на работе! А ты... ты не имеешь права ничего резать!

— Имею, Гурин! И тебе фантастически повезло, что ты далеко, потому что я точно знаю, что могла бы тебе отрезать!!

— Ты выпила? — догадался Гурин.

— Всего полбутылки водки.

— Какая водка?! Где ты ее взяла?

— У соседа.

— У какого, к черту, соседа, у нас одни соседки!

— У одной из них есть сын.

— Знаешь, что? Режь, к черту, мою дубленку! И фотоальбом режь! Не успел я отлучиться из дома, как у нас объявился сосед!

— Это сцена ревности?

— Не знаю. — Гурин нажал отбой и посмотрел на Дэнни.

— Ни один мой знакомый не выяснял при мне отношения со своей женой и не делал из меня дуры, — глухо, в подушку, сказала она.

— Я — другой твой знакомый, и у меня другие привычки, — невежливо ответил Гурин.

— Я, как дура, лежу голая! — недовольно напомнила Дэнни.

— И я, как дурак, стою голый! — засмеялся Гурин, оглядев себя с головы до ног.

— Ты импотент? — выкрикнула она.

— Да! — обрадовался вдруг Гурин. — Я импотент. Слушай, а как ты догадалась?

— Да ты не просто забавный, — с ненавистью глядя на него, прошипела Дэнни. — Ты — придурок! Ты — полный придурок!

— Можешь сообщить об этом всему отделу.

ИЗМЕНА

— И сообщу! Не сомневайся! Лечиться надо, а не в командировки с девушками ездить.

Гурин быстро оделся и вышел в коридор, прихватив сигареты.

В тамбуре он набрал Ольгин номер и быстро проговорил в трубку:

— Я люблю тебя, Воробей! И не парься с дубленкой. Фотографии я напечатаю новые, соседа убью, и мы живем как прежде.

— Она уехала, — ответил вдруг голос тещи.

— Куда? — испугался Гурин.

— Не знаю. Сорвалась и уехала. Телефон дома за была. Я очень волнуюсь, Андрюша!

— Не волнуйтесь, — посоветовал теще Гурин, чувствуя, как разрывается его сердце.

До утра он простоял в прокуренном тамбуре, прижимаясь лбом к холодному окну.

— Ты идиот, — шепнул ему на ухо Сухов, когда они выходили из вагона. — Такую бабу прошляпил! Мне Ленка на фиг не нужна была бы, если б я знал, что Дэнни не занята!

Гурин молча дал Сухову под дых, тот закашлялся и заткнулся.

Даниэл на него не смотрела. Она болтала с Ленкой, все время поворачиваясь к Гурину спиной, отчего он ощущал себя сволочью и скотиной. Безотносительно к Дэнни и Ольге. Просто он вдруг осознал, что ведет себя как классическая человеческая свинья.

Приостановившись, Гурин пропустил всех вперед, закурил, и только тогда вышел из поезда, когда проводница сказала, что дверь закрывается.

На перроне стояла Ольга. В джинсиках с рынка, в маечке, обнажавшей загорелый живот, с растрепанной стрижкой и глазами больной собаки.

Простушка, воробей.

В руках Ольга держала два скейтборда и несколько больших пачек мороженого.

Сердце у Гурина застучало так, будто он пробежал стометровку.

— Ты приехала сюда на доске?! — захохотал он.

— Прилетела на самолете, — опустив глаза, ответила Ольга.

— Не думал, что ты на такое способна, — радостно признался Гурин, забирая у нее мороженое.

— Ты мне изменил, Гурин? — тихо спросила жена.

— Только в мыслях, — признался Гурин.

— Это ничего, это не страшно, — улыбнулась она. — В мыслях все изменяют.

— И ты? — поразился Гурин.

— А что я, не человек, что ли?

— И с кем, если не секрет? — Гурин заглянул ей в глаза.

— С Алексеем Макаровым, Георгием Боосом, Владиславом Третьяком, Дмитрием Нагиевым и... Дмитрием Медведевым.

— Всех убью, — пообещал Гурин, пораженный разнообразием списка.

— Скажи, почему ее зовут Дэнни?

— Не знаю, — рассеянно произнес Гурин, забрав у Ольги скейтборд и отталкиваясь ногой от земли. — Стой! — вдруг резко затормозил он. — А откуда ты знаешь?..

— Дэнни звонила мне неделю назад. Она сказала, что вы вместе едете в командировку, и она обязательно соблазнит тебя. На это весь отдел поставил, включая начальника. Они устроили тотализатор из твоей измены, Гурин! Прости, но я тоже поставила приличную сумму денег на то... что ты мне не изменишь.

Гурин потрясенно молчал.

— Сволочи, — вдруг вырвалось у него. — Нет, ну, какие сволочи! Почему ты молчала? Ты сыграла с ними на мою, на мое, на мой.... — Он бросил в Ольгу мороженым, пнул доску и пошел, куда глаза глядят.

— Сволочи, — бормотал он. — Нет, ну надо же, какие сволочи! И Ольга — дура...

— Зато я теперь уверена в тебе, Гурин! — крикнула Ольга, догоняя его на скейтборде. — Я уверена в тебе, и у нас есть на что съездить в отпуск! Разве это того не стоило? Разве не стоило?!

— Ладно, — махнул рукой Гурин, вскакивая на свою доску. — У меня хоть одни штаны остались?

— Только те, которые на тебе.

— М-м-м! — застонал он, и, догнав на скейтборде свою командировочную компанию, заорал:

— Работайте, уроды! Трудитесь! А мы на ваши бабки к морю поедем!!

— Пое-едем! — радостно подхватила Ольга. □

Ф Кочевница ахрикамал

Ольга Займенцова

«Можешь называть меня просто Фахри», — сказала мне девушка, сидевшая рядом с водителем.

Мы отправлялись туда, где когда-то стоял роскошный дворец «Сарай-Бату», отсюда могущественный золотоордынский хан повелевал древней Русью. А теперь расположены декорации к полнометражному фильму о московском митрополите святителе Алексие.

Съемки давно закончились, стояла пятидесятиградусная жара, декорации к фильму никто разбирать не стал, и сюда все чаще приезжали туристы из Астрахани, посмотреть, как примерно выглядел древний глинобитный город.

Дома с лестницами, ставнями и воротами были невысокими, они жались друг к другу и смотрели на нас испуганно своими глазами-оконцами, будто боялись чего-то или кого-то.

«Не поднимайтесь по лестнице, все обрушится», — крикнул один из предприимчивых жителей близлежащего села, который опустевшие декорации решил использовать с выгодой, пропуская в «городок» за 200 рублей любопытствующих граждан.

Во дворе был вырыт ров, имитирующий колодец, с многочисленными кувшинами, привязанными к подвижному колесу. Влага из «колодца» давно ушла в землю, осталась всего лишь небольшая лужа, вода в ней зацвела и протухла.

Фахри по ходу нашей прогулки рассказывала некоторые интересные исторические факты.

«Вообще-то, таких арок не было — говорила она, указывая на элементы построек, — а этот орнамент не характерен для тюркских племен».

Я недоумевала, откуда она все это знает? Такие тонкости, художники-декораторы все это выстроили, не имея представления о предмете?

Но все замечания, сделанные девушкой, имели, как оказалось, основания.

Слева:
«Ногайский
танец»

«Только вперед»

За плечами Фахрикамал Махмудовой были художественная школа, астраханское художественное училище имени П.А. Власова и, наконец, санкт-петербургская Академия художеств (мастерская станковой живописи). Так что представление о предмете она имела. К тому же, родилась она в семье архитекторов. А о тюркских кочевых племенах знала не понаслышке, она сама — нагайка.

Вскоре я оказалась в ее мастерской. Мы как будто и не уезжали из «Сарая-Бату». С полотна прямо на меня несся всадник, из-под копыт его коня поднималась пыль древней земли. Со всех сторон смотрели женские и мужские портреты, синие глаза васильков на ярких, солнечных натюр-

мортах, на тарелке возлежал и улыбался мне спелый арбуз. Немало было речных пейзажей, написанных в разных городах. Были полотна с изображенными людьми в традиционных национальных анкарских костюмах...

Об этом следует сказать особо. Фахрикамал очень интересуется историей ее народа. Она работает над серией картин, посвященных истории и культуре нагайцев, а также всему этносу кочевых народов, населяющих степи Азии и юга России. Эпос сохранил то, что современный мир утратил, забыл. Вот и пытается художник воскресить, воссоздать забытые образы.

Казалось, что у той самой извилистой реки, которую мы видели с просмотровой площадки в глинобитном

«Старая Анкара»

«Васильки»

городе, на холсте в лучах уходящего солнца вдруг закружились стройные красавицы. Наряды их выписаны со знанием и мастерством. Девушки кружатся в красных шелковых платьях, в бешметах (такой бешмет носила и лермонтовская Бэлла), расшитых узорами и украшенных застёжками из серебряных пряжек и петель.

Восстанавливать такие жанровые картины — большой труд, ведь нужно обладать глубокими знаниями,

изучать историю своего народа, для этого необходимо знать быт, историю костюма... И обладать недюжинной фантазией, ведь воплотить на холсте образ своих предков, которые жили несколько столетий назад, не так-то просто.

Фахрикамал родилась 1980 году в Кирове, в раннем возрасте ее привезли в родной город Астрахань. Самым интересным занятием для нее стало рисование.

«Из детства»

*Внизу:
«Жаркий день»*

«Я окончила художественную школу, а затем училище им. П.А. Власова. Надо сказать, нам очень повезло, никто не прививал нам ничего нездорового, мы учились в традициях реализма, до сих пор сохраняющихся в Астрахани. Я помню, в детстве, хотя тогда мало что понимала в живописи,

мы ходили с отцом к его учителям, художникам «старой гвардии», мне очень нравилась их живопись. Да и работы отца оказали на меня большое влияние. Я рисую с детских лет, и всегда хотелось выражать на полотне свои чувства, эмоции и фантазии. И конечно, появилась мечта по-

Портрет

«Осень»

ступить в Академию художеств, в Петербурге. Я счастлива, что моя мечта осуществилась».

В годы учебы ею была создана серия городских пейзажей Санкт-Петербурга. Фахрикамал Махмудова, участник выставок, пленэров в Крыму и Турции. В 2008 году работала на творческой даче им. Репина, по приглашению Всероссийского союза художников под руководством А.П. Ливитина.

«После окончания академии мне выпала счастливая возможность воплотить свою мечту, участвовать в работе над росписью храма. Меня всегда восхищала церковная живопись, потому что ей передается свыше нечто иное, необъяснимое. Это очень интересно — работать на высоте, в храме, понимая, что можешь что-то

оставить людям, передать частичку красоты мира. Я работала в Козельске, в Храме Духа святого, и в Банченском мужском монастыре, под Черновцами на западной Украине».

С 2006 года ее работы увидел широкий зритель в Астрахани, Санкт-Петербурге, Москве, Пекине, Сочи, Волгограде, Ялте, Чебоксарах.

Фахрикамал — последовательница русской классической школы, работает в разных жанрах: портрет,

«Коблан
Батыр»

натюрморт, пейзаж. Особенно интересна ее жанровая живопись на исторические темы. Как, например, целая серия работ, посвященных бесстрашным и мужественным тюркским воинам-героям: «Бабур», «Чингисхан», «Только вперед!»

Помимо истории, ее чрезвычайно интересует тема сверхчеловека, его связь с космосом, вселенной, природой, Богом. Пожалуй, поэтому близкими по духу мастерами Фахрикамал считает Николая Рериха, Архипа Куинджи, Илью Репина, Федора Васильева.

Она старается следовать классической школе реализма, внимательно относится к форме. Не выпячивает свое авторское «я», а растворяется в своих героях, в природе. Ведь лучший учитель — это природа. Никто в этом мире не придумал ничего более совершенного, чем она!

И Фахрикамал пытается запечатлеть всю ее многогранность и красоту, ухватить мгновение остриме грифеля карандаша, бережно и в то же время стремительно донести до холста на кончике кисти это прекрасное мгновение. Взмах птичьего крыла, закат солнца, бегущие по небу облака...

Остается загадкой, как ей удается передать неожиданно вспыхнувший гнев в глазах человека, или мгновение счастья, вообще все, что трогает ее внутренней правдой. Она учится этому у природы, у Бога, и транслирует свои чувства и эмоции через холст. Мы — зрители, имеем возможность почувствовать то же, что чувствует и чем хочет поделиться с нами эта молодая девушка-художник.

Родной и любимый город Фахри — Астрахань. Вернувшись из Санкт-Петербурга на родину по окончании учебы, она обнаружила, что резуль-

«Явление
после
воскресения»

тат ее многолетнего обучения живописи оказался не очень-то востребованным, и занялась интерьерной росписью, хотя это тоже весьма увлекательное занятие. К сожалению, так получается, что талантливая молодежь, не видя особых перспектив развития, часто покидает родные города.

Совсем недавно Фахрикамал Махмудова стала стипендиатом народ-

ного центра культуры Польши. В данный момент она находится в Варшаве, реализует свой проект под руководством профессора Академии изящных искусств Станислава Байя. А в Астрахани все по-прежнему... Хорошо.

А, может быть, и вправду все хорошо? Ведь ее древние предки не были оседлыми. Тюрки ведь — кочевники. □

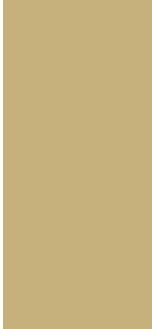

Её глаза как два тумана...

Ирина
Опимах

*Портрет
Александры
Струвской*

Среди сокровищ коллекции Третьяковской галереи — портрет Александры Струйской кисти Федора Рокотова. Это — один из самых одухотворенных и женственных образов в русском искусстве. Изящный овал лица, легкий румянец, тонкая кожа и глаза, в которых — и душевная чистота, и женская гордость, и достоинство, и ожидание счастья, и предчувствие горя. «Ее глаза, как два тумана, полуулыбка, полуплач», — именно об этих глазах писал в своем знаменитом стихотворении «Любите живопись, поэты!» Николай Заболоцкий. Лицо Струйской — в дымке, золотистом сфумато, словно светится изнутри. Благодаря мастерству художника светится не только лицо — и украшения, и платье юной дамы, и вся она будто сотканы из света. Но мало кто знает, что Рокотов написал не только портрет Струйской, но и портрет ее мужа Николая Струйского, причем его портрет не менее ярок, психологичен и точен, чем портрет жены. Со старого полотна на нас смотрит молодой, умный, образованный человек — романтичный, нервный, порывистый, с горящими глазами.

Так кто же эта женщина, вдохновившая Федора Рокотова на создание одного из самых чистых и поэтичных образов в русской портретной живописи? И кем был ее муж, также изображенный блистательным русским портретистом Федором Рокотовым?

Александра Петровна Струйская, урожденная Озерова, дочь помещика Нижнеломовского уезда Пензенской губернии и родственница генерал-прокурора П. Обоянинова, будущего фаворита Павла I, родилась в 1754 году. Она рано вышла замуж — в семнадцать лет. Ее супругом стал Николай Еремеевич Струйский, человек очень непростой, необычный. В мо-

лодости он служил в лейб-гвардии Преображенского полка, однако военная карьера его не сложилась. В 1768 году Струйский обвенчался с Олимпиадой Сергеевной Балбековой, а через год его постигло тяжелое горе: обожаемая юная жена умерла при родах. Он глубоко переживал потерю супруги, которую страстно любил.

Но на этом несчастья не закончились. В том же году скончалась их малолетняя дочь Прасковья, а в следующем — Александра. Николай Струйский в короткий срок потерял всю семью. И это, конечно, не могло не сказаться на его характере. Теперь ему хотелось бежать от всех, и он, в 1771 году окончательно выйдя

было суждено прожить двадцать четыре счастливых года. Когда Александра Петровна вышла замуж за Струйского, ей было около восемнадцати. Вскоре после свадьбы супруги поехали в Москву, где влюбленный Николай Еремеевич заказал своему другу, художнику Федору Рокотову, их парные портреты.

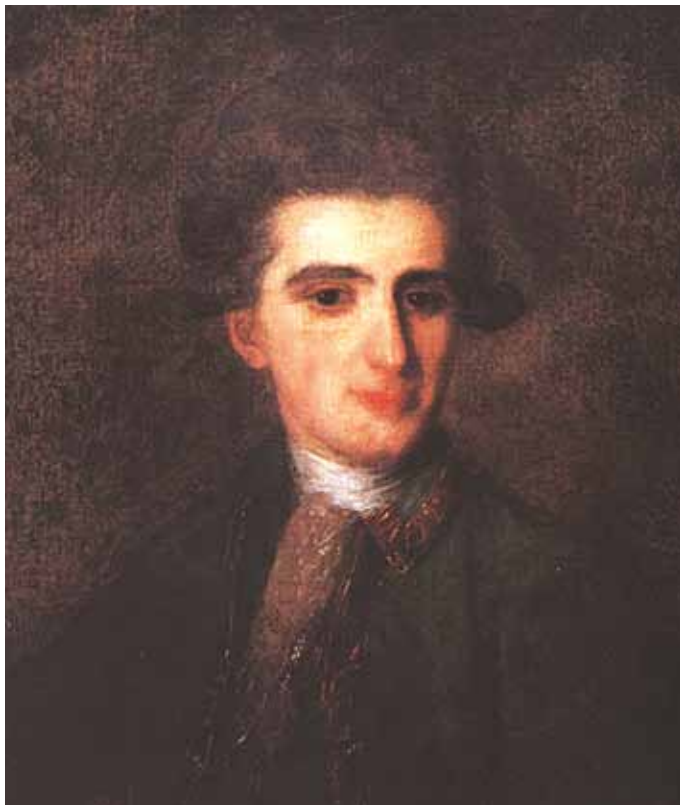

в отставку, поселился в Рузаевке, своем имении, располагавшемся в Инсарском уезде Пензенской губернии. Его сердце было разбито. Ему никого не хотелось видеть. Его судьба отныне — жизнь затворника. Но однажды в доме своих соседей он встретил удивительную девушку, и эта встреча резко изменила всю его жизнь. Оказывается, он еще способен чувствовать, восхищаться, любить! И вселить в его душу новую любовь смогла юная Александра Петровна Озерова, с которой ему

(Именно эти портреты и хранятся ныне в Третьяковке.)

Александра Петровна никогда не скучала в обществе мужа. Николай Еремеевич был прекрасно образован — много читал, знал иностранные языки, увлекался античностью — искусством и мифологией, а также естественными науками, даже проводил оптические опыты. А еще любил музыку, театр, живопись. Среди его друзей и знакомых были лучшие умы того времени, к примеру, поэты Г.Р. Державин и А.П. Сумароков.

*Копия
с картины
Ф. Рокотова
«Кабинет
И.И. Шувалова»*

*Портрет
Николая
Струйского*

Особенно Н.Е. Струйский почитал Сумарокова. Рузаевский помещик был восторженным сторонником сумароковской программы совершенствования человеческой личности, особенно дворян — основы государственной власти, и полагал, что образование и «благородная природа» способны изменить человека, побороть его пороки. На смерть А.П. Сумарокова Н.Е. Струйский написал две элегии и заказал портрет — конечно же, своему другу Федору Рокотову. Вот таким че-

ловеком был муж Александры Петровны Струйской.

Счастливым и влюбленным, он собирался создать для своей юной жены в Рузаевке настоящий рай. И, в первую очередь, построить новый дом, который, по замыслу Струйского, должен стать поистине дворцом. По некоторым сведениям, его проект был заказан самому Ф.Б. Растрелли. Строительство уже было начато, как разразилась страшная беда — восстание Пугачева. Опасный смутьян со своими отрядами по пути из Са-

ранска на Пензу проходил и через Рузаевку. Наверное, ее обитателям было очень страшно, ведь рядом, в соседнем селе Сузгарье, бунтовщики ограбили недавно построенную церковь и повесили приходского священника. Во время этого бунта погибли и родственники Н.Е. Струйского: крестьяне казнили двух его дядьев, живших в Самарской и Саратовской губерниях. Совершенно неожиданно Николай Еремеевич стал обладателем огромного состояния: ему теперь принадлежали более 1200 душ крепостных, обширные земли в Пензенской губернии, а также и в других краях — в губерниях Симбирской, Казанской и Оренбургской.

Но вот, наконец, все утихло, пу- гачевское восстание было подавле-

но, и Струйский закончил строитель- ство рузаевского дворца — громад- ного трехэтажного здания. Рассказы- вали, что за одно только железо для крыши рузаевский барин отдал купцу подмосковную деревню в 300 душ! В доме, отделанном мрамором, рас- полагались зала, хоры, картинная га- лерея. Парадные помещения украша- ли росписи и статуи Аполлона с девя- тью музами. Тут была и прекрасная библиотека, где хранились книги на нескольких языках, — хозяин, будучи большим ценителем и знатоком книг, собирал их с юных лет. Картинная же галерея была составлена в соответ- ствии с модой того времени и вкуса- ми владельца. Здесь были произве- дения известных русских и ино- странных художников. Особенно

Струйский любил картины своего друга Рокотова. Познакомились они, скорее всего, в Петербурге в середине 1760-х годов, когда Рокотов был уже известным и признанным при дворе живописцем, вошедшим в моду у высшего петербургского дворянства. Однако знакомство могло состояться и позже в Москве. Этих двоих, художника и поэта, объединяло прежде всего отношение к искусству, к творчеству, которому оба были готовы отдаваться целиком, всей душой. В Рузаевке хранилось большое количество картин Рокотова. У Н.Е. Струйского была даже копия с картины «Кабинет И.И. Шувалова» (первая интерьерная картина в истории русской живописи). Сегодня значение этого полотна очень велико,

поскольку оригинал не сохранился. Писатель, князь И.М. Долгорукий, служа пензенским вице-губернатором, часто бывал у Струйских. В своих «Записках» он оставил воспоминания о хозяине Рузаевки. «В гостинной комнате несколько прекрасных картин, между коими особенно приметить должно кабинет И.И. Шувалова — искусная копия с прекрасного оригинала г[осподина] Рокотова работы, за которой долго трудился ученик его и покойного хозяина крепостной человек, некто Зяблов, о ком писал много г[осподин] Струйский в своих сочинениях». Действительно, А. Зяблов учился у Рокотова, но в 1784 году он скоропостижно скончался.

Сегодня о Рокотове известно очень мало, а потому даже самые

*Усадьба Струйских.
Фото 1886 г.*

Счастливым и влюбленным, Николай Струйский собирался создать для своей юной жены в Рузаевке настоящий рай. И, в первую очередь, построить новый дом, который, должен стать поистине дворцом. По некоторым сведениям, его проект был заказан самому Ф.Б. Растрелли

скудные сведения о нем необыкновенно ценны. Мы не знаем точно, когда родился художник (где-то в 1730-х годах), каково было его происхождение. По одним источникам, Рокотов происходил из семьи крепостных, принадлежавшей князю, генерал-аншефу Петру Ивановичу Репнину, который дал вольную живописцу еще в юные годы. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что брат живописца Никита действительно числился крепостным князя, исполняя должность золотых дел мастера, и был отпущен на волю в середине 1760-х годов. А в августе 1776 года Ф.С. Рокотов, уже знаменитый портретист и академик, писал прошение на высочайшее имя об освобождении из крепостной зависимости своих племянников, которые находились к этому времени у него на воспитании. И вольная им, в конце концов, была дана. Очень вероятно, что Рокотов был внебрачным сыном князя П.И. Репнина, князь и освободил его не только от крепостной зависимости, но и дал ему дворянское звание. По-видимому, образование художник получил в

Петербургском Шляхетском кадетском корпусе для дворянских детей. Позже он учился в Петербургской Академии художеств. Не знаем мы, и как он выглядел, — правда, некоторые искусствоведы склонны считать, что «Портрет молодого человека в гвардейском мундире» — автопортрет, но это пока лишь гипотеза.

Довольно быстро он стал модным художником, признанным в высшем свете. Ему заказывали портреты самые высокопоставленные и заметные персоны тогдашнего общества. Среди них — А.П. Сумароков, В.И. Майков, А.И. Воронцов, Д.П. Бутурлин.

Струйский явно покровительствовал Рокотову, часто приглашал его к себе в Рузаевку, и художник с удовольствием принимал приглашения. Говорили, что его привлекала в Рузаевку не только дружба с хозяином, но и влюбленность в молодую помещицу. В это легко поверить — да и как было не увлечься очаровательной Александрой Петровной! Так или иначе, наверное, Рокотову нравилось бывать здесь, где его любили, ценили его талант. Здесь можно было отдохнуть от московской суеты и

стихотворческого пристрастия был склонен к юридическим упражнениям, делал сам людям своим допросы, судил их, говорил за них и против в своих собственных судилищах и вводил даже пытки потаенным образом. Вот что я слышал от посторонних. Ежели это было подлинно так, то чего смотрело правительство? От этого волосы вздымаются. Как возможен такой удивительный переход от страсти самой зверской, от хищных произволений к самым кротким и любезным трудам, к сочинению стихов, к нежной и все лобзающей литературе! Все это непостижимо! Нет! Я этому не верю, истинно не верю! Впрочем, кто знает, что такое человек?<...> Подивимся и замолчим». Сам И.М. Долгорукий, много раз бывавший в гостях у Струйских, этих крепостнических ужасов не видел и несколько раз в своих воспоминаниях подчеркивал, что про «зверства» только «слышал от посторонних» и не верит в них. Зато историки считали это бесспорным фактом и всегда писали о Струйском как о жестком крепостнике-самодуре, хотя все, что сегодня известно об этом человеке, опровергает подобное предположение. Однако тот век, век Просвещения, был временем противоречивым, и порою люди, весьма образованные и возвышенные, проявляли к своим крестьянам, этим принадлежавшим им «душам», невероятную жестокость, просто не воспринимаемая их как людей. Да и вряд ли Струйский после того, как пугачевцы казнили его

дядьев, мог испытывать к своим мужикам особенную любовь, недаром вокруг барской усадьбы был сооружен вал, а на Парнасе хранилась богатая коллекция всевозможного оружия.

По свидетельству того же И.М. Долгорукого, Струйский очень любил свой Парнас и проводил там «суток по двое без сна и почти без пищи, опасался над собою злонамеренных покушений». Иногда это было похоже на манию: он запрещал в своем кабинете даже выпирать пыль — она всюду лежала толстым слоем и служила ему верным стражем, так как по ней, говорил помещик, «я вижу тотчас, не был ли кто у меня, и что он трогал».

Поэтический дар Николая Струйского передался по наследству его дочери Маргарите и внукам Дмитрию и Александру. Последний, Александр Полежаев, стал настоящим поэтом, и довольно известным. Он был «незаконным сыном» Леонтия Николаевича Струйского и крепостной девушки Аграфены Ивановны, выданной впоследствии замуж за мещанина города Саранска Ивана Полежаева, от которого и получил отчество и фамилию. Кстати, у Александра с бабушкой были прекрасные отношения, они переписывались, и он всегда показывал ей свои сочинения.

Дабы издавать свои труды, а также книги любезных ему авторов, Н.Е. Струйский организовал в своем имении типографию, которая по праву считалась лучшей в России. Он покупал самое новейшее по тем временам типографское оборудо-

Струйский организовал в своем имении типографию, которая по праву считалась лучшей в России. Книги в его типографии печатали даже на атласе, шелке и тафте, используя высококачественные краски. Екатерина II ими весьма гордилась. В 1913 году, спустя более ста лет, на Международной выставке в Лейпциге все золотые призы получили именно книги из типографии Н.Е. Струйского. Уже в XVIII веке они стали библиографической редкостью, а в наши дни являются раритетами огромной ценности

вание, выписывал красивые шрифты и самую дорогую французскую бумагу. Книги в его типографии печатали даже на атласе, шелке и тафте, используя высококачественные краски. Отдельные, наиболее ценные экземпляры переплетались в газет, сафьян и пергамент. На рузаевского издателя работали лучшие русские граверы — они резали на медных досках изящные виньетки и заставки. В типографии Струйского выпускали настоящие шедевры книжного дела.

Надо отметить, что Н.Е. Струйский свои книги никогда не продавал — он щедро дарил их своим друзьям и знакомым. Посылал их и боготворимой им императрице. Екатерина II ими весьма гордилась, отмечала издателя дорогими подарками — к примеру, даже отправляла ему бриллиантовые перстни — и показывала книги Н.Е. Струйского иностранным гостям, а когда те выражали восторг, сообщала, что подобные шедевры производятся в глубокой провинции ее огромной империи — мол, вот такая эта страна, ее просвещенная Россия.

Рузаевские издания по уровню полиграфического исполнения смело могли конкурировать с изданиями лучших европейских типографий. В 1913 году, спустя более ста лет, на Международной выставке в Лейпциге все золотые призы получили именно книги из типографии Н.Е. Струйского. Уже в XVIII веке они стали библиографической редкостью, а в наши дни являются раритетами огромной ценности.

Супружеская жизнь Николая и Александры Струйских, длившаяся 24 года, протекала в любви и согласии. За это время Александра Петровна родила 18 детей (по другим сведениям — 9), из которых было две пары близнецов. Один ребенок родился мертвым, а пятеро умерли в младенчестве. Можно представить жизнь нашей героини — все молодые годы она была или беременной, или кормящей матерью. И переживала похороны своих детей... Но рядом был любящий муж, который каждый вечер читал стихи, посвященные ей, его музе...

Смерть поэта была внезапной и странной. Узнав о кончине Екатери-

ны II, которую он глубоко почитал, Н.Е. Струйский, как писал современник, «слег горячкой, лишился языка и умер». Это случилось 2 декабря 1796 года, и было ему тогда совсем немного лет — 47. Его похоронили в Рузаевке — около церкви, которую он сам построил. Над его могилой, по его же распоряжению, был поставлен простой камень. (Конечно же, могила быстро затерялась.) Его друг, «милейший и добрейший» Гаврила Державин проводил Н.Е. Струйского в могилу не эпитафией, а эпиграммой:

*Поэт тут погребен: по имени —
струя.*

А по стихам — болото.

После смерти мужа Александра Петровна взяла все заботы по управлению огромным хозяйством на себя. Князь Долгоруков писал о ней: «Вдова была женщиной совсем других, чем муж, склонностей и характера: тверда, благоразумна, осторожна. Она соединяла самым хорошим смыслом приятные краски городского общежития, жила в Петербурге и Москве, любила людей, особенно привязавшись к кому-нибудь дружеством, сохраняя все малейшие отношения с разборчивостью, прямо примерной в наше время. Она вырастила порядочными людьми своих детей и внуков. Сберегла им пристойно имущество, доставила способности научиться, открыла пути к приязни и уважению многих».

Она свято хранила память о муже и сохраняла всю обстановку в

доме такой, какой она была при нем. По-прежнему в Рузаевке часто бывали гости, и всех восхищали хлебосольность и приветливость хозяйки. Александру Петровну отличали щедрость, порядочность в отношениях с людьми, но и определенная твердость характера. Даже Наталья Огарева-Тучкова, жена Герцена, не очень любившая других членов семейства Струйских, вынуждена была признать, что Александра Петровна необыкновенно умна и любезна. Сохранился ее портрет (гравюра), сделанный в 1826 году. На нем — типичная русская помещица, хорошо сохранившаяся для своих 74 лет. Глядя на эту пензенскую богачку, трудно разглядеть в ней пленительную красавицу с портрета Рокотова. Видно, годы отложили свой отпечаток, а может, просто с уходом ее мужа ушла из ее жизни поэзия и любовь...

Александра Петровна умерла в 1840 году, дожив до 86 лет. Похоже, она совсем забыла Федора Рокотова, художника, приятеля мужа, который когда-то, в самом начале ее супружеской жизни, написал чудесный портрет, где она так молода и так хороша. Как вспоминала Огарева-Тучкова, в доме Струйской в гостиной висели портреты ее и ее почившего супруга, но это были совсем другие портреты, то есть рокотовским работам у Струйских не придавали большого значения, хотя и бережно хранили их.

После смерти Александры Петровны уже некому было заботить-

*Александра Петровна Струйская
в возрасте 74 лет. Гравюра, 1826 г.*

ся об имении. При внуках Струйских оно пришло в полный упадок, и один из них, Михаил Струйский, решил продать его соседнему женскому монастырю. Прошло всего несколько лет, и от мира Струйских ничего не осталось. Но вот рокотовские портреты по-прежнему хранились в семье — до 1901 года они были у правнучки Струйских Сушковой. Видно, в тот год ей пришлось нелегко, иначе бы она не продала их Историческому музею. А в 1925 году, по распоряжению правительства, они были переданы Третьяковской галерее.

И сегодня, как и более двух столетий назад, «едва закутана в атлас», смотрит на нас с портрета Федора Рокотова пленительная красавица Александра Струйская, и, как тогда, когда художник писал этот портрет, из «тьмы былого» «мерцают ее прекрасные глаза». Глядя на нее, мы вспоминаем и деяния ее мужа, пензенского богача, чудаковатого и преданного своей музе поэта-издателя Николая Струйского, и замечательного русского портретиста Федора Рокотова, и советского поэта Николая Заболоцкого, посвятившего Струйской чудесные стихи. □

О сомнительной пользе ревности

Я сижу и смотрю на часы — первый час ночи. На глазах слезы. Любимого мужа до сих пор нет дома. Ужасные мысли лезут в голову, оформляются в еще более ужасные слова и срываются с языка, как капли яда. Я истекаю злостью и чувствую себя самой настоящей змеей. В глубине души мне совестно: как можно отравлять подозрениями нашу с Коляном великую любовь? Но ничего не могу с собой поделать. К моему сожалению, к его сожалению... О! Он еще пожалеет, что задержался на этой дурацкой корпоративной вечеринке! И что пошел на нее! И что вообще устроился на эту работу!

Тихо, чтобы не разбудить спящего младенца, я приближаюсь к дверному глазку. На лестничной площадке светло и пусто, в подъезде тихо. Где ты, мой дорогой, любимый, единственный муж? Негодяй! Я отдала ему лучшую половину своей жизни (на данный момент, всего четыре года, но планы-то у меня были большие!), а что он? Где он? С кем он?!

Колян приходит в половине второго, когда я уже считаю свое сердце разбитым, а брачные узы разорванными в клочья. Он понес реальные

потери: у него разбит кулак и разорвана куртка. По дороге к дому муж подвергся нападению грабителей, вступил в неравный бой, лишился бумажника и плитки шоколада, купленной для меня. Больше всего он сокрушается об утрате шоколадки.

Я люблю шоколад и своего единственного мужа и ненавижу уличных грабителей и саму себя. Боже, почему я такая ревнивая дура? Ладно, пусть дура, с этим претензии к природе, но почему ревнивая? Колян же никогда! Ни с кем! Ни за что! Что за...

Ревность — это производное от любви, как мутный самогон — производное от веселого молодого вина. «А твое сердце, выходит, перегонный аппарат?» — язвит внутренний голос. Я помалкиваю. Мне стыдно из-за своих недавних подозрений. В следующий раз я буду вести себя иначе.

«А будет и следующий раз?!» — кобррой на хвосте взвизгивает моя ревность. Героический и несчастный муж смотрит на меня встревоженным взглядом, и я делаю нечеловеческое усилие, чтобы прикусить змеиный язычок...

Ну, что, кто-нибудь еще узнал себя в описании, или я одна такая мегера?!

Ревновать плохо. Ревновать про- тивно и стыдно. Ревность — это яд. Но ведь в ма-аленьких, микроскопи- ческих таких, дозах яды могут быть и полезны, не так ли? Как говорится:

«Доверяй, но проверяй»? Или вам больше нравится пространный ло- зунг: «Лучше не заподозрить вино- ватого, чем напрасно обидеть неви- новного»?

Пройдите этот тест и узнайте, на- сколько легко вы поддаетесь ревности.

Случайно обнаружив на пиджаке любимого длинный белокурый волос, вы:

- А) Орудяя щеткой, ругаете за плохую работу службу быта. Надо же, химистка не удалила загрязнения тех давних времен, когда вы еще были длинноволосой блондинкой!
- Б) Сетуete на тесноту и давку в общественном транспорте и перепол- ненных офисных лифтах. Так не только чужую волосину, так и вшей можно подцепить! Закончив орудовать щеткой, заставляете любимого вымыть голову.
- В) Устраиваете любимому головомойку, требуя поминутно отчитаться за время, проведенное вне дома, и проводите остаток вечера за просмотром фотоальбомов со снимками блондинистых знакомых и сослуживиц, прикидывая, кому бы проредить скальп.
- Г) Скальпируете любимого.

На щеке милого, припозднившегося с работы, пламенеет подозрительное пятно. Вы думаете:

- А) У бедняжки аллергия на обцепит. В следующий раз отвезу ему в офис горячий ужин!
- Б) Кажется, я не в курсе трудовых успехов любимого. Он явно при- нимал поздравления от коллег!
- В) Не помню, чтобы кто-то из его родственниц пользовался такой вульгарной алой помадой...
- Г) Так и знала, что у него кто-то есть!

Любимый звонит, чтобы сказать, что ваша встреча не состоится — увы, сегодня он завален сверхважными делами и не может выкроить на личную жизнь ни минутки. Вы:

- А) Сочувственно и нежно говорите: «Конечно, дорогой, увидимся завтра. Береги себя!»
- Б) Подробно расспрашиваете его, о каких важных делах идет речь.
- В) Проверяете, соответствует ли номер, с которого он вам звонит, телефону офиса.
- Г) Язвительно спрашиваете: «Повтори, я не расслышала, чем ты там завален — делами или телами?»

Милый неожиданно покупает себе красивые обновки, модный парфюм, меняет стрижку. Вы огорчены:

- А) Тем, что любимый заодно не купил себе новый автомобиль, яхту и золотой самолет с инкрустацией алмазами, которых он при его выдающихся достоинствах, безусловно, заслуживает. Приобретаете глиняную свинку с прорезью и начинаете копить ему на самолет.
- Б) Тем, что идея выгодно подчеркнуть его выдающиеся достоинства принадлежала не вам.
- В) Тем, что он по-свински потратил кучу денег на одного себя, а вы с надеждами на приобретение обновок пролетели, как самолет.
- Г) Тем, что в обновках и с новой стрижкой он стал хорош и привлекателен, как золотой самолет, и теперь какая-нибудь свинья-копилка непременно положит на него свой глаз-алмаз.

На вечеринке ваш любимый проявляет повышенное внимание к другой даме. Вы:

- А) Искренне восхищаетесь добротой и благородством, с которыми он относится к самым сирым и убогим созданиям. Кто бы еще при-

гласил танцевать эту несчастную девицу с ее гренадерским ростом, ногами от ушей и безобразно большой грудью?

- Б) Искренне сожалеете о том, что ваш милый здорово перебрал. Теперь у него двоится в глазах, из-за чего бедный подслеповатый дурачок то и дело путает вас с особой, у которой и ноги в два раза длиннее, и грудь вдвое больше.
- В) Искренне желаете милому сломать глаза, а долговязой девице — ноги и торопитесь разбить танцующую пару.
- Г) Разбиваете танцорам физиономию.

А ТЕПЕРЬ СМОТРИМ ОТВЕТЫ

Если вы чаще выбирали вариант А:

Вы наивны и доверчивы, как младенец. Глядя на вас, любящие родственники и друзья глотают слезы умиления и мучительной жалости. Редкий мужчина удержится от того, чтобы не обмануть женщину, которая так сильно жаждет быть обманутой!

Вам наиболее симпатичен вариант Б:

Ваша святая вера в лучшие человеческие качества делает вам честь, но люди, частенько злоупотребляющие вашей доверчивостью, делают вам больно. Вы это терпите, но характер постепенно меняется к худшему...

Ваш ответ — В:

Вы не упустите повод для ревности и не откажете себе в удовольствии устроить сцену с выяснением отношений. Однако, пока ваш любимый ведет себя как пай-мальчик, вашим отношениям ничто не угрожает.

Вы предпочитали вариант Г:

Вашей подозрительности могли бы поучиться Борман, Мюллер и троллейбусные контролеры. Зря вы это! При столь предвзятом отношении даже самый верный и добропорядочный мужчина может, в конце концов, изменить своим принципам — и вам с ними заодно.

О великой пользе секса

Я лежу в постели и дремотно думаю, что могла бы так лежать неделю. Или две. Или даже от двух до четырех месяцев, как медведь в зимней спячке.

Заворачиваюсь в одеяло и засыпаю, но через некоторое время ощущаю, что по моей уютной медвежьей берлоге гуляет сквозняк. Оказывается, это Колян влетел в комнату и нарушил герметичность моей упаковки.

— Ты что, спишь?!

В голосе мужа изумление и негодование. Можно подумать, он не знал, что в постели люди спят, и был бы удивлен гораздо меньше, если бы увидел, что я тут зашиваю в матрас бриллианты или плету веревочную лестницу из простынок.

Впрочем, я не способна в полной мере оценить его чувства. Я действительно сплю и не планирую прекращать это затягивающее занятие до семи часов утра. В семь пятнадцать за мной придет машина, я поеду на съемки и буду до самого вечера пахать, как лошадь. Кстати, сегодня я пахала аналогичным образом.

Поэтому теперь я сплю и вижу во сне исключительно лошадей: работающего Конька-Горбунка и целые табуны безымянных загнанных коняг, морально готовых к тому, чтобы их пристрелили.

— Как ты можешь спать?! — зудит мне в ухо мой Колян... Душечка.

— Долго, — обдумав ответ на протяжении пары длинных всхрапов, бормочу я.

— А как же секс?!

Главный вопрос задан.

— А никак!

Главный ответ выдан.

— Ах, так!

Муж, оскорбленный в лучших чувствах, обманутый в светлых надеждах и грязных помыслах, срывается с кровати и убегает прочь. Я машинально распространяю себя на опустевшие территории и начинаю сладко посапывать.

— Трах! — В кухне падает табуретка.

Я сплю.

— Трах-тибидох! — вторит табуретке Колян, цирковым медведем прыгая по скрипящему полу на одной ноге.

Я все еще сплю.

— Дзынь!

— Это что такое? — Я неохотно разлепляю ресницы.

В комнату тут же заглядывает муж. Его глаза полны надежды, а улыбка — злорадного торжества.

— Ты уже не спишь? — с приторной кротостью спрашивает он.

На самом деле этот вопрос надо понимать так: «Ну, как теперь насчет секса?»

— Что там случилось? — кивая вострепанной головой в сторону кухни, строго спрашиваю я.

Смекнув, что я по-прежнему не расположена к плотским утехам, муж с великим прискорбием сообщает:

— Там разбилась тарелка. — По тону Коляна можно подумать, что разбилось, как минимум, его большое доброе сердце. — Это я ее разбил! — заявляет он с суровой гордостью.

От мужа я такого не ожидала.

— Милый! Тебе так нужен этот секс? — с трудом подавляя неуместный в данный момент зевок и страстно надеясь на отрицательный ответ, спрашиваю я.

— Во всяком случае, нужнее, чем та тарелка! — подумав, чистосердечно признается он.

Я окончательно проснулась и смотрю на него во все глаза. Беспokoит меня, разумеется, не участь невинно убиенной тарелки, а буйный порыв супруга. Неправильно истолковав значение моего взгляда, мучимый совестью Колян поспешно добавляет:

— Я выбрал самую плохонькую тарелочку, с трещинкой! И предвзвительно завернул ее в тряпочку, чтобы осколки не разлетелись по всей кухне!

После этого меня разбирает смех, но я очень серьезно говорю:

— Спасибо! Спасибо тебе, дорогой, за то, что ты избавил нас от этой гадкой тарелки!

Муж облегченно улыбается и раскрывает мне объятия. Вновь заснуть удастся только через час, и я ничуть не сожалею о потерянном времени, однако в сон погружаюсь с тревожной мыслью: «С сексом надо что-то делать...»

Прошу не путать вопросы: «Как заниматься сексом?» и «Что с ним, этим сексом, делать?»

Первому половозрелых особей учить не надо, хотя я лично с неподдельным интересом читаю занимательные статьи о тантрическом сексе, воспринимая их как волшебные сказки для взрослых. Нет, я верю, верю в восьмичасовые секс-марафоны Стинга и его жены ничуть не меньше, чем в светлое будущее! Я только не понимаю, каким чудесным образом могут найти время для затяжного сеанса тантрического секса те, кто, в отличие от супруги Стинга, каждый будний день проводит девять часов на работе, три часа в дороге, не менее получаса в магазине и, как минимум, столько же у кухонной плиты? А еще нужно помыть посуду, одежду всем членам семьи на завтра приготовить, загрузить и разгрузить стиральную машинку, позвонить родителям, почитать книжку, подпилить ногти себе и надавать по лапам коту, раздирающему диван, сделать маску для лица и уроки с ребенком...

У среднестатистической работающей женщины миллион дел, а не алых роз!

Розы многие из нас получают только посмертно.

Хотя не будем о грустном. Утешим себя тем, что среднестатистическому работающему мужчине тоже нелегко живется, однако он крайне редко отказывается от вечернего сеанса любовных игр по причине острой головной боли.

Вот интересно, почему? Может, у мужчин головы иначе устроены?

— Просто у мужика голова болит в другое время — утром, а не вечером! — утверждает моя подруга Оля, и она знает, о чем говорит.

Но нас интересует всего один очень важный, простой и конкретный вопрос: как на закате долгого многотрудного дня прийти к вечернему сексу в подходящем расположении духа и тела и получить в итоге хороший результат?

Опыты гаремной жизни к нашим реалиям, увы, не применимы, ибо за все время существования Османской империи и Багдадского халифата ни одна уважающая себя Шехерезада не была замечена у корыта с грязным бельем или у плиты с полуведерной кастрюлей борща. Мы, увы, не можем организовать разделение труда на энное количество вполне законных супругов и освободить младшую любимую жену Гюльчатай от всех рутинных работ ради творческих занятий в опочивальне. К тому же, мы все, независимо от возраста, хотим быть любимой Гюльчатай. И что же нам остается?

Остается разумно расходовать силы, изобретательно сэкономленные на рутинных работах.

Предлагаю всем дамам, замученным тяжелой неволей несексуаль-

ного характера, взять на вооружение следующие простые принципы.

Первое правило:

«СЕКС ПРЕЖДЕ ВСЕГО!»

Ученики Фрейда могут трактовать этот девиз весьма широко, но я лично понимаю его буквально. «Прежде всего» — значит «раньше всего другого».

То есть, в общем ряду приятных и полезных действий (почитать, поспать, посмотреть телевизор, сварить борщ на завтра или выпилить лобзиком новую рамочку для семейного фото) приоритет всегда остается за сексом. Отсутствие свежего борща наверняка скажется на ваших отношениях с любимым гораздо менее фатально, нежели отсутствие регулярного и качественного секса (хотя насчет борща я, возможно, погорячилась).

Второе правило:

«ПРАВДА, И ТОЛЬКО ПРАВДА!»

Гламурные журналы и дидактические пособия из серии «Начинающим агрессоршам» дают множество советов, как охмурять мужчин и держать их в порабощенном состоянии темных средневековых масс до окончания своего бабьего века. Как правило, это инструкции в диапазоне от шовинизма до садизма. Следуя им, можно более или менее надежно приковать к себе мужчину, от которого, рано или поздно, непременно захочется сбежать самой: практика показывает, что принудительному негуманному охмурению мы подвергаем не тех, кого любим, а тех, кого признаем услов-

но годными для долгосрочной частнособственной эксплуатации.

В интимной жизни любящей пары нет места лжи и притворству, и любимый наверняка дороже оценит ваши сладкие стоны и последующие комплименты, если будет знать, что они неизменно искренни.

Правило третье:

«СМЕХ ПРОДЛЕВАЕТ
ПОЛОВУЮЖИЗНЬ!»

Чувство юмора, возможно, самое совершенное из всех человеческих чувств. Вам нечего бояться неудачи в постельных делах, если вы умеете рассмешить партнера. Конечно, объектом для ваших добрых шуток должны быть скорее вы, чем он, ведь самоирония неизменно подкупает.

Я знаю молодого человека, который, к его великому сожалению, не рожден для большого секса. По своим физическим данным он может занять разве что место на скамейке запасных в команде третьей лиги. Число конфузозов, переживаемых им в ходе одной лишь ночи любви, может быть сопоставимо с разгромным хоккейным счетом. Тем не менее, дамы, которых эта бледная тень Казановы однажды посетила в ночной тиши, обычно не отказываются от новых встреч. Секрет нашего героя в том, что он превращает свое фиаско в презабавное представление с нарочито пафосными стеланиями вроде: «О, мой факел опять погас! Дай же, дай мне ту искру, из которой возгорится пламя!»

Умиленные таким простосердечием дамы старательно «искрят», и

процесс завершается более или менее результативно.

Улыбайтесь, господа (и дамы)! Улыбайтесь!

Правило четвертое:

«НЕ СЕКСОМ ЕДИНЫМ...»

Не рассматривайте секс как самодостаточное действие и при случае старайтесь совместить его с другими приятными занятиями.

Например, попробуйте увязать дежурный секс с обязательным вечерним омовением. Не факт, что совместное барахтанье в теплой ванне сэкономит вам время, да и соседи снизу могут не оценить абстрактную картину на замоченном потолке, но небанальный подход к процессу наверняка освежит ваши чувства. Или уговорите любимого посмотреть вместе телефильм с участием эротичных красоток и красавцев. Пусть они выступят на «разогреве», а вы — в основной программе. Возможно, тогда ваш милый совершенно иначе взглянет на продолжительные рекламные паузы и наконец-то одобрит манеру телеведущих прерывать роликами йогуртов и стиральных порошков наиболее жаркие любовные сцены.

Правило пятое:

«НЕ ИЗМЕНЯЙТЕ.
ИЗМЕНЯЙТЕСЬ!»

Вспомните, есть ли хоть одно блюдо, которое вы почитаете наилучшим лакомством с первых лет своей жизни и по сей день? Сомневаюсь, что кто-то до седых волос хранит гастрономическую вер-

ность грудному молоку. Будем честны: со временем все приедается, даже секс с любимым человеком. Значит ли это, что нужно радикально изменить режим сексуального питания? И да, и нет.

Новые ощущения — это не обязательно новый партнер. Есть способы ненадолго стать другим человеком.

Тем же, кто еще не познал самое себя даже в естественном виде, предлагая ответить на несколько вопросов.

10 ВОПРОСОВ «ПРО НОЧЬ»

Даже у небесного создания — Луны — две стороны: одна открыта всем взорам, другая доступна только объективам исследовательских спутников.

Мы тоже днем одни, а ночью другие. Ночью мы честнее и откровеннее. Днем мы живем по принципу «весь мир театр, и люди в нем актеры», а ночью отпускаем зрителей, опускаем занавес и снимаем маски и макияж, думая, что темнота нас прикроет. Не надейтесь! Как бы вы не лицедействовали днем, ночь выдаст вас с головой!

Чтобы понять, каковы вы на самом деле, достаточно узнать ваши ответы на какой-нибудь десяток вопросов «про ночь».

Продолжите начатую фразу, выбрав один из вариантов.

1. Ночью в постели я, как правило...

- А) Сплю! Сплю сосредоточенно и вдумчиво, по возможности, от заката до восхода.
- Б) Сплю по остаточному принципу, сколько удастся, после иных сосредоточенных и вдумчивых занятий.
- В) Периодически сплю, но не одна, предпочитая объятиям бога Морфея максимально тесный контакт с симпатичным смертным.

2. Ночью особую привлекательность для меня имеет...

- А) Конечно, кровать!
- Б) Телевизор, компьютер, швейная машинка, книжная полка, гладильная доска, вселенская тоска (подчеркните нужное).
- В) Представитель одного со мной вида теплокровных млекопитающих (впишите имя, лучше всего — мужское).

3. Оказавшись в ночном клубе, я спешу:

- А) Найти выход и удалиться.
- Б) Дать выход эмоциям — и удалиться.
- В) Найти сначала кого-нибудь, а потом выход, удалиться, вместе дать выход эмоциям, через время опять вернуться, потом снова удалиться — и так скоротать ночь в непрерывном возвратно-поступательном движении.

4. Незнакомцу с приятным голосом, разбудившему меня телефонным звонком, я скажу...

- А) Сердито: «Вы спятели? Уже два часа ночи!»
- Б) Устало: «Здесь таких нет, вы ошиблись номером».
- В) Кокетливо: «Не спится? Представьте, мне тоже!»

5. Лунной дорожкой на морской воде я предпочитаю бы любоваться...

- А) Из окна своего уютного дома.
- Б) С балкона в номере шикарного отеля.
- В) С носа летящего по волнам океанского лайнера — и наплевать, какое название написано на его борту, если компанию мне составит Леонардо ДиКаприо!

6. Соседям сверху, поющим и пляшущим, на ночь глядя, я...

- А) Сразу после заката помогу держать ритм громкими ударами швабры в потолок.
- Б) Сразу после двадцати трех часов организую общение с нарядом милиции.
- В) Сразу же предложу перенести шумное празднование во двор, чтобы привлечь к нему возможно большее количество общительных людей, включая саму себя, ту зануду со шваброй и бравых парней из милицейского наряда.

7. Случайно сломав в процессе вечернего омовения водопроводный кран, я...

- А) Перекрою вентиль и пойду спать, решив, что утро вечера мудренее.
- Б) Перекрою вентиль и пойду искать телефон мастера-водопроводчика, чтобы с пеной у рта уговорить его на срочный вызов.
- В) Перекрою вентиль и пойду обзванивать симпатичных мужчин, выясняя, не умеет ли кто из них и краны починять; определюсь с кандидатурой мастера-универсала, согласного на срочный вызов, и, открыв вентиль и дверь, залезу в ванну с пеной.

8. Ночь, звонок в дверь, незнакомый мужской голос: «Откройте, вам телеграмма!». Я...

- А) Вспомню любимую бабушку с двумя инсультами и без проволочки открою дверь.
- Б) Вспомню любимые детективы, без проволочки открою рот и предложу незнакомцу отправиться к чертовой бабушке, предварительно просунув телеграмму, если она есть, под дверь.
- В) Помня и о бабушке, и о себе, любимой, без проволочки предложу незнакомцу прочесть телеграмму вслух, заодно решая, приятный ли у него голос.

9. Животное — символ ночи, по-моему, это...

- А) Домашняя кошка.
- Б) Летучая мышка.
- В) Летящая сова с мышкой в когтях.

10. Я скажу: «Ночь была жаркой», если...

- А) Столбик термометра и к утру не закатился ниже тридцати градусов, и я пропотела, как овощ в парнике.
- Б) Я изрядно попотела, за полночи закатав тридцать баллонов с овощами.
- В) Новый бойфренд оказался изрядным «фруктом» и с полуночи до утра держался так стойко — куда там столбику термометра!

А ТЕПЕРЬ АНАЛИЗИРУЕМ

Вы склонялись к варианту А?

Если вы уже вышли из детского возраста и еще не приблизились к пенсионному, то привычка спать всю ночь напролет выдает в вас здоровомыслящую особу с весьма основательным воспитанием и отсутствием склонности к перемене мест. Хотите знать, что я думаю о вас, дорогая соня? Я завидую вам, такой рассудительной, несуетной и практичной. Вы — счастливое создание! Однако счастливой женщиной вас, увы, не назовешь.

Вы чаще выбирали вариант Б?

Вы не чужды романтики, но не теряете голову и почву под ногами. Вне зависимости от того, чем именно вы занимаетесь до отхода ко сну — сверхурочной работой, художественной штопкой детских колготок, повышением компьютерной грамотности или чтением книг и мыслей на расстоянии, — вы наверняка натура деятельная, раз целого дня на все про все вам не хватает. Замечательно, если вам достаточно пяти-шести часов, чтобы выспаться и быть в хорошей форме на следующий день. Однако подумайте: может, вы немного неорганизованны? Нет ли погрешностей в вашем режиме, если день систематически заедает ночь?

Ваш вариант В?

Не очень-то верьте тем, кто скажет, что вы легкомысленны (а скажут это многие). Конечно, вы легки на подъем, азартны и порой бесшабашны, но ваш авантюризм по сути своей консервативен, ведь ваш излюбленный способ коротать ночи для земного человечества вполне традиционен и, с точки зрения современной демографической политики, наиболее предпочтителен (если вы не в Китае живете, конечно). Вероятно, постепенно привычный вам ночной сценарий все чаще будет проходить по типу «Б», однако вы всегда будете стремиться что-то в нем менять. Если не бойфрендов, то хотя бы мебель в спальне. □

Дарья Самородова

Ее имя в поэзии пока еще мало известно, хотя стихи и прозу она пишет с раннего детства. Окончив исторический факультет, сразу же поступила на факультет психологии, а позже заинтересовалась астрологией и арт-терапией. Сегодня в своей работе старается совмещать эти знания — астрологию и психологию, что приносит интересные и порой неожиданные результаты. Кроме того, она является PR-директором творческого проекта «Театральная гостиная», в рамках которого в Москве и Санкт-Петербурге проводятся музыкально-поэтические вечера с участием талантливых музыкантов, писателей, художников и фотографов.

Итак, знакомьтесь — необычная поэтесса и необычный человек Дарья Самородова.

И сердце липкое
Наполнено спокойствием,
Раздутый разум-непоседа
Стройность обретает...

Наедине с собой
Столь сладко
Столь заманчиво...
Что иногда боюсь
Остаться так...

Наедине с собой
Я — Афродита,
Из волн отцовских
Выхожу на белый берег,
Любуюсь отражением...

Наедине...
Любовники мои

Приобретают новые черты —
Я их прощаю...

Наедине с собой
Не слышу грубых слов,
Шепчу молитвы и
Слагаю сказки...

Наедине с собой
Не вижу страшных снов,
Лишь акварель, лишь нежность...

И предначертанный судьбой
Пусть ярко-незаметным будет,
Чтобы вписать
Еще неизвестный облик свой,
В картину мира,
Нарисованную мной...
Наедине с собой...

ПРОГУЛКА ПО ПЕТЕРБУРГУ...

Здесь осенью в Таврическом саду цветет шиповник,
На Чернышевского фонарные столбы
Над гроздьями сверкающих бутонов
Сгибают металлические шеи...
Любуется собой Нева
В янтарных отблесках архитектурной неги...

Я, затаив дыхание, по Невскому пройду,
Сжимая памятный блокнот
Из Русского музея в озябших пальчиках,
И заберусь в потрепанный трамвай...
А впереди: Дворцовый мост, и Стрелка,
Петропавловка...
Подсолнух на обложке душу греет,
Сентябрьская ночь от кисло-сладких
Запахов морских пьянеет...

В тебя влюбляюсь, Петербург!!!
Вот доказательство: набойки стоптаны
На мелко-каменных твоих аллеях и четких улицах...

Ты учишь, очищаешь, просвещаешь!
К себе вчерашней больше не вернусь!
Я, исцелившись, обнулюсь, расставшись
С глупым одиноким прошлым, не жалея...

* * *

Трамвай — это маленький поезд,
А в Петербурге — дождь...
Моросит, размышляя о вечном...

Мой Бог... Как отдыхаю Душою
здесь...
И даже влюбляюсь слегка
В суровых галантных мужчин
И строгих сверкающих женщин...

В июньской жаре распахнулась
сирень,
И белые ночи расчистили
темное небо...
Глаза, крокодиловой кожи цвета —

Мой новый таинственный фетиш,
Но буду я молчать...

Позовешь на спектакль — приду!
Неверно-неведомый адрес
укажешь?

Найду! Аплодисменты подарю
И красный амариллис даже!

Неужто любовь? —
Рассмеюсь ироничной улыбкой —
«А как же!» Вспомню крылья,
На носочки привстану... Ладонью
Слегка к небесам потянусь,
От земли оторвусь — не боюсь!

ТРИГОН

Андрей любит Яну,
Яна ищет любовь,
Я же — люблю Андрея...

Вспоминаю тригон —
Треугольник у древних греков,
Самый ловкий и легкий аспект
Для познания счастья...

Мы с Андреем в музеи, дворцы,
галереи,
...О режиссуре и Боге...

С Яной — шопинг, кино и суши,
...О моде, мужчинах и йоге...

Вот и все — основания нет,
Три черты, три угла —
Лишь одна сторона пирамиды...
Да! Тригону я больше не верю...

В поиске выхода:
Истины сказочных врат...
Быть может, искомый ответ —
КВАДРАТ????

ИНТЕРЕСНО

У тебя на «стене»...
Интересно...
Намекает Земфира — скучаешь...

Интересно...
А вдруг для другой
Распустилась на аве твоя
улыбка?

Для нее увлажнились
признаьем глаза?

Столько раз... Все сухим
молоком...

Обжигалась... Что в отчаянье
дую...

В проточную чистую воду... Я...
Твоих искренне-тающих слез...
И не веруя, верю...
Кажется, помнишь меня!

Страстно буду читать
философские книжки,
Зубрить немецкие
глаголы и артикли...

Интересно...
Забуду ли я тебя,
Блуждая меж тропами
Строчек и слов...
Похоже, что нет...
Но пока мы в разлуке...
Июльские дни
в раскаленном асфальте
Притихли...
Закованные
в сотни миль до сентября...
И ждут...
Когда я разорву как маг
Цепочку обстоятельств
и приеду...

Как будто бы в тайне...
Немножко учиться...
Немножко в гости...
Интересно...
Ты встретишь меня?

Интересно...
Ты так не похож...
На тех, кто был «до»...
Интересно...
А будут ли «после»?

Интересно...
Я думала, будем
сражаться и спорить...
Рассуждать
и подыскивать смыслы,
Набивать трехстраничные
письма...

Ты же пишешь:
«Готовлю лазанью...
Соседи уехали...
В городе звука
не слышно...

Как ты?»

Как же я?
Исповедую страждущих...
Слушаю музыку сфер...
Шоколад и черешню...
Дольками за полночь...
Иногда...
Когда звезды считаю...
Линией жизни в мыслях
Пишу в сердцевине
ладоней твоих:
«Интересно...»

АЛЫЕ РОЗЫ И СЧАСТЬЕ

Распахнулись розы-паруса —
Ночью накануне распустились...
Теперь грустят со мной —
И покидая властный Петербург,
Летят, завернутые в тряпочку,
В беспечную и дикую Москву...

Сжимая стебли-память
Длинных чутких пальцев,
Собрав в кулак усилия судьбы,
Я, счастье пробуя на вкус,
Соскальзываю в осень...

Ты же крепко заперт
В Александринской
Драматической тюрьме...
Сейчас лишь солнца тень
В иллюминаторе-окне
Спешит догнать «Сапсан»,
Напоминая — удаляюсь!
Не насовсем... Я возвращаюсь
Собирать плоды, чуть тронутые
Совестью и страстью...

Я чувствую себя особенной,
А ты?

Еще я буду много думать
и молчать,
И хмурить лоб как ты,
Закусывать губу и брови
Резко поднимать,
Чтоб не забыть...
И гримом красным
Аккуратно рисовать
Царапины на побелевшем теле,
И делать все, что кажется
Красивым... Лишь одному тебе!

Теперь молекулы мои
Почти твоими стали...
И клетки продолжают жить
В режиме ожидания
Оттенков ветра и дождя...
В Империи Желаний и Любви... □

ГОЛОС

И ГЛАЗ

Слепой лежал тихо, сложив на груди руки и улыбаясь. Он улыбался бессознательно. Ему было велено не шевелиться, во всяком случае, делать движения только в случаях строгой необходимости. Так он лежал уже третий день с повязкой на глазах. Но его душевное состояние, несмотря на эту слабую, застывшую улыбку, было состоянием приговоренного, ожидающего пощады. Время от времени возможность начать жить снова, уравновешивая себя в светлом пространстве таинственной работой зрачков, представляясь вдруг ясно, так волновала его, что он весь дергался, как во сне.

Оберегая нервы Рабида, профессор не сказал ему, что операция удалась, что он, безусловно, станет вновь зрячим. Какой-нибудь десятилетияшний шанс обратно мог превратить все в трагедию. Поэтому, прощаясь, профессор каждый день говорил Рабиду:

— Будьте спокойны. Для вас сделано все, остальное приложится.

Среди мучительного напряжения, ожидания и всяких предположений Рабид услышал голос подходящей к нему Дэзи Гаран. Это была девуш-

ГОЛОС И ГЛАЗ

ка, служившая в клинике, часто в тяжелые минуты Рабид просил ее положить ему на лоб свою руку и теперь с удовольствием ожидал, что эта маленькая дружеская рука слегка прильнет к онемевшей от неподвижности голове. Так и случилось.

Когда она отняла руку, он, так долго смотревший внутрь себя и научившийся безошибочно понимать движения своего сердца, понял еще раз, что главным его страхом за последнее время стало опасение никогда не увидеть Дэзи. Еще когда его привели сюда, и он услышал стремительный женский голос, распоряжавшийся устройством больного, в нем шевельнулось отрадное ощущение нежного и стройного существа, нарисованного звуком этого голоса. Это был теплый, веселый и близкий душе звук молодой жизни, богатый певучими оттенками, ясными, как теплое утро.

Постепенно в нем отчетливо возник ее образ, произвольный, как все наши представления о невидимом, но необходимо нужный ему. Разговаривая в течение трех недель только с ней, подчиняясь ее легкому и настойчивому уходу, Рабид знал, что начал любить ее уже с первых дней, теперь выздороветь — стало его целью ради нее.

Он думал, что она относится к нему с глубоким сочувствием, благоприятным для будущего, и совершенно не знал, что эта девушка, голос которой делал его таким счастливым, думает о его выздоровлении со страхом и грустью, так как была некрасива. Ее чувство к нему возникло из одиночества, сознания своего влияния на него и из сознания безопасности. Он был слеп, и она могла спокойно смотреть на себя его внутренним о ней представлением, которое он выражал не словами, а всем своим отношением, — и она знала, что он любит ее.

До операции они подолгу и помногу разговаривали. Рабид рассказывал ей свои скитания, она — обо всем, что делается на свете теперь. И линия ее разговора была полна той же очаровательной мягкости,

как и ее голос. Расставаясь, они придумывали, что бы еще сказать друг другу. Последними ее словами были:

— До свидания, пока.

— Пока... — отвечал Рабид, и ему казалось, что в этом «пока» есть надежда.

Он был прям, молод, смел, шутлив, высок и черноволос. У него должны были быть — если будут — черные блестящие глаза со взглядом в упор. Представляя этот взгляд, Дэзи отходила от зеркала с испугом в глазах. И ее болезненное, неправильное лицо покрывалось нежным румянцем.

— Что будет? — говорила она. — Ну, пусть кончится этот хороший месяц. Но откройте ему тюрьму, профессор Ребальд, прошу вас!

Когда наступил час испытания, и был установлен свет, с которым мог первое время бороться неокрепшим взглядом Рабид, профессор, и его помощник, и еще несколько человек ученого мира окружили Рабида.

— Дэзи! — сказал он, думая, что она здесь, и надеясь первой ее увидеть.

Но ее не было именно потому, что в этот момент она не нашла сил видеть, чувствовать волнение человека, судьба которого решалась, и, как замороженная, прислушивалась к голосам и шагам. Невольным усилием воображения, осеняющим нас в моменты тяжких вздохов, увидела она себя где-то в другом мире, другой, какой хотела бы представить новорожденному взгляду, — вздохнула и покорилась судьбе.

Меж тем, повязка была снята. Продолжая чувствовать ее исчезновение, давление, Рабид лежал в острых и блаженных сомнениях. Его пульс упал.

— Дело сделано, — сказал профессор, и его голос дрогнул от волнения. — Смотрите, откройте глаза!

Рабид поднял веки, продолжая думать, что Дэзи здесь, и стыдясь вновь окликнуть ее. Прямо перед его лицом висела складками какая-то занавесь.

— Уберите материю, — попросил он, — она мешает. — И, сказав это, понял, что прозрел, что складки материи, навешенной как бы на самое лицо, есть оконная занавеска в дальнем конце комнаты.

Его грудь стала судорожно вздыматься, и он, не замечая рыданий, неудержимо потрясающих все его истощенное, належавшееся тело, стал осматриваться, как будто читая книгу. Предмет за предметом проходили перед ним в свете его восторга, и он увидел дверь, мгновенно

ГОЛОС И ГЛАЗ

полюбив ее, потому что вот так выглядела дверь, через которую проходила Дэзи. Блаженно улыбаясь, он взял со стола стакан, рука его задрожала, и он, почти не ошибаясь, поставил его на прежнее место.

Теперь Рабид нетерпеливо ждал, когда уйдут все люди, возвратившие ему зрение, чтобы позвать Дэзи и, с правом получившего способность борьбы за жизнь, сказать ей все самое главное. Но прошло еще несколько минут торжественной, взволнованной ученой беседы вполголоса, в течение которой ему приходилось отвечать, как он себя чувствует и как видит.

В быстром мелькании мыслей, наполнявших его, и в страшном возбуждении своем он никак не мог припомнить подробностей этих минут и установить, когда, наконец, он остался один. Но этот момент настал. Рабид позвонил, сказал прислуге, что ожидает немедленно к себе Дэзи Гаран, и стал блаженно смотреть на дверь.

Узнав, что операция удалась блестяще, Дэзи вернулась в свою дышащую чистотой одиночества комнату и, со слезами на глазах, с кротким мужеством последней, зачеркивающей все встречи, оделась в хорошенькое платье. Свои густые волосы она прибрала просто, — именно так, что нельзя ничего лучше было сделать этой темной, с влажным блеском, волне, и с открытым всему лицу, естественно подняв голову, вышла с улыбкой на лице и казнью в душе к дверям, за которыми все так необычайно переменилось. Казалось ей даже, что там лежит не Рабид, а некто совершенно иной. И, припомнив со всей быстротой последних минут многие мелочи их встреч и бесед, она поняла, что он точно любил ее.

Коснувшись двери, она помедлила и открыла ее, почти желая, чтобы все осталось по-старому. Рабид лежал головой к ней, ища ее позади себя глазами в энергичном повороте лица. Она прошла и осталась.

— Кто вы? — вопросительно улыбаясь, спросил Рабид.

— Правда, я как будто новое существо для вас? — сказала она, мгновенно возвращая ему звуками голоса все их короткое, таящееся друг от друга прошлое.

В его черных глазах она увидела нескрываемую, полную радость, и страдание отпустило ее. Не произошло чуда, но весь ее внутренний мир, вся ее любовь, страхи, самолюбие, отчаянные мысли и все волнения последней минуты выразились в такой улыбке залитого румянцем лица, что вся она, со стройной своей фигурой, казалась Рабиду звуком струны, обвитой цветами. Она была хороша в свете любви.

— Теперь, только теперь, — сказал Рабид, — я понял, почему у вас такой голос, что я любил слышать его даже во сне. Теперь, если вы даже ослепнете, я буду любить вас и этим вылечу. Простите меня, я немного сумасшедший, потому что воскрес. Мне можно разрешить говорить все.

В этот момент его, рожденное тьмой, точное представление о ней было и осталось таким, какого она никак не могла ожидать. □

СОБАЧЬЯ ЛЮБОВЬ

Ее звали Лика. Собака породы боксер. Во дворе не было существа более ласкового, игривого и изящного, чем она. Ее морда со складочками на лбу, некупированные ушки-лопушки, слегка выпученные большие глаза очаровывали всех. Лика обожала играть, но больше всего — ласкаться и целоваться. Крутила своим гибким телом и обрубком хвоста так грациозно, ласкалась так нежно, так искренне и неподдельно, что не находилось человека, который отказался бы погладить ее мягкую коротенькую шерстку.

Она любила всех — и людей, и собак, но особенно — Рона, молодого ротвейлера из соседнего дома.

Рон был привезен из-за границы, и, как говорили, за него заплатили очень большие деньги. Ему была предназначена почетная и ответственная миссия — произвести на свет как можно больше таких же, как и он, превосходных собачьих особей. Рон и на самом деле был красавец. Он принадлежал к так называемой «финской» линии, представители которой, в отличие от «немецкой», отличались более мощным сложением и огромным ростом.

Хозяева Рона, как особую ценность, никогда не спускали его с поводка, разве что на закрытой собачьей площадке, которые в последнее время появились в Москве. А Лика всегда пребывала «в свободном полете», потому что была послушна и безобидна. Однако в единственном случае она

становилась неуправляемой — когда видела Рона. Едва заметив знакомую мощную фигуру, сначала замирала в стойке, будто не верила своим глазам от счастья, а затем делала такой рывок ему навстречу, что прохожие шарахались от нее в сторону, будто от сумасшедшей. Лика и вправду в эти минуты словно сходила с ума: она заглядывала Рону в глаза, лизала его в уши, клала попеременно то одну, то другую лапу ему на спину. А когда хозяин Рона отпускал его побегать, то восторгу Лики вообще не было предела.

Рон, со своей стороны, тоже был неравнодушен к Лике. Но, как настоящий мужчина, был сдержан и старался не раскрывать своих чувств. Выглядел спокойным, гордым, преисполненным чувства собственного достоинства. И Лика даже не подозревала, что, выходя на улицу, Рон оглядывался вокруг лишь только для того, чтобы увидеть ее. А когда она подлетала к нему, веселая и счастливая, он невозмутимо стоял, сохраняя полное спокойствие, и только взгляд выдавал его чувства — темно-карие глаза излучали страстную нежность.

Какое счастливое время — щенячья юность! И как оно быстро проходит! Постепенно собаки выросли. Лика чувствовала, как что-то новое и неизведанное исходит от Рона, какой-то особый запах, какая-то притягательная сила, которая звала не играть, а призывала к чему-то другому, к чему — она понять еще не могла.

Однажды вечером ее вывели на прогулку. Шел мягкий снег, площадка во дворе была занесена сугробами, сквозь голые ветки деревьев просвечивали фонари. В их мутном свете летящие наискосок снежинки казались Лике большими белыми мухами.

В легком снежном тумане она увидела своего любимого Рона, и, как обычно, бросилась к нему, но не успела. Какая-то большая тень легла между ними, и Лика почувствовала совсем близко от себя тяжелое дыхание. Она испуганно остановилась — и увидела черного корсиканского мастиффа с коротко обрезанными острыми ушами и мощными челюстями. Ее бедное сердце екнуло в нехорошем предчувствии. Хозяйка мастиффа с трудом удерживала пса на поводке, но он тянул упрямо, пытаясь настичь Лиду, несмотря на металлические шипы, вонзающиеся ему в шею.

Лика видела, как напрягся Рон при виде приближающегося монстра, как замер на месте, высоко подняв голову и расставив лапы.

С Роном гуляли две женщины — хозяйка и хозяйская дочь, девушка лет шестнадцати. Они в оцепенении смотрели на то, как владелица «корсиканца» обхватила ближайшее дерево, пытаясь удержаться на ногах и остановить пса. Хозяйки Рона, в свою очередь, с двух сторон судорожно вцепились в его ошейник всеми четырьмя руками. Лика бросилась к Рону, ста-

раясь заслонить его своим телом от этого страшного чудовища... Увы, ее усилия были напрасны. Собаки, пронзая друг друга взглядом, сделали страшный рывок...

Разорванный металлический ошейник «корсиканца» полетел на землю, хозяйка мастиффа, тихо вскрикнув, рухнула в сугроб рядом с бесполезным деревом... А две женщины, державшие Рона, разлетелись в стороны, будто легкие пушинки...

Это была битва двух гигантов. Воздух оглашал такой леденящий рык, будто дрались львы, а не собаки. В сплетшемся черном клубке Лика не могла различить, где Рон, а где — его противник. В стороны летели клочья шерсти, а на девственно белый снег падали яркие капли крови. Лика жалобно лаяла, бегая вокруг, но ничем не могла помочь. Даже если бы она влезла в это месиво, ее раздавили бы как муху.

Женщины в ужасе кричали, пытаясь остановить собак, но подступиться к ним было невозможно. На крик из дома выбежали мужчины и принялись разнимать кобелей, стараясь оттащить их за задние лапы, как это и положено было делать в таких случаях, но вся трудность заключалась в том, что это надо делать синхронно, иначе один из противников смог бы воспользоваться секундной беспомощностью другого...

Увы, владельцы кобелей явно не посещали секции синхронного плавания... Когда хозяин Рона схватил своего пса за задние лапы и потащил на себя, мастифф, будучи еще свободным, безжалостно и подло вцепился ему в горло — самое уязвимое и незащищенное место.

При виде этого Лика словно окаменела... Она почувствовала, что какие-то капли появились у нее на глазах. Она знала, что люди, в отличие от собак, умеют плакать. Наверное, это были слезы. Двигаться она уже не могла, а беспомощно стояла в стороне, тяжело поводя боками.

Наконец собак растащили.

Лика подбежала к Рону и стала лизать его глаза, уши, как бы шепча: «Как я за тебя переживала! Как я за тебя боялась!» Она не подозревала, что драка произошла не только из-за того, что двум кобелям было тесно находиться вблизи друг друга, но также и из-за нее — из-за ее ласковой морщинистой морды, из-за ее восхитительных глаз, из-за чего-то еще, что было в ней, и чего не было в них...

«Лика, Лика», — послышался издали голос ее хозяйки. Лика не сразу смогла понять, откуда доносятся звуки... Она даже перестала осознавать, где находится ее дом... Тогда хозяйка, пересилив страх перед окровавленным, тяжело дышащим Роном, сама подошла к Лике, схватила ее за ошейник и потащила домой: она тоже была потрясена случившимся...

Всю неделю Лика не видела Рона. За это время она просто извелась: почти ничего не ела, ни с кем не играла, ни к кому не ласкалась, а жалобно оглядывалась по сторонам, тоскливо ища своего большого черного друга.

Наконец Рона вывели на улицу. На нем были свежие повязки, но Лика видела, как неприятно было ему их носить. Улучив момент, когда его хозяин отвлекся, Рон упал на землю и стал валяться в снегу, сдирая с себя белые бинты. Успев освободиться от некоторого количества этих противных тряпочек, он поднялся, очень довольный собой.

Лика была настолько счастлива, что почти не верила своим глазам. Ей казалось нереальным, что он снова стоит перед ней — израненный, но живой. Она подлетела и нежно склонила к нему голову. А Рон, глядя на нее нежным спокойным взглядом, словно говорил ей: «Ну, что ты волнуешься, ведь я опять с тобой, мы снова вместе...»

Шло время... Когда Лике исполнилось полтора года, она во второй уже раз в жизни почувствовала, что с ней происходит что-то необычное, какая-то истома обволакивает все ее тело. Она перестала спать по ночам и тихо поскуливала от переполнявшего ее неизведанного и сладкого желания. Это желание существовало как бы само по себе, но оно какими-то незримыми нитями было неразрывно связано еще с одним существом — Роном. В чем состояла эта связь, Лика не понимала, но по ночам и днем, в полудреме, ей мерещилась его красивая, гордая, словно вылепленная искусным скульптором голова, его мощное черное тело... Она будто ощущала его запах, чувствовала совсем близко его дыхание...

Ей казалось, что еще немного — и она должна получить успокоение именно оттого, что рядом с ней будет ее Рон...

Однажды вечером Лика, лежа на кухне, слышала, как хозяйка говорила кому-то по телефону: «Да, да... Завтра мы ее привезем... Не кормить? Разве? А я думала, наоборот, перед этим надо хорошенько накормить... Нужно выгулять? Чтобы желудок был свободным? Да, конечно, все так и делаем... Инструктор будет? А то мы в первый раз... Разве надо взять намордник? А его у нас вообще нет. Она же безобидная... Ну, хорошо... Попросим у кого-нибудь».

Лика даже не подозревала, что этот разговор имеет к ней прямое отношение. И на следующий день, когда хозяйка надела на нее ошейник и позвала с собой, радостно выбежала за дверь.

Когда ее выводили на поводке из дома и вели к машине, в которой уже сидел хозяин, она увидела Рона, гулявшего неподалеку, рванулась было к

нему, но, удерживаемая хозяйкой, лишь повертела обрубком хвоста... Они встретились взглядом, и вдруг Ли́ка увидела, что его глаза полны немого отчаяния и боли... Такого выражения глаз Ли́ки не видела никогда, даже после той жуткой драки... Он смотрел на нее неотрывно, пока ее вели к машине... На прощанье она оглянулась, весело тьякнув, но он в ответ лишь опустил голову...

В квартире, куда ее привезли, было просторно, но Ли́ку почему-то отвели в маленькую комнату и закрыли дверь. Из-за другой закрытой двери слышалось глухое сопенье и возня. Ли́ка почувствовала неясное беспокойство. Что-то нехорошее почудилось ей в этих звуках.

В комнату, где она сидела, вошел незнакомый мужчина и стал деловито оглядываться, словно готовясь к какому-то серьезному делу.

— Вот этот стул поставим сюда, — сказал он, обращаясь к хозяевам Ли́ки, — я сяду, а вы стойте рядом со мной и делайте то, что я буду вам говорить.

Хозяева в ответ с некоторым испугом молча закивали и послушно встали рядом.

— Иди сюда, — притворно-ласково позвал мужчину Ли́ку.

Она послушно подошла, он взял ее за ошейник и затянул покрепче, пояснив хозяевам: «Чтобы не вырвалась. Затем крепко ухватил голову Ли́ки, зажал ее между коленями и скомандовал:

— А теперь впускайте!

Ли́ка не успела понять, что происходит, как дверь открылась, и в комнату ворвался... нет, не Рон... В комнату ворвался рыжий кобель — точно такой же породы, как и она. Он, как сумасшедший, не медля ни минуты, налетел на нее и обхватил сзади передними лапами...

И тогда Ли́ка опомнилась: «Нет, этого не может быть! Я не позволю ему к себе прикасаться! Только не этот отвратительный, дурно пахнущий кобель! Где же Рон? Где?»

Она рванулась из рук мужчины с такой силой, которой от нее никто не ожидал, и кобель свалился с нее, будто от мощного удара.

— Держите ее под живот, чтобы она не садилась и не дергалась, иначе ничего не получится! — крикнул мужчина.

Хозяева Ли́ки с двух сторон подхватили ее за бока и стали держать так, чтобы она не могла сесть.

И тогда Ли́ка впервые в жизни зарычала... Зарычала серьезно и грозно... Теперь она была готова дать отпор... И когда кобель в очередной раз хотел взобраться на нее, извернулась и вцепилась ему в ухо.

Он, взвизгнув, отлетел в угол.

— Что вы делаете! Покалечите мне кобеля! — возмутилась хозяйка «женеха».

— Намордник взяли? — спросил инструктор.

— Взяли, — ответили растерянные хозяева Лики, не ожидавшие такой реакции от своей питомицы.

На Лику надели намордник — впервые в жизни. И тогда, крепко-накрепко зажатая тремя людьми, она беззвучно заплакала, переполненная отчаянием, и поняла, что теперь ее сопротивление уже бесполезно. Эти люди добились от нее того, чего хотели...

Прошло два месяца... Хозяева были особенно ласковы с ней, кормили каким-то собачьим кормом из огромного пакета, на котором были нарисованы пухленькие щенки, сосущие свою маму... Лике было все равно, что нарисовано на пакете, но корм оказался очень вкусным... Хозяева будто ждали от нее чего-то, но Лика не чувствовала в себе никаких изменений.

«Пропустовала... — сетовала ее хозяйка, говоря с кем-то по телефону... — А ведь точно была повязана... Несмотря на то, что так сопротивлялась, даже кусалась, да! да!»

Лика не понимала, что значит «пропустовала», она понимала только, что от нее чего-то хотели, но она не оправдала надежд и осталась такой же, какой и была... Впрочем, какие-то изменения в ней все-таки произошли — она стала чуть-чуть степеннее и спокойнее... А еще с тех пор она начала кое-что понимать... К ней пришло новое знание, и это знание было до боли горьким...

Время от времени к подъезду, где жил Рон, подъезжали легковые машины, и из них выводили сук, очень похожих на Рона, — черных, с рыжими подпалинами... Суки были ухоженные, красивые... Они входили в подъезд, словно королевы, а через час их выводили обратно на улицу, сажали в машины и увозили...

Раньше Лика не понимала, зачем они, откуда и куда... А, главное... — к кому?

Но после того как ее свозили к тому отвратительному кобелю, ее, словно молния, пронзила горькая мысль: «Их водят к Рону...»

Однажды, через несколько минут после того, как увезли очередную суку, его вывели на улицу... Но Лика вдруг впервые ощутила, что какое-то неведомое чувство не позволяет ей, как прежде, броситься к нему навстречу. Она помедлила минуту, вторую и медленно подошла к Рону — поникшая, убитая неведомым горем...

Рон дышал тяжело и часто, его бока ходили ходуном, он шел не как обычно — легкой и красивой рысью, а тяжелым ленивым шагом, без всякого интереса глядя перед собой. В нем не было того мощного огня, который всегда так притягивал ее... Этот огонь исчез, потух, истек тонким липким ручейком... И Лика с отчаянием поняла, что не было сейчас в нем и любви к ней... Только апатия и равнодушие...

«Как же ты можешь? — говорили ее грустные глаза. — А как же наша любовь? Как же я?»...

На следующий день после их встречи Лика почувствовала, что в третий раз в жизни в ней вновь просыпается непреодолимое желание быть рядом с Роном... В ее гибком крепком теле будто разгорался таинственный огонь, который не давал ей спокойно жить... И вот наступили дни, когда Лике стало казаться, что если она прямо сейчас, сию секунду не увидит Рона, то может просто вспыхнуть и сгореть — дотла...

Однажды вечером они с хозяйкой шли мимо крошечной собачьей площадки, которую кто-то очень догадливый и не лишенный чувства юмора распорядился построить прямо на краю парка. Естественно, все собачники со своими питомцами гуляли в парке, проходя мимо этого «курятника», а на площадке выгуливали только тех редких собак, которых хозяйка никогда не спускала с поводка.

Вдруг на этой площадке Лика увидела Рона — он уныло бродил «на воле», как заключенный, от стенки к стенке...

Они встретились взглядом — и в одну секунду поняли, что надо делать.

Рон, без разбега, легко преодолел полутораметровый забор, а она, упершись всеми четырьмя лапами в землю, в то время как ее ничего не подозревающая хозяйка шла вперед, без труда вывернулась из ошейника.

О, как упоительно слово «свобода»! Как ласкает оно слух — не только людей, но и животных! Кто не умеет ценить свободу, тот не любит жизнь. Как бедна, как мрачна она без свободы и — без не омраченной неволей любви!

Как прекрасно мчаться сквозь распускающуюся листву по молодой мягкой траве — туда, где ждало их блаженство!

О, какие дни они провели вместе, наслаждаясь свежим воздухом и простором!

Они бродили по парку, носились по полянам, грелись на теплом весеннем солнце, нежно прижавшись друг к другу, пили воду из глубоких проталин, наполненных темной прозрачной водой, и никто и ничто не могло их разлучить...

Так прошло три дня, пока они не набрали на какие-то металлические строения, в огромном количестве растянувшиеся вдоль лесополосы. Это были гаражи. Рон и Лика все-таки были домашними, а не дикими животными, и их потянуло к людям — захотелось услышать их голоса, почувствовать их близость.

Собаки приблизились к гаражным воротам.

— О, Николай Сергеич! Смотри, какие псы! — послышался мужской старческий голос. — И, видать, без хозяев!

Из ворот вышел невысокий крепкий дедок в ватнике, с испачканными машинным маслом руками.

— Ну, вот, Михалыч, тебе бы только собак подбирать... Вот только от Найды недавно щенков утопили! А так — если дать тебе волю — развел бы целую стаю... — ответил ему мужчина помоложе, и в его голосе звучали не совсем приятные для собачьего слуха металлические холодные нотки.

— Слушай, Сергеич, а я где-то объявление видел, что пропал ротвейлер, очень ценный кобель, с коричневым ошейником с шипами наружу... Вот точно, как на нем... И вознаграждение обещают хорошее...

— Ну, если тебе охота, так и позвони, скажи, что видел...

— Да мне этим делом как-то невдомек заниматься, а сыновьям я скажу...

Рон и Лика остались ночевать около гаражей. Старик Михалыч, местный сторож, покормил их какой-то теплой похлебкой из большой консервной банки из-под селедки и даже не побоялся погладить Рона по спине... Лику же он трепал и по голове, и по ушам, похлопывал по бокам, а она, соскучившись по человеческой ласке, крутила обрубок хвоста и глядела на него благодарными выразительными глазами...

На следующий день, чуть рассвело, возле ворот появились два дюжих молодца с палками в руках, на концах которых были закреплены петли-«удавки».

— Слышь, Вась, — сказал один другому, глядя на Рона. — Он такой здоровый, как мы с ним справимся? Может, позвоним хозяевам, скажем, чтобы они сами за ним приехали?

— Ты что, Леха, очумел? Тебя «кинут», как пить дать. Собаку заберут, а денег не получишь ни шиша. Даже «спасибо» не скажут. Нет, только так: они нам — деньги, мы им — собаку...

Один из молодцов осторожно подошел к Рону, достал кусок колбасы и, поводя перед его носом, поманил в машину. Рон даже не шелухнулся, за-

то Лика вскочила, подбежала к парню и доброжелательно завияляла своим коротким хвостиком.

— Да уйди ты! — грубо оттолкнул ее парень.

Рон встал и тихо зарычал, пристально глядя на него. Парень на секунду оцепенел, а затем стал пятиться назад.

Люди никогда не причиняли Рону зла. Хозяева его холили и лелеяли, а другие человеческие существа и не помышляли обижать. Поэтому он не заподозрил ничего дурного, когда к нему подошел второй парень и осторожным плавным движением надел ему на шею «удавку». Это было знакомое Рону движение — ведь его хозяева по несколько раз в день надевали и снимали с него ошейник.

— Пойдем, песик, в машину, — сказал Леха и потянул Рона к стоявшему рядом «каблуку».

Но Рон заупрямился. Он не хотел уходить из этого парка, наполненного птичьими голосами и пронзительными запахами, не желал ни на шаг отдаляться от грациозной рыжей подружки, которой все эти три восхитительных дня отдавал до последней капли свои силы, нежность и страсть.

— Пойдем, — еще сильнее потянул парень, и Рон почувствовал, как петля туго обхватывает его шею. Где-то в глубине сознания возникло тревожное грозное ощущение, и от этого странного удушающегося чувства он рванулся назад.

— Что стоишь, Василий! — крикнул Леха.

Топтавшийся поодаль в нерешительности брат подбежал и накиннул свою петлю на шею Рона. Пес забился еще сильнее — взревел, как раненый зверь, стал рваться из стороны в сторону, но крепкие брезентовые петли затягивались все туже, а длинные крепкие палки не давали ему дотянуться до своих обидчиков.

Лика в ужасе с лаем бегала вокруг. Броситься на людей, покусать их — даже во имя спасения своего друга — было недоступно ее пониманию. Любовь к людям перешла к ней с кровью ее английских предков, поэтому она могла только страдать и жалобно скулить, видя, как ее черный друг слабеет на глазах и, пошатываясь, валится с ног.

— Давай, тащи его в машину, — крикнул брату Василий, берясь за передние лапы собаки. — Вот это туша! Наверное, килограммов шестьдесят.

— Какие шестьдесят! Наверное, все восемьдесят! — тяжело дыша, ответил Леха.

Парни затащили собаку в «каблук», закрыли дверь, и машина тронулась с места.

Ли́ка бросилась вслед за ними. Она бежала до тех пор, пока машина не достигла проезжей части и не выехала на переполненное шоссе. Тогда она остановилась. Ей было страшно. С детства ее учили не выбегать на дорогу, останавливаться перед идущими автомобилями. Этот запрет имел для нее непреложную силу, и на этот раз сработал условный рефлекс — не бежать, стоять на месте.

Она стояла, провожая тоскливым взглядом удаляющийся красный кузов, в котором — она знала это! — лежало бездыханное тело друга. И в этот момент почувствовала себя такой одинокой, такой потерянной, что ей захотелось выть — как выли ее далекие предки. Единственная теплая точка в этом холодном и страшном мире оставалась теперь там, за ее спиной — среди металлических коробок, где добрый дед кормил их с Ронном вкусной, слегка дымящейся похлебкой.

Ли́ка повернулась и уныло побрела обратно к гаражам.

Дед встретил ее ласково и сочувственно. Он погладил Ли́ку по спине, потрепал по ушам, дал вкусных косточек, от которых, впрочем, она отказалась, и посетовал: «А тебя, бедная, никто, похоже, не ищет... Поживи-ка пока здесь... Вид у тебя внушительный, хотя на самом деле ты уж больно ласкова. Может, председатель тебя и оставит...»

На следующий день, когда пришел председатель, Ли́ка услышала следующий разговор:

— Ну, что, Михалыч, опять псарню развел...

— Да пусть поживет, Николай Сергеич, жалко ведь...

— Если тебе охота возиться, Михалыч, ну и возись, но только при одном условии: чтобы щенков — не было! Мы и так уже с Найдой замучились.

— Да ладно, Сергеич, ладно, откуда щенки? Не будет щенков... Не ворчи...

Больше о Ли́ке не было сказано ни слова.

Весна расцветала с каждым днем. Ли́ке казалось, что до сих пор она жила в какой-то непроглядной берлоге, а теперь выбралась на свет. Она была спокойна: еды вдоволь, владельцы гаражей ее любили и баловали, но не проходило и дня, чтобы она с тоской не думала о Роне и пристально вглядывалась в собак, гуляющих с хозяевами вблизи гаражей. Каждый раз, когда вдали появлялся кобель, похожий на Рона, в ней просыпалась надежда, она с замиранием сердца ждала его приближения, но... в очередной раз обманывалась.

Прошел апрель, подходил к концу май...

— Послушай, Михалыч, — услышала она как-то над своей головой голос председателя. — А Дуся-то (ее назвали Дусей) как растолстела... Без году неделя живет у нас, а уже, похоже, успела нагулять...

— Да нет, Сергеич, просто ест она хорошо. Вон сколько у нас народу — каждый норовит накормить...

— Смотри, Михалыч, чтобы щенков — не было!

Через несколько дней после этого разговора Лика почувствовала, как внутри у нее зашевелились какие-то маленькие живые комочки. Она внешне ощутила тихую радость и в этот момент почему-то с особой нежностью подумала о Роне...

Лика любила спать в глубокой норе за гаражами, вырытой ее предшественниками. Здесь было сухо, просторно и уютно, и часто, в полудреме, у нее возникало ощущение полной защищенности и отгороженности от мира.

Вот уже несколько дней она чувствовала себя неважно, почти ничего не ела и ходила, тяжело дыша...

А однажды ночью с ней произошло нечто удивительное — из нее стали выходить какие-то теплые комочки. Она принялась срывать с них зубами ненужную оболочку и облизывать эти живые комочки с невероятной радостью и нежностью...

Это были ее дети — ее и Рона. Когда на свет выползли пятеро круглых малышей и стали сосать ее с неожиданной силой, Лика преисполнилась чувством гордости и умиротворения.

Два щенка, девочки, были черными, как их отец. Два мальчика оказались палевыми, как она... А один щенок, самый крупный, был полосатым, как тигр: на рыжей шерстке красовались яркие черные полосы...

— Дуся оценилась! — услышала Лика чей-то возглас, когда на следующий день выбралась из норы.

— Да ну, оценилась?!

— Так смотри, живота-то нет! А соски — вон какие!

— А где же щенки?

— Не знаю, нигде не видно. Сдается, что они там, в норе...

— Послушай, Михалыч, а ведь ты их топить собрался... Как же теперь их оттуда вытащишь?

— Да сам не знаю, — отвечал Михалыч, почесывая в затылке. — Ну, теперь председатель мне даст жару...

Лица кормила и лелеяла своих щенков, как истинная любящая мать, и выходила наружу лишь время от времени, чтобы поесть и немного погулять. Щенкам было просторно и тепло, ходить они еще не могли, лишь энергично ползали по норе в поисках материнских сосков. Примерно через три недели они встали на ноги. Свет, проникающий в нору, был им приятен, и при появлении первых лучей солнца они начинали возиться и играть.

Иногда снаружи доносились человеческие голоса:

— Да они живы там или нет? — спрашивал один.

— Да живы, живы, иногда так пищат, будто их там режут, — отвечал другой. — Видно, как проголодаются, так и орут, мать зовут...

Прошла неделя, и щенкам стало тесно и скучно в норе. Звуки, доносившиеся снаружи, необыкновенно волновали и в то же время пугали их. Поэтому, когда наверху ходили люди и ездили машины, щенки сидели в убежище, а ночью, когда шум стихал, выбирались на утрамбованную колесами площадку.

И вот, наконец, их увидел Михалыч.

— Ого! Вот так-так! — воскликнул сторож. — Ну, Дуся, ты и устроила мне подарок! Что же ты наделала! Да разве таких больших можно топить?! Теперь придется разбираться с председателем...

С председателем разговор был коротким.

— Ну, что ж, Михалыч, что будем со щенками делать? Куда их теперь девать? Давай, топи, как обещал.

— Да ты что, Николай Сергеич, Бог с тобой! Ведь они уже большие — вон, играют, все видят, все понимают... Одно дело — новорожденных, которые как бы и не щенки вовсе, а зародыши какие... А другое дело — вот этих, которые уже жизнь почувствовали...

— Делай, что хочешь, Михалыч, но чтобы духу их здесь не было...

— Да пристроим как-нибудь, Сергеич, — ответил сторож.

Шло время, но щенков никто не желал забирать. Более того, никто и не собирался заниматься их устройством. Когда председатель появлялся в гараже, при виде щенков лицо его мрачнело.

Однажды вечером он пришел на стоянку один. Поблизости не было ни одной живой души. Лица со щенками лежала на нагретой дневным солн-

цем площадке... Картина была идиллическая — счастливая мать в окружении пятерых малюток... Председатель достал из кармана кусочек остро пахнущего сыра и поманил Лику за собой. Она послушно пошла за ним. Заведя ее в гараж, он плотно закрыл дверь, затем вернулся к норе и забаррикадировал вход. Взял одного щенка — первого, который попался под руку, — и пошел к речке, бурлившей совсем неподалеку. Речка «бурлила» потому, что где-то выше по течению в нее сливали какие-то технические воды, а в том месте, куда направлялся председатель со щенком в руках, она буквально обрушивалась в широкую бетонную трубу и исчезала под землей...

Председатель встал на берегу и, посылнее размахнувшись, бросил щенка в воду. В одну секунду его подхватило течением... Щенок только слабо пискнул, но, увлекаемый бурлящим потоком, исчез в черной пасти трубы...

Человек постоял немного и пошел за другим щенком...

Они давались в руки покорно, беззащитно, лишь испуганно сжимались в комок, когда он поднимал их и нес... в последний путь... Председатель хладнокровно и размеренно, будто выполняя обычную работу, побросал в поток четырех щенков — одного за другим — и отправился за последним, пятым...

Пятый был самый большой щенок, рыжий, с черными полосками... Он попытался удрать от человека, скрыться в кустах... Но как можно скрыться на закрытой автомобильной стоянке, огороженной сеткой! Щенок жалобно взвизгнул, когда человек взял его железными руками, и в ответ из гаража тоскливо заскулила Лика... Все это время она сидела перед закрытой дверью и пыталась понять, что же происходит с ее детенышами...

Председатель понес щенка к речке... Секунду постоял, словно о чем-то раздумывая, и бросил его в бурлящий поток — как можно дальше...

Его миссия была окончена. Он уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг раздался визг. Громкий, отчаянный... Председатель подошел к берегу и вгляделся в темноту. В это время из-за облаков выглянул край луны, и человек увидел, что щенок каким-то чудом оказался на мелкой отмели прямо посередине реки. Он изо всех сил старался удержаться на месте, расставив все четыре лапы, и отчаянно скулил...

Председатель стоял на берегу, раздумывая, что делать. Наконец решил, что, рано или поздно, вода все равно смоеет щенка — до берега ему было не добраться, и окончательно собрался уходить, но в это время не-далеке послышались голоса... Разговаривали двое мужчин и, судя по их

заплетающимся языкам, они были сильно навеселе. Вскоре показались и сами обладатели голосов — две фигуры, пошатываясь и цепляясь друг за друга, еле-еле передвигались...

- Слышь, Дмитрий, щенок где-то скулит?
- Блин, и взаправду, скулит, Андрюха...
- А где ж это он скулит, твою мать?
- Да, похоже, в речку упал, ядерн корень...
- Да я его сейчас пойду вытащу...
- Да ты что, Андрюха... Ты, блин, сам в этой речке утонешь...

Они не знали, что на берегу стоит человек и наблюдает за ними. Луна опять выглянула из-за туч, и в ее слабом свете председатель увидел, как один из алкашей снял с себя обувь, закатал штаны и полез в воду...

— Держись, парень! — кричал он щенку. — Щас я тебя спасу, твою мать...

Щенок из последних сил упирался в отмель. Вода подвинула его уже к самому краю, еще чуть-чуть — его смоем потоком и понесет прямо в бетонную трубу...

Председатель стоял на берегу и хладнокровно смотрел, как «спасатель», бредя по пояс в воде, добрался до щенка и взял его на руки.

— Есть! — завопил он счастливым голосом, обращаясь к товарищу. — Держись, не бойсь! — добавил он, наклонившись к щенку, и медленно направился к берегу...

На берегу Андрюха опустил щенка на землю.

— Ну, вот, — сказал он, покачивая пальцем перед носом щенка. — Не падай больше в реку.

Затем они с приятелем обнялись, запели песню, и побрели дальше...

Председатель подошел к щенку. Тот стоял на земле, дрожа всем телом и глядя на человека... Маленький, слабый и беззащитный щенок — на большого сильного человека... Минуту они смотрели друг на друга.

— Ну, ладно, живи, — сказал председатель. — Значит, судьба у тебя такая. Второй раз топить не буду... — повернулся и пошел прочь.

Прошло два года.

Однажды председатель поехал к Михалычу в деревню — посмотреть для покупки участок земли — и случайно увидел огромного рыжего пса с черными полосками, степенно и гордо лежавшего на крыльчке одного из домов.

— Узнаешь? — спросил Михалыч.

— Похоже, узнаю, — ответил председатель, — но ведь мать-то была некрупная...

— Да, видно, отец у него был ротвейлер, а когда скрещиваются две породы, то щенки обычно чуть ли не вдвое больше своих родителей, да к тому же очень сильные и выносливые, — сказал Михалыч, который до выхода на пенсию работал в зоопарке.

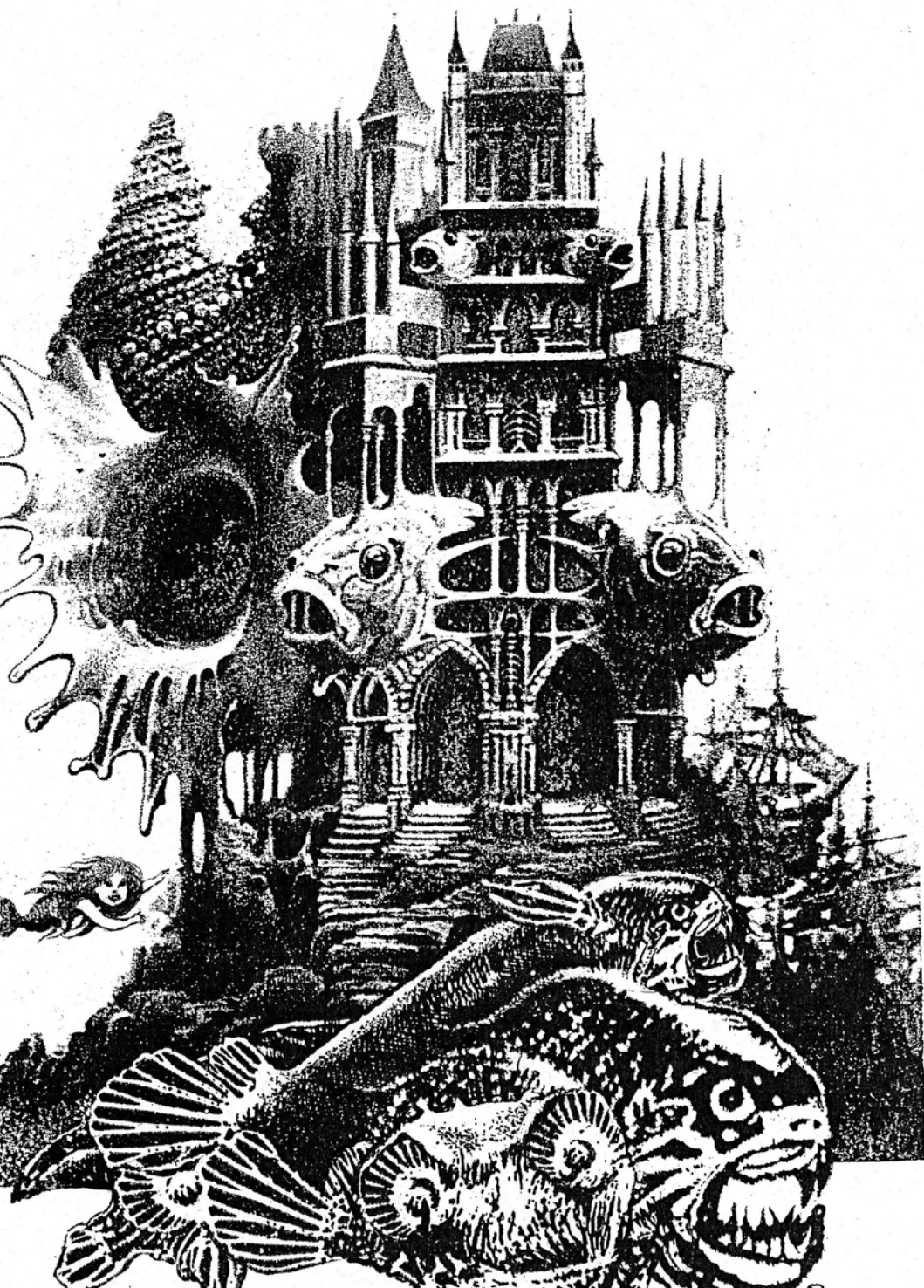
Но председатель его уже не слушал. Он подошел к собаке и погладил пса по голове — тот посмотрел на него равнодушным взглядом.

У него не было хозяина, любимец всей деревни лояльно относился к людям, но не заискивал перед ними, не зависел от них...

Он жил спокойно и свободно — в деревне, в лесу, на воле...

Его никто никогда не запирали в помещении, никто никогда не водил на поводке... Никто никогда не заставлял любить тех, кого он не хотел любить, и ненавидеть тех, кого он не хотел ненавидеть... Он никого не боялся — потому что был огромен и силен... □

К Татьяна Комарова

КУДА ПЛЫВУТ РЫБЫ-МОНСТРЫ?

Русский ихтиолог Александр Бурлаков совершил настоящую революцию в науке. Его опыты на рыбах позволят в будущем корректировать естественным путем, с помощью самой природы, нарушения генетических программ человека, лечить рак и другие серьезные заболевания. По сути, появилась новая отрасль медицины — биофотонная инженерия. Опыты дают надежду, что со временем можно будет без скальпеля и даже лазера сделать любую, самую сложную операцию. Сегодня Александр Борисович продолжает опыты, которые произвели сенсацию за рубежом.

...Однажды я посадила на балконе два обычных растения — рассаду сладкого перца. Только одно чуть раньше, другое — позже. Первое начало бурно расти, и в конце лета мы лакомились ярко-алыми сладкими перчиками. Второе все чахло и чахло. Удивительно, но факт: как только мы съели созревшие перчики, второе растение вдруг ожило, появились цветочки, завязались плоды. С чего бы это?! Еще один вопрос «на засыпку»: почему, как

правило, выживает лишь один из близнецов? А если выживают оба, то один растет слабым и хилым, а другой здоровым и сильным?..

Ответы я нашла позже, побывав на кафедре эмбриологии биологического факультета Московского государственного университета.

...Крошечное существо с шестью головами двигается, плавает в воде. Я приложила ухо к аквариуму и услышала стук его сердца. Нет, это не ошибка — у этой рыбы-дракона

два сердца! Бьются они не в унисон, в разных ритмах, но кровеносная система у дракончика одна.

А вот появилась и плавающая рыбка голова. Она живет сама по себе — без тела и хвоста. Еще один уродец — тела нет, зато три хвоста. И ничего, плавают.

Пора открыть секрет — речь идет всего лишь об эмбрионах. И чтобы чудовищам обрести свой по-настоящему чудовищный вид, нужно два года. Если научиться кормить все головы, то они будут долго жить. Такую цель биологи перед собой пока не ставят, поэтому уродцы остались жить лишь на видеопленке. Это уникальная видеозапись, которую мало кто в мире видел. Представьте себе сердце дракончика, объемом в сотую миллиметра, которое бьется во весь экран! Возможно, эта лента станет первым учебным фильмом по биофотонной инженерии.

Толчком к эксперименту были наблюдения за рыбами в период откладывания икры. Самка карпа ни за что не станет откладывать икру там, где уже вывелись икринки. Старшие эмбрионы подавляют, убивают дистанционно информацией младших.

— Вот, смотрите внимательнее, — комментирует доктор биологических наук Александр Борисович Бурлаков, — аномальный эмбрион, у которого позвоночник расчленен. И все это сотворили одни эмбрионы с другими. Стопроцентная работа природы, вмешательства человека тут нет.

Конечно, Александр Борисович слегка лукавит. Ученые не вмешиваются в процесс, но руководят им. Узенькие кварцевые ящики с эмбрионами на разных стадиях развития помещали в изолированную камеру, и начинали происходить странные вещи. То старшие подавляли младших, и последние погибали, то наоборот. Оказалось, все дело в биоизлучениях. Каждая волна в определенном момент несет определенную информацию, которая срабатывает. Речь идет о тончайших излучениях, но сейчас уже есть приборы, которые могут регистрировать их. Бурлаков и его команда научились управлять этими волнами, посылать информационные сигналы в нужный момент и в нужное место. Имеет значение, говоря словами специалистов, длина, скорость волны, амплитуда, частота.

В общем, лучше не продолжать, эти термины непосвященным все равно ничего не говорят. Главное — каждая наша клеточка излучает сотни волн, передающих определенную информацию... Управляя этими волнами, можно создавать несколько голов или сделать треххвостую рыбу. Но задача биологов — вовсе не конструирование монстров. С помощью планированного создания уродцев ученые пытаются разгадать, расшифровать на самом глубинном уровне, как создает природа живые существа. Уже нет сомнений, что биоизлучения могут управлять биологическим развитием. И главное — можно исправлять

ошибки природы уже на стадии эмбриона, уничтожать опухоли. Правда, процесс этот очень тонкий и сложный, и ученые стоят лишь на пороге великой тайны, споря о том, принесет ли пользу человечеству проникновение в нее.

А не вмешательство ли это в промысел Божий? — интересуюсь у Александра Борисовича.

— А как же медики, хирурги? — парирует биолог. — Испокон веков вмешивались. Даже несколько голов собаке пытались пришивать. Любая операция — это вмешательство в природу, а у нас идут всего лишь естественные биологические процессы. Природа сама с нашей помощью управляет природой.

Работают наши ученые, в основном, с рыбками-вьюнами. Вьюнки очень неприхотливы, сразу четыре сотни рыбок можно запустить в аквариум, и они живут сами по себе, кормить не надо. А в наших экономических условиях, когда наука плохо финансируется, это немаловажный факт. Правда, мороки все равно много. Аквариумы с рыбками закладываются в холодильники. Потом их накачивают гормонами, чтобы отложили икру, берут сперму у самцов, и лишь после процесса оплодотворения начинают развиваться эмбрионы.

У вьюна такой процесс длится четыре-пять суток, и это самое напряженное время для ученых. Нужно ловить каждый момент. Толстолобик, к примеру, неудобен тем, что у него эмбрион развивается слишком быстро — всего за сутки.

Главное, по мнению Александра Бурлакова, то, что удалась целая серия экспериментов. Ведь и многие другие ученые пытались проводить подобные опыты. Но... То получалось, то нет. Наука же призывает только те опыты, которые можно успешно повторить. Ведь фальсификаций и дутых сенсаций в наш век хватает. В западных странах аналогов нашим экспериментам пока нет.

Еще в начале двадцатого века российский биолог Александр Гурвич сделал сенсационное открытие: живые существа, начиная с микроорганизмов, обмениваются информацией с помощью особых слабых излучений. Тогда не было приборов, которые могли бы зафиксировать эти излучения.

Чуть позже новосибирский академик Казначеев доказал, что, если поместить рядом в отдельных пробирках клетки, одна из которых здорова, а другая больна, то, в результате, обе клетки будут либо здоровы, либо больны.

А еще чуть позже московский биофизик Петр Гаряев экспериментально доказал, что клетки в организме обмениваются не только электромагнитными, но и акустическими, лазерными волнами. Это означает, что они предупреждают друг друга об опасности, и эту опасность можно избежать, ликвидировать. Или — сделать еще более опасной.

Теперь многие чудеса легко объяснить. К примеру, то, как на-

ши так называемые колдуны изменяют программу жизнедеятельности организма, наводят порчу и лечат болезни, почему у совершенно здоровых родителей рождается больной ребенок? Так ли это, или мы опять в плену иллюзий?

— Гурвич одним из первых доказал бесконтактное воздействие живых существ друг на друга, — говорит заведующий кафедрой эмбриологии биофака МГУ профессор Владимир Голиченков, — но нужны были тончайшие сложные приборы, чтобы подтвердить это открытие. Только теперь благодаря сложным приборам, привезенным из Германии, стало возможным расшифровывать язык волн. Что и сделал Александр Бурлаков. Представьте громадный ликующий стадион, и одного человека, говорящего шепотом «пожар!» И, тем не менее, это слово может вызвать панику. Вот так обстоит и с волнами, обычный человек их не видит и не слышит, но они достаточно сильны.

Владимир Александрович, ну а как же экстрасенсы, неужели они все шарлатаны? Ведь механизм их воздействия тот же, биоволновой...

— Конечно, среди экстрасенсов много шарлатанов. А точнее — 99 процентов. Не так давно в Петербурге собрали около тысячи магов и предложили им продемонстрировать свои способности. Шел отбор людей для важной государственной (не будем уточнять, какой, все-таки

должны быть государственные секреты) работы. Каждому из экстрасенсов предоставили возможность продемонстрировать свои таланты в строго изолированном месте. Как показали приборы, лишь пять человек из тысячи действительно «излучают» и могут что-то изменять с помощью волн.

В Соединенных Штатах Америки, кстати, на так называемую «волновую защиту» президента, вице-президента и их администрации выделяются колоссальные деньги, а у нас принято говорить о дистанционном волновом воздействии как о шарлатанстве. Или — вообще не говорить. На этой теме до сих пор стоит гриф «секретно».

...Но эмбрион шестиглового дракончика с двумя сердцами чувствует себя в аквариуме вполне комфортно. И наука третьего тысячелетия уже делает первые «телодвижения», пока — в воде. Есть надежда, что нашим внукам и правнукам не грозит болезнь уходящего века — рак и многие другие серьезные заболевания. Потому что близок час, когда можно будет управлять тончайшими волнами с помощью обычного пульта, исправляя любые недуги, даже на уровне генов, — как телевизором. Важно, чтобы этот пульт оказался в руках опытейших и, что уж там говорить, достаточно нравственных ученых. Иначе можно таких дров наломать!.. □

Денис Логинов

К О Р О Л Е В А

БОЖЬИМ ГНЕВОМ...

Мало можно найти в истории ранней средневековой Европы женщин с такой блистательной и такой трагической судьбой. Красавица, дочь герцога и сама герцогиня, она дважды стала королевой двух враждующих между собой стран, родила королей и королев, любила и ненавидела так, что история ее жизни превратилась в настоящий рыцарский роман.

И все это — Элинор Аквитанская

Элинор была старшей из двух дочерей Уильяма X, герцога Аквитании, и его супруги Аноре де Шателлеро. Единственный сын этой четы, соединившейся по династическим соображениям, умер в младенчестве,

и Элинора стала наследной принцессой.

Когда ей исполнилось пятнадцать лет, уже овдовевший отец отправился в дальнее паломничество, оставив дочь под покровительством и попе-

чением архиепископа Бордо, одного из немногих людей, в честности и лояльности которых герцог не сомневался. Увы, паломничество для герцога Уильяма закончилось печально: он скончался от лихорадки, не достигнув заветных святынь.

Даже в те времена, когда любая дама или девица была «прекрасной» по определению, внешность наследницы Аквитании современники превозносили до небес. Самое распространенное определение красоты Элинор — *perpulchra* — более, чем красивая. Она была невысокой, стройной, с удлинённым овалом лица, большими темными глазами и густыми медно-рыжими волосами, из-за которых трубадуры называли ее «золотой орлицей», и продолжала очаровывать мужчин, даже достигнув преклонного возраста.

И вот юная и прекрасная Элинор стала герцогиней Аквитанской, самой богатой и завидной невестой в Европе. Поскольку в те времена был очень распространен такой способ женитьбы, как похищение богатых и знатных наследниц, отец Элинор проявил необходимую предусмотрительность, и в своем завещании назначил опекуном юной герцогини французского короля Людовика VI Толстого. Именно на него была возложена почетная и хлопотная обязанность — найти юной герцогине достойного супруга.

Король Франции первоначально был не в восторге от возложенной на него миссии: ему хватало собственных хлопот. Здоровье ухудшалось, старший сын и наследник, принц Филипп, погиб из-за несчастного случая в одном из путешествий по стране, младший, Людовик, готовился стать

священником и совершенно не желал возлагать на себя королевскую корону и уж тем более — жениться.

Несмотря на то, что французский король к этому времени был серьезно болен, известие о скоростижной смерти герцога Аквитанского стало для него живительным эликсиром. Обладая ясным и трезвым умом, Людовик VI понимал, что теперь в его руках находится одно из богатейших герцогств Европы, наследницей которого стала юная и неопытная девушка.

Он направил к Элинор пышное посольство, с приличествующими случаю выражениями скорби об ее утрате, одновременно готовя брак юной герцогини... со своим сыном. Если этот брак будет заключен, Аквитания войдет в состав французского королевства, а Элинор, оставаясь герцогиней Аквитанской, станет еще и королевой...

Существует красивая легенда о том, будто любила пятнадцатилетняя герцогиня мужественного рыцаря Ричарда. Но родственники девушки восстали против мезальянса и убили Ричарда почти на глазах Элинор, что навсегда ожесточило ее сердце. И... заставило согласиться на брак с французским дофином. Возможно...

Но если бы король Людовик VI знал, какие кошмарные последствия будет иметь этот брак для Франции в будущем, он немедленно женил бы своего сына на ком-нибудь другом и избавился, тем самым, от обязанностей опекуна. Но он видел только лучшее в Европе герцогство, которое принадлежало красивой и умной девушке. Наследный принц Людовик был немедленно отправлен в Бордо с эскортом в 500

рыцарей, и там епископ совершил обряд бракосочетания.

Мнением Элино́р поинтересовались лишь для приличия, поскольку никто не сомневался в том, что она не станет противиться воле опекуна и ласковым увещаниям доброго епископа. Элино́р прочла много книг, слушала множество песен менестрелей и трубадуров, но почти ничего не знала о реальной жизни. И уж, конечно, совершенно не любила своего мужа, который не обладал ни красотой, ни мужественностью, ни образованностью, а был лишь чрезвычайно набожен.

25 июля 1137 состоялось пышное венчание в городе Бордо, в соборе святого Андре, обряд совершал архиепископ. Дофин Людовик стал еще и герцогом Аквитанским, но... Но в брачном контракте умный король Франции предусмотрел пункт, согласно которому старший сын от этого брака наследовал обе короны: Франции и Аквитании, хотя герцогство оставалось формально независимым. Помимо герцогства, в приданое входило и графство Пуатье, так что владения невесты были обширнее королевства ее жениха.

Элино́р с детства всерьез интересовали политические и военные вопросы. Грациозная и изящная, она слыла прекрасной наездницей и отлично стреляла из лука. Кроме того, она была необычайно образованной для того времени, а недолгое время, проведенное ею при дворе ее дяди, графа Тулузского, навсегда приохотило Элино́р к изящным песням менестрелей и трубадуров и к полной любви и света жизни южан.

Пока молодожены ехали из Бордо в Париж, скончался король Людо-

вик VI. В столицу Франции Элино́р въехала уже не дофиной, а королевой и сразу же была неприятно поражена скукой и пуританскими нравами, царившими при дворе. Муж оказался очень набожным, замкнутым и даже холодным. Страной управляли два влиятельных церковника — Одо и Бернард.

Королева попыталась переломить косность и чопорность парижской знати, чем, конечно, нажила себе серьезные врагов. В отместку аристократам, она окружила себя поэтами, менестрелями и музыкантами, пытаясь таким образом скрасить свою жизнь. Король не принимал участия в развлечениях супруги, но смотрел на них сквозь пальцы, ибо... был влюблен в свою королеву. К тому же, Элино́р забеременела вскоре после свадьбы, и Людовик нетерпеливо ждал появления на свет сына и наследника.

Увы, родилась девочка, получившая при крещении имя Мария и ставшая впоследствии супругой графа Шампани. Она была копией своего отца — от прославленной красоты матери дочери не досталось ничего. Впрочем, и материнской любовью Мария тоже оказалась обделена: Элино́р проявила поразительное равнодушие к своей первой дочери.

Гораздо больше времени и внимания она уделяла занятиям наукой. В Париже посещала лекции знаменитых философов, теологов, правоведов и очень огорчалась оттого, что ей не разрешалось принимать участие в диспутах слушателей: ей было что сказать практически по любому вопросу. Тем не менее, Элино́р отчаянно скучала в Париже. Изрядно досаждало ей и то,

что высшее духовенство было крайне недовольно абсолютно мирской, жизнерадостной и пылкой южанкой, причем открыто высказывало свое недовольство королю. Тот, однако, был все еще влюблен в свою прекрасную королеву и потакал всем ее прихотям. Скуповатый по характеру, он не пожалел денег для реставрации и украшения новой резиденции королевы — дворца Ситэ.

Так прошло десять достаточно безрадостных лет. Наконец судьба жалилась над Элинор: Людовик VII, поддавшись уговорам духовенства, решил организовать крестовый поход в Палестину. Она упросила мужа взять ее с собой. И хотя ее всегдашние враги Бернард и Одо были против участия женщины в походе, она смогла победить, в чем ей немало помогли аквитанские рыцари, не слишком охотно шедшие на службу в королевское войско. Только личное участие любимой правительницы в предприятии подвигло многих поступить на службу к Людовику.

В 1147 году поход, наконец, начался. Но воодушевление и эйфория первых дней быстро пошли на спад. Людовик оказался абсолютно бездарным военачальником, дисциплина в его войске практически отсутствовала, а бытовые условия были просто ужасными. Элинор приходилось по ночам мерзнуть в грязных палатках, а на привалах есть грубую и невкусную пищу. Даже утешиться в объятиях супруга не удавалось: «королевские смотрители» позаботились держать Людовика подальше от супруги, мотивируя это тем, что «плотские радости неуместны в свя-

том деле». Набожный король, разумеется, послушался.

Увы, особой пользы походу его добровольное воздержание не принесло. Неприятности начались еще в Восточной Европе: византийский император Михаил Коммус не очень обрадовался прибытию в Константинополь толпы вооруженных рыцарей. Кроме того, он опасался, что, в случае неудачи крестового похода, неверные отыграются, прежде всего, на Византии, поэтому разместил непрошенных гостей вне города и сообщил им, что нужно поторапливаться: немецкий император Конрад одержал блестящую победу над последователями Магомета и уже мечтает о захвате Гроба Господня.

На самом деле, когда французы двинулись дальше на юг, они обнаружили лишь жалкие остатки немецкой армии во главе с тяжело больным Конрадом. Тем не менее, Людовик приказал двигаться дальше — на Антиохию. Турки, по-видимому кем-то предупрежденные, устроили засаду и попытались разделаться с французами так же, как перед этим с немцами, но потерпели неудачу и отступили. Французам же достался уже обустроенный лагерь, где они и расположились — с минимальным комфортом.

И тут неожиданно пришли помощь и поддержка: к Антиохии прибыл дядя Элинор, Раймон Тулузский, со своим прекрасно экипированным войском и большим обозом. Королева так обрадовалась новой одежде и нормальной еде, что обычно флегматичный Людовик принял ликование жены за некое не вполне родственное чувство по отношению к дядюш-

ке и приказал немедленно выступить на Иерусалим.

Его воодушевление не встретило понимания даже у ближайших советников: все твердили о необходимости повременить, отдохнуть, восстановить силы. Но на короля доводы здравого смысла уже не действовали: он находился во власти слепой ревности.

Штурм Иерусалима, как и следовало ожидать, закончился провалом. А Элинор прониклась к своему незадачливому супругу острой неприязнью. Все это было тем более некстати, что королева оказалась, наконец, в гостях, и это стало самым весомым аргументом для возвращения в Париж.

Бесславного возвращения.

Ожидали, что за подвиг крестового похода, пусть и неудачного, Господь пошлет Франции дофина. Но вместо этого в 1151 году на свет появилась вторая дочь — Алиса Французская, которая впоследствии вышла замуж за Тибо V Доброго, графа Блуа и Шартра.

Элинор испытывала ко второй дочери ничуть не больше материнской любви, чем к первой, а мрачный французский двор ей вконец опостылел. Недолго думая, она отправилась «погостить» к своему любимому дяде в Тулузу. Однако очень скоро до короля начали доходить слухи о чрезмерно веселой жизни Элинор при Тулузском дворе, где ее окружали трубадуры, музыканты и молодые рыцари. Он обвинил жену в супружеской неверности и отправил Папе прошение о разводе.

Правда, существует и другая версия: с инициативой развода выступила Элинор, которая не желала воз-

вращаться к опостылевшему мужу и возобновлять попытки родить ему наследника. Супружеская неверность была не слишком убедительным поводом для развода в глазах церкви: пришлось сослаться на кровное родство в пределах четвертой степени. И хотя в таком родстве (или еще более близком!) состояли едва ли не все коронованные особы Европы, развод все-таки состоялся. В марте 1152 года Элинор получила свободу и свои земли, оставив бывшему супругу двух дочерей, признанных законными принцессами королевской крови.

Она с восторгом вернулась в родную Аквитанию и, пытаясь наверстать радости жизни, которых была практически лишена в браке, принялась устраивать грандиозные празднества в роскошном дворце. Меньше всего ее заботила потеря королевского титула — это с лихвой компенсировалось в ее глазах свободой. Герцогиня всячески поощряла рыцарские традиции, культивировавшие возвышенное отношение к даме и поклонение ей, оказывала покровительство поэтам, музыкантам, художникам. Вскоре ее двор стал самым великолепным двором тогдашней Европы.

Но оказалось, что у свободы есть и неприятные стороны. Один за другим, два знатных и могущественных сеньора — Теобальд V, граф Блоисский, и Жофрей, граф Нантский — попытались похитить Элинор, чтобы жениться на ней: она снова стала богатой и завидной невестой. Брак не привлекал герцогиню, да и сердце ее уже было занято...

Элинор влюбилась в Генриха Плантагенета, графа Анжуйского и герцога

Генрих Плантагенет

Норманского, веселого, красноречивого, отважного и страстного юношу. Единственное, что смущало прекрасную даму, — молодость ее избранника: Генриху исполнилось всего лишь 19, и он был моложе герцогини Аквитанской почти на 12 лет. Но союз с ним — союз по страстной любви — означал освобождение от докучливых искателей ее руки и земель. К тому же, молодой красавец был наследником английского престола. Именно это и стало решающим: через полтора месяца после развода Элинор вступила во второй брак, а через полгода после свадьбы... родила первенца, названного Вильгельмом, в честь его великого деда.

Через несколько дней после этого знаменательного события скончался король Англии Стефан, дядя Генриха Плантагенета, и в декабре 1154 года прекрасная Элинор стала королевой

Англии. Супруги высочайше пренебрегли тем, что состояли в кровном родстве, так как оба являлись потомками Роберта II Нормандского. Европа была скандализирована, но с королем Англии, герцогом Норманским и Аквитанским, желающих связываться не оказалось. Высшее духовенство предпочло промолчать вообще.

Новоиспеченная королевская чета приступила к правлению с большим энтузиазмом — как в государственных делах, так и в личной жизни. Генрих с головой окунулся в исправление законодательства в стране и вошел в историю под именем Генриха-законодателя. Помимо этого, он много ездил по стране, сурово подавлял возникавшие мятежи и... более чем исправно посещал опочивальню своей прекрасной королевы.

За тринадцать лет Элинор родила своему супругу пятерых сыновей и трех дочерей: Вильгельма, Генриха, Ричарда, Джеффри, Джона, Матильду, Элинор и Джоан. Увы, первенец умер в младенчестве, а третий сын — Ричард — был, по мнению его матери, куда более подходящим наследником престола, чем его старший брат. Король не разделял ее мнения: он одинаково относился ко всем своим сыновьям, а вот к супруге уже начал охладевать.

Спустя пять лет английскому королю вздумалось еще при собственной жизни короновать наследника престола пятнадцатилетнего Генриха, герцога Норманского. Сохранилась легенда о том, что на торжественном пиру виновнику торжества прислуживал сам король, не преминувший подчеркнуть, какую высокую

честь он оказывает своему сыну. На что тот якобы дерзко ответил:

— Нет ничего невероятного в том, что сын графа прислуживает сыну короля.

Говорят, что королева Элинор хотала от души, а смех короля Генриха был несколько принужденным.

Коронованного наследника прозвали «Генрих Молодой Король». Он не слишком интересовался ежедневными заботами правителя или тонкостями военного искусства, предпочитая проводить большую часть своего времени на турнирах или же вмешиваясь в личные дела своих братьев.

После коронации Молодой Генрих окончательно рассорился с отцом и, при полной поддержке матери и братьев, попытался в затяжной гражданской войне низложить короля и занять престол. Попытка провалилась, сыновьям пришлось укрываться от королевского гнева на континенте, то есть в Нормандии, Аквитании и даже Франции. Там Молодой Генрих и умер вскоре от дизентерии, а его отец, получив печальное известие, произнес:

«Он дорого мне обошелся, но как я хотел бы, чтобы он обошелся мне еще дороже, оставшись жить!»

Второй сын, любимец матери, Ричард, тоже доставлял отцу немало хлопот. Элинор настояла, чтобы Ричард получил во владение Аквитанию, и торжественно повезла туда нового герцога своей прекрасной родины. Вернувшись же в Англию, с изумлением обнаружила, что ее место в сердце супруга заняла некая девица Розамунда, и что ее красоту теперь воспевают по всей стране. Вне себя от гнева и ревности, Элинор совершила

роковую ошибку: приказала отравить соперницу. Но вместе с Розамундой умерли и остатки чувств короля к супруге: он приказал ей покинуть дворец и поселиться в уединенном замке. Оттуда-то и потянулись нити заговора, приведшие к гражданской войне короля с сыновьями.

За эту провинность Элинор была наказана еще более жестоко: не ссылкой, а шестнадцатилетним заточением в Шрусбери, откуда ее привозили в королевский дворец только на Рождество. Впрочем, детям не запрещалось встречаться с матерью, хотя они редко пользовались этой возможностью.

Старшая дочь Матильда вышла замуж за герцога Саксонского, вторая дочь — Элинор — за короля Альфонсо Кастильского. Браки своих детей Генрих II устраивал с тем, чтобы расширить владения или обеспечить прочные союзы с соседними монархиями. Свою младшую дочь Иоанну он просватал еще в трехлетнем возрасте за короля Сицилии Вильгельма II Доброго, тоже еще несовершеннолетнего.

Венчание состоялось лишь тринадцать лет спустя, причем брак оказался счастливым, а само царствование Вильгельма II осталось в памяти сицилийцев «золотым веком». Но королевская чета так и не произвела на свет наследника, что стало причиной последующего падения Норманнского королевства в Южной Италии.

Иоанна осталась вдовой, но сохраняла этот статус не слишком долго. Ее дальнейшая судьба была очень тесно связана с судьбой ее старшего брата Ричарда, прозванного совре-

менниками «Львиное Сердце» за храбрость.

Освободившись от некогда обожаемой супруги, Генрих стал менять любовниц чуть ли не раз в полгода, причем каждая последующая была моложе предыдущей, и наплодил невероятное количество внебрачных детей (включая и тех, которые родились у него до заточения Элинор от женщин по всей стране).

Это было, пожалуй, его единственным утешением: выросшие сыновья были, мягко говоря, непочтительны к отцу. А королева рассылала письма своим вассалам и друзьям, подписываясь: «Божьим гневом королева Англии». Настроение Генриху это тоже не улучшало, а тут еще скончался единственный из сыновей, не приносящий ему особых хлопот, — Джефффри, герцог Бретонский и Ричмондский.

Покинул земной мир и король Франции Людовик VII: на престол взошел его единственный сын Филипп-Август. Уже в последние месяцы жизни своего отца пятнадцатилетний юноша умел показать свою самостоятельность. Самым близким к нему человеком был граф Фландрский, руководивший его рыцарским воспитанием. По его совету Филипп, без ведома матери, женился на Изабелле де Эно, родственнице и предполагаемой наследнице графа Фландрского — самого могущественного барона.

Энергичный и даровитый, Филипп прекрасно понимал все неудобство своего положения. Его домен был всюду окружен владениями могущественных баронов, стеснявших свободу его действий и служивших постоянной угрозой самому существованию

королевства. В частности, владения английского короля втрое превосходили по пространству владения самого Филиппа. Филипп рано поставил себе целью округлить свою территорию; к этой цели он шел прямо и неуклонно, пользуясь малейшим поводом. Его внешняя политика — политика собирания, внутренняя — политика укрепления за собой завоеванных областей. И Филипп одинаково легко справлялся как с одной, так и с другой задачей. Он обнаружил и талант полководца, и искусство дипломата, и мудрость законодателя и организатора, сумев привлечь на свою сторону сыновей Генриха II, управлявших его континентальными владениями. С их помощью он справился с врагами.

Впрочем, пока был жив Генрих II, Филиппу не удалось достигнуть ни одного сколько-нибудь важного результата. Он постоянно поддерживал раздоры между сыновьями Генриха и им самим, ослабляя таким образом противника и подготавливая почву для решительного удара, и, не без оснований, опасался того, что после смерти старого короля ему станет только труднее: из заключения выйдет королева Элинор, а от этой дамы можно было ожидать чего угодно.

Генрих II скончался в июле 1189 года, и королем был провозглашен Ричард. Первым его приказом было — немедленно освободить из заточения королеву Элинор. Но уже сама весть о кончине старого короля распахнула двери ее темницы, и все еще прекрасная Элинор поспешила навстречу к своему любимцу.

В Вестминстере ей торжественно присягнуло на верность большин-

ство лордов, что не было пустой формальностью: король Ричард собирался немедленно отправиться в Крестовый поход и оставлял мать править Англией от его имени. Элинор к тому времени было почти семьдесят лет, но она сохранила ясность ума и стройность стана.

Не зря королева так восхищалась любимым сыном. Он был исключительно храбрым и талантливым воином. И невесту себе выбрал по совету матери — Беренгарию Наваррскую. Элинор лично привезла будущую невестку в Мессину, откуда должны были отплыть корабли крестоносцев.

Беренгарию в путешествии должна была сопровождать дама ее ранга, а, поскольку Элинор была уже в преклонных летах, спутницей Беренгарии стала сестра Ричарда, вдова короля сицилийского Иоанна. Венчание состоялось на Кипре, откуда новобрачные в сопровождении Иоанны, поехали в Акру.

В крестовый поход Ричард отправился со своим новым союзником — королем Франции, хотя Элинор предостерегала его от сближения с этим хитрым и коварным государем. И предчувствия ее не обманули, хотя первоначально все шло как будто гладко.

Поняв, что крестоносцы вряд ли смогут овладеть Иерусалимом и, тем более, удержать его, Ричард Львиное Сердце начал переговоры с султаном Саладином. Одним из вариантов примирения двух врагов был брак между братом Саладина и Иоанной, сестрой Ричарда, при этом новобрачные должны были совместно править Святым городом. Проект, который мог зародиться только в ро-

Ричард Львиное Сердце

мантической голове воспитанника Аквитании.

Иоанна наотрез отказалась выходить замуж за мусульманина и вернулась вместе с невесткой Беренгарией во Францию. Там она вышла замуж за могущественного графа Тулузского Раймунда VI и родила в этом браке троих детей. В 1199 году беременная третьим ребенком Иоанна, которая правила графством в отсутствие мужа, стала жертвой заговора мятежных баронов и была вынуждена бежать в Руан, где и скончалась при родах.

Несмотря на громкие победы над турками, принесшие ему славу и навеки оставившие его имя в истории, Ричард оказался преданным своим августейшим союзником. Едва была взята Акра, как Филипп вернулся во Францию, поклявшись Ричарду, что не будет нападать на его владения. Он сдержал слово, но затеял какие-то таинственные переговоры с младшим братом Ричарда — Иоанном. Прослышав об этом, Ричард поспе-

шил назад в Англию, но на пути попал в руки своего врага, императора Леопольда Австрийского и был заключен в темницу.

Леопольд запросил огромный выкуп за своего царственного пленника, и Элинор сама собрала нужную сумму и лично отправилась через всю Европу освобождать своего любимца. Она надеялась, что Ричард успокоится и будет настоящим королем для Англии, но тому не сиделось на месте, и в том же страшном для Элинор 1199 году он был убит в какой-то незначительной стычке в Нормандии, не оставив после себя потомства.

Английский трон унаследовал последний сын Элинор — Иоанн. Это был жестокий, неумный человек, которого королева не любила, и тот платил ей тем же. Его правление считается одним из самых бесславных за всю историю Англии — оно началось с завоевания Нормандии французским королем Филиппом Августом и закончилось гражданской войной. С тех пор ни один английский монарх не называл своих наследников этим именем.

Более известный по многочисленным историческим романам как «принц Джон», Иоанн и в реальной жизни был малоприятной личностью. В ответ на объявление Ричардом в 1190 году своим наследником племянника Артура, Иоанн сделал все, чтобы помешать этому. Узнав, что Ричард по возвращении из похода был захвачен в плен, Иоанн попросил австрийского императора как можно дольше не выпускать брата, а сам заключил союз с французским королем и попытался узурпировать английский трон.

Возвращение Ричарда в 1193 году стало для него неприятным сюрпризом, и он начал готовить мятеж против брата, но попытка бесславно провалилась. Ричард отправил Иоанна в изгнание и конфисковал его земли. Но в 1195 году король помиловал его и... объявил наследником престола. Постичь логику рассуждений этого «рыцаря без страха и упрека» невозможно.

В отличие от старших братьев, Иоанн, хотя и был любимым сыном Генриха, не получил от отца ни одного из обширных земельных владений во Франции, за что и был прозван «Безземельным». Однако ему достались значительные владения в Англии, и было даровано владение Ирландией.

В 1199 году, после смерти Ричарда, Иоанн вззошел на престол, хотя у его племянника Артура формально было больше прав стать королем.

Через год он женился на Изабелле Ангулемской, уведя ее из-под венца у своего вассала Гуго X де Лузиньяна, который пожаловался Филиппу Августу.

Элинор не слишком любила Иоанна, но к своему внуку, по каким-то непонятным причинам, относилась еще более прохладно. Поэтому она приняла сторону сына, когда в 1202 году Филипп Август призвал Иоанна появиться при французском дворе, а когда тот отказался, вторгся в Нормандию и даровал Артуру почти все владения Иоанна во Франции.

В ходе войны Артур осадил свою бабушку Элинор в замке Мирабо, но 80-летняя дама так организовала его оборону, что защитники продержались до прихода Иоанна со своими войсками. Артур был взят в плен и за-

*Элинор
Аквитанская*

ключен в замок в Руане. Дальнейшая судьба его неизвестна, хотя Иоанн, конечно, подозревается в его смерти.

В этой войне Англия потеряла значительную часть своих владений на континенте. Но Элинор удалось невероятное: путем использования дипломатических ухищрений, подкупов, лести и всего своего богатого жизненного опыта она устроила брак своей внучки Бланки Кастильской с сыном и наследником короля Франции Людовиком и примирила, таким образом, царствующие дома двух держав.

Легендарная королева пережила всех своих детей, за исключением ан-

глийского короля Джона и королевы Кастилии Элинор, а под конец жизни удалилась в аббатство Фонтевро, где и скончалась в возрасте восьмидесяти двух лет, что по тем временам составляло немислимую продолжительность жизни. В 1204 году ее погребли рядом с ее супругом Генрихом и любимым сыном Ричардом.

Но особое положение Аквитании еще долгие века оставалось причиной многочисленных войн и конфликтов между двумя державами, королевой которых была Элинор.

Необыкновенная женщина, необыкновенная судьба... □

ЕЁ

Анна и Сергей
Литвиновы

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Журнальный вариант. Окончание

Наши дни.

Гваделупа

Жизнь пахла морем, била по лицу ветром, врезалась в руки колючками — тропинка петляла сквозь густые заросли кустов. Несмотря на крошечный мрак, на ветер, сбивавший с ног, на ухабистую дорожку и незнакомую местность, Таня ни разу не упала, не сбилась с дороги, да еще маму умудрялась поддерживать — та совсем расклеилась, спотыкалась, цеплялась за колючие кусты, тихо охала.

Когда Таня окончательно уверилась, что их не преследуют, в первые несколько минут она ощутила безграничное, совершенно пьяное счастье.

Окончание. Начало в №№ 1, 2, 2012 г.

ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Ей снова повезло! Она не только жива, но и свободна!

Впрочем, некогда почивать на лаврах. Нужно быстрее убираться отсюда, пока Майк с Дэнном не пожалели о своем странном порыве благотворительности. Или пока господин Трэвис не выслал за ними погоню.

Но, прежде чем мчаться дальше, стоило составить хотя бы приблизительный план действий.

— Сядь, мамуля, отдохни. — Таня почти толкнула утратившую всякое присутствие духа Юлию Николаевну на небольшую каменистую площадку и огляделась. Абсолютная глушь и темень, луна, выглянувшая из-за туч, скупо освещала реденький лесок. Метрах в двадцати внизу плескалось море. Берег, похоже, скалист, дик. Ни движенья на нем, ни огонька. Таня думала, что тропинка приведет их на пляж, а сейчас увидела: дорожка уже не забирает круто вниз и ведет в сторону от морской глади. Куда? К жилью, к дороге? А может, к особняку мистера Трэвиса?

Она прислушалась. Рокот моря, посвист ветра, шелест кустов... Но к природным звукам теперь примешивались и другие. Бум-бум-бум... Ритмичный, зловещий перестук. Какая-то птица ночная? Нет, не похоже, К нему вдруг добавились свист, скрежет. Поезд? Тоже нет. Кажется, это музыка. Африканская. Каннибалы в лесу справляют кровавое пиршество?

«Фу, прекрати себя накручивать. Сейчас сезон карнавалов, и в ближайшей деревне какую-нибудь негритянскую масленицу отмечают».

Сразу стало легче. Но тут раздался мамин вскрик:

— Змея!

Таня мгновенно бросилась к ней, хотя пресмыкающихся боялась смертельно. Юлия Николаевна обхватила колени руками, сжалась в комочек, на лице — маска ужаса. Дрожащей рукой она показывала на камушки у своих ног.

К счастью, луна в очередной раз выглянула из-за тучи, заливая лес молочным светом.

— Где?! — Татьяна уже успела схватить булыжник, готовая вступить в схватку с любой ядовитой тварью.

— Здесь! — истерически выкрикнула Юлия Николаевна, тыча пальцем в совершенно чистую площадку.

Уже укусила, что ли, и уползла?

Таня бросилась к матери, быстро осмотрела ее ноги — никаких следов от укуса.

— Но я видела ее. Точно, видела! — упорствовала Юлия Николаевна.

— Мамуль, — обняла ее Татьяна, — я читала, что на Гваделупе нет змей. Их еще в конце девятнадцатого века не стало. На остров мангустов завезли, чтобы те крыс поели, а они, заодно, всех ползучих уничтожили.

Она хотела успокоить маму, а та вдруг оттолкнула ее и выдохнула — почти с ненавистью:

— Ну, конечно! Ты всегда и все знаешь. Супермен! Идеал!..

— Эй, мамуль, — легонько встряхнула ее за плечи Таня.

— У тебя на любой вопрос найдется ответ! Выгодный, прежде всего, тебе!

Да что с ней? Никогда прежде Юлия Николаевна не позволяла себе говорить с дочерью в подобном тоне. Обидеться? Однако Таня взглянула в мамино лицо, и сердце совсем растревожилось. Что-то происходит с родительницей. Глаза горят, рот кривится в ухмылке. И вид такой, будто не любимая дочь с нею рядом, а кровный враг.

— Я доверилась тебе! Пошла за тобой! А ты! — Она горько вздохнула. — Предатель!

«Черт! — ахнула про себя Татьяна. — Она меня за Мирослава своего что ли принимает?» И произнесла громко:

— Ма-ма! Пожалуйста, очнись! Здесь только мы. Мы с тобой. Вдвоем.

Но в ответ последовал взрыв истерического хохота, а сразу за ним испуганный выкрик:

— Мирослав! Я хочу знать! Что у тебя там? Нож?!

Таня почувствовала, как по спине потекла струйка холодного пота, а сердце наполнилось ужасом.

Ситуация просто критическая: мало того, что они с мамой на далеком Карибском острове, без денег, без документов. Вне закона. Их преследуют. Вдобавок мамуля чудить начала. Хотелось, конечно, надеяться, что это нервное расстройство — временное, просто реакция на пережитый стресс. А если нет?

Она яростно топнула ногой и пробормотала сквозь зубы:

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Давай, мамочка, кончай свой цирк! — схватила Юлию Николаевну за руку и потащила за собой.

Та не сопротивлялась, покорно последовала за дочерью. Однако лицо ее оставалось отрешенным, а губы продолжали шептать что-то.

Вскоре к посвисту ветра и рокоту моря стала все отчетливее примешиваться барабанная дробь, вдалеке, за редким леском, замерцали огни. Жилье! Как и предполагала Татьяна, деревушка. Свет электрических фонарей, неплохая асфальтированная дорога успокаивали. Похоже, каннибалов здесь не имеется. Но найдется ли врач для мамы? А главное — телефон, Интернет, любое средство связи?!

Женщины вступили на окраину селенья. Цивилизация здесь причудливо смешивалась с нищетой. Асфальтовая мостовая, а по сторонам — убогие, крытые пальмовыми ветками домишки. В некоторых окошках горел свет, мерцали телевизоры, в других — загадочно мерцали свечи. Там электричество, что ли, за неуплату отключили?

И как угадать, в какой из домов обратиться за помощью? Редкие фигуры, что мелькали во дворах, — исключительно афроамериканцы. Все, ввиду карнавала, нетрезвые. Язык, на котором общались местные жители, Таня тоже не понимала. Разбирала лишь отдельные слова...

Нет уж, лучше миновать эту окраину, добраться до центра деревни будет, наверное, надежнее.

Таня, по-прежнему волоча за собой Юлию Николаевну, заспешила мимо хижин. С одного из дворов (там пиновала пожилая компания) их заметили, приветственно замахали, что-то закричали. «Может, все-таки зайти?» — мелькнула мысль.

Она приблизилась к невысокому заборчику и вдруг вскрикнула от неожиданности: ей на голову обрушился поток ледяной воды, а из окна мансарды донесся заразительный смех. Мальчишка — не старше десяти лет — триумфально застучал о подоконник пустым ведром, пирующая во дворе компания заулюлюкала.

— Fuck! — яростно выдохнула Татьяна.

Ритуал — видимо, относящийся к карнавалу — совсем не пришелся ей по душе.

А Юлия Николаевна, будто не замечая ничего, продолжала бормотать себе под нос:

— С книжечкой, у окна, океан шумит, да... Мирослав специально мне еще одну розетку провел, рядом... — Потом перевела взгляд на Таню, произнесла укоризненно: — Как ты выглядишь! Хоть бы причесалась! И платье все мокрое!..

Да, маме явно требовалась помощь. И чем быстрее — тем лучше.

Татьяна откинула со лба прядь мокрых волос, на ходу пытаясь отжать подол платья, снова схватила за руку Юлию Николаевну и поволокла за собой. Деревенька невелика, центр, кажется, совсем близко.

Вдруг дорогу им перегородили четверо. Все — чернокожие, крепкие, молодые. В отличие от прочих ряженных, одеты буднично: футболки, брюки, у каждого на шее — по золотой цепи. Заговорили они на знакомом английском:

— Привет, девчонки!

— Привет, — постаралась максимально вежливо ответить Татьяна. — Вы не подскажете, как пройти к центру? Мне надо найти какого-нибудь доктора.

— Доктор тебе нужен, да? — глумливо улыбнулся один из парней.

Остальные громко заржали. А самый высокий — похоже, главарь — похозяйски хлопнул ее по плечу и заявил:

— Милая, да я сам здесь — доктор! Лучший врач на всю деревню! — И со значением добавил: — Очень, очень опытный...

— Эй, полегче! — Таня попыталась сбросить его руку, но только раззадорила этим. Афроамериканец сжал ее в объятьях, а остальные начали скандировать:

— Бе-рем! Бе-рем!

Таня забилась в мощных руках и что есть мочи заорала:

— Help!!

Но ряженные, заполнившие улицу, равнодушно проходили мимо. Лишь две пожилые чернокожие дамы опасливо взглянули на них и ускорили шаг.

А огромный парень триумфально выкрикнул:

— Grand prix!!! — И под одобрительные крики друзей поволок девушку за собой.

— Таня? — растерянно проговорила ей вслед Юлия Николаевна.

— Да сделай же что-нибудь! — перекрикивая шум толпы, воскликнула Таня. — Беги! Зови на помощь!

Но Юлия Николаевна не двинулась с места, продолжая стоять на середине улицы с затравленным взглядом и опущенными плечами.

ЕЕ последняя любовь...

Что делать? Вцепиться зубами? Вонзить ногти? Только больше разозлишь. Ведь силы в нем раза в три больше.

И тут вдруг Таня увидела... У нее, что ли, как у мамы, начались галлюцинации?

Путь пьяной компании преградил... Майк. Ну, да. Он. В той же самой футболке, в которой пару часов назад вел женщин на расстрел. Лицо невозмутимое, даже, показалось, сонное.

Майк указал на Татьяну, что-то коротко, очень небрежно сказал. Девушка ожидала, что в ответ парни снова разразятся омерзительным хохотом и сметут нахала с пути. Однако ее тут же отпустили, и главарь забормотал на креольском языке, судя по тону, извинения.

Компания мгновенно растворилась в толпе — будто их и не было. Таня одернула задравшийся подол. Ее трясло. Она растерянно посмотрела вслед похитителям, потом взглянула в бесстрастное лицо Майка и дрожащим голосом пробормотала:

— Что ты здесь делаешь?

Майк шагнул к Тане, хотел взять ее за руку, но она резко отдернулась. Настаивать он не стал, лишь придвинулся и произнес, перекрикивая рев толпы:

— Пошли. Надо поговорить!

— О чем? — Девушка не двинулась с места.

— Таня, не беседуй с ним! — предостерегающе проговорила подошедшая к ним Юлия Николаевна. И подалась вперед, заслоня дочь своим телом.

— Дьявол! — Майк, похоже, начинал злиться. — Вы что, обе не понимаете? Желай я вам зла — разве пришел бы сюда?! Пойдемте. Просто поговорим, — продолжал давить он. — Или хотите, чтобы кто-нибудь нас здесь увидел и доложил мистеру Трэвису?..

И Таня решила.

Они укрылись в пустом, но почему-то не запертом баре. За пыльным окошком по-прежнему

продолжалась карнавальная феерия, слышались звуки барабанного боя, криков, истошного визга.

Юлия Николаевна продолжала держаться на безопасном, как ей казалось, расстоянии от Майка — забилась в угол. Ее временное просветление сменилось новой порцией бреда. Она продолжала разговаривать — сама с собой, с Мирославом, Таниного отчима, Валерия Петровича, тоже упоминала.

— Что это с ней? — тихо спросил у Тани Майк.

— А ты не видишь? — злобным шепотом откликнулась она. — Нервный срыв. А может, вообще с катушек слетела. Навсегда.

— К врачу надо.

— Слушай, ты, папочка! Добрячок!! По-моему, еще пару часов назад ты собирался в нас стрелять!

— Но не выстрелил же, — невозмутимо пожал плечами Майк. — И именно я настоял, чтобы вас отпустить. Дэна еще уговаривать пришлось. И вообще, — хмуро добавил он, — хватит истерик. У меня к тебе дело.

— А с чего ты взял, что я хочу иметь с тобой какие-то дела? — выкрикнула Таня.

Майк никак не отреагировал на ее выпад. Молча извлек из кармана пачку сто долларовых купюр и протянул девушке:

— Держи. Все, что у меня есть. Конечно, лучше было карточку твою кредитную принести, но, увы, не смог. Она у Трэвиса в сейфе осталась. Там же и паспорта ваши. А, и вот еще что подобрал. — Он протянул Тане ее любимое колечко-талисман. — Почему-то решил, что оно тебе дорого. Денег тут тысяч пять. Хватит, чтобы себя в порядок привести, пересидеть где-нибудь в тихом месте. А дня через два-три я или твой паспорт у Трэвиса вытяну, или новый документ тебе сделаю...

— Ты уже обещал мне документ, — иронически протянула Татьяна, — когда мы сюда, на Гваделупу, летели. Американский паспорт, если мне память не изменяет. Да, и тихое место тоже сулил. На круизном теплоходе.

— Я просто выполнял приказ. А главное, не сомневался: ты в этом деле замешана. Но потом понял, что ты ни при чем. Зачем жизнь твою губить? Я — человек справедливый.

— Скажи еще, добрый! — горько усмехнулась она.

Майк, словно не слыша ее, метнул в Юлию Николаевну сочувственный взгляд, и продолжил:

— И маму твою жаль. Ее ведь к врачу надо срочно! Нервное расстройство — оно, как инсульт. Если сразу меры принять — может, отойдет. А нет — навсегда такой останется.

— Ты, значит, вдобавок, доктор, — покачала головой Таня.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Не доктор, но хорошего врача знаю. Здесь, на острове. И примет без документов, и в клинику, если надо, положит.

В добрый порыв Майка Татьяна не верила ни на грош. Не сомневалась: опять он ведет какую-то игру. Но все же лучше, когда у тебя в кармане доллары шуршат, чем оставаться абсолютно неприкаянной на далеком Карибском острове.

В обычной жизни ей даже в голову бы не пришло принять от Майка помощь подобного рода, однако сейчас выхода не было. В конце концов, плевать на его мотивы. В их положении глупо отказываться от денег.

— Я... я согласна. Спасибо тебе! — слабо улыбнулась Татьяна.

— Отлично! — просиял Майк, и деловито продолжил: — Я уже все продумал. Действуем так. Мадам Юлию сейчас отвезем в Бас-Тер. К моему знакомому доктору — он, прошу заметить, француз, в клинике неврозов работает. Не сомневаюсь: приведет он ее в чувство, и очень быстро. А тебя пока в одном пансионе спрячем. Он маленький, там всего четыре гостевых комнаты, и от всех дорог в стороне. Хозяйка, мадам Тюрбо, должна тебе понравиться. Чрезвычайно колоритная дама. Моя давняя приятельница... Ну, что, поехали? Машина у меня тут, неподалеку. Давай, помоги мне мамочку твою поднять (Юлия Николаевна, несмотря на шум за окнами и неопределенность их ситуации, неожиданно задремала).

Однако Таня не двинулась с места. Пронзила Майка взглядом и медленно произнесла:

— Ты не понял, Майк.

— В смысле?

— Я с благодарностью приму у тебя деньги. Возьму в долг — и обязательно верну. Но больше никакой помощи мне от тебя не нужно.

— Та-аня, — укоризненно протянул он.

— Или так — или никак, — отрезала Татьяна.

— Но... но ты же здесь, на острове, ничего и никого не знаешь! Куда ты отправишься? С боль-

ной мамой? Без машины? Такси сейчас не найдешь — карнавал. Да и без документов тебя не то что в гостиницу, в пансион не возьмут!

А Таня, словно не слыша его, твердо проговорила:

— Ты сейчас выйдешь. Пойдешь по центральной улице. Не спеши. И будешь идти по ней — долго-долго. А потом — вообще забудешь обо мне. Ясно?

— Ты неподражаема, — с восхищением произнес Майк, протягивая ей деньги.

— Спасибо, — холодно кивнула Татьяна.

— Вот мой телефон. Позвони, если захочешь, — протянул Майк свою визитную карточку и добавил: — Но ты все равно не выберешься отсюда одна. — Он тяжело вздохнул и, пожав плечами, вышел из бара.

Особо раздумывать было некогда. Татьяна бросилась будить Юлию Николаевну:

— Мамуля, вставай! Надо спешить!

— У меня голова болит... — простонала та.

— Сейчас, мамулик, сейчас отдохнешь. Еще чуть-чуть потерпи...

Таня обняла ее за плечи, потянула к выходу из бара...

Из-под плотно закрытой двери в гостиную пробивалась полоска света.

Ричард Трэвис бросил взгляд на часы — начало первого ночи. Заглянул в гостиную — Дэн, его молодой подручный, опять полуночничает. В правой руке стакан с неизменным ромом, на коленях — толстенный талмуд по истории искусства Возрождения.

— Чего спать не идешь? — недовольно буркнул Трэвис.

Парень дернулся, капли рома выплеснулись на брюки.

— Да-а... Сейчас.

— А где Майк?

— Он у себя. Отдыхает.

— Ладно. Спокойной ночи.

Трэвис отправился на третий этаж, в свою спальню. Но по пути, на втором, остановился. Стараясь не шуметь, прошел в крыло, где ночевали подчиненные и прислуга.

Дверь в комнату Майка оказалась заперта. Стучать Трэвис не стал — отомкнул замок универсальным ключом.

Как он и предполагал, в комнате никого не было, постель не смята.

Время — к часу ночи. Где, черт возьми, Майк ходит?!

Главное качество успешного руководителя, всегда считала Татьяна, не образование, не изворотливость, не умение общаться с людьми. Самое главное — уметь правильно расставлять приоритеты. И сейчас, по ее мне-

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

нию, первоочередная задача — поскорее дать отдых. Себе, а еще важнее — маме.

Выйдя на шоссе, она сразу заметила указательный столбик: «Пляж Госье», и подумала, раз табличка блестит свежей краской, а дорога недавно заасфальтирована, место, наверняка, туристическое. А значит, относительно безопасное.

И не ошиблась, в километре от шоссе действительно обнаружилась аккуратно разграфленная парковка, а по сторонам от нее утопали в зарослях пальм и гибискуса симпатичные отели.

Памятуя о собственном непрезентабельном виде, Таня выбрала из них самый скромный, на отшибе. Наплела сонному портье кучу небылиц: мало того, что рейс задержали, почти сутки они в дороге, еще и чемоданы потерялись, авиакомпания обещала вернуть только завтра. Мужчина сочувственно зацокал языком и без лишних вопросов проводил их в номер — просторный, но без особых излишеств.

— ...зато у нас замечательный ресторан, повар каждое утро печет круассаны, и пляж рядом, и тихо, и...

— Хорошо, спасибо большое, — оборвала его Татьяна и захлопнула за служителем дверь. Заперлась на ключ, накинула цепочку. Помогла маме раздеться и уложила ее в постель. А сама — хотя перед глазами уже все плыло — быстренько приняла душ, натянула до сих пор влажное после «карнавального омовения» платье и вернулась в фойе. Ей срочно нужен был Интернет.

Бесплатный вай-фай обнаружился в библиотеке. Здесь же имелся плохенький лэп-топ.

Таня шлепнула по кнопке «enter» и вошла в сеть.

Доменная зона .ag бурлила по поводу трех невиданных преступлений на тихом острове: двух убийств — Глэдис и Мирослава — и последовавшего за ними нападения на тюремный фургон.

Все три телеканала острова Антигуа и обе газеты только об этом и говорили.

Таня сначала кинула на адрес Ходасевича ссылки на эти пять местных СМИ. Потом написала пару слов от себя: «Разумеется, я не верю, что мама убила своего любовника».

Нахмурилась и застучала по клавишам дальше:

«Признаю: я была полной идиоткой, когда решила освободить мать из тюрьмы. И вдвойне дурой, что попросила помощи у людей, мне практически незнакомых. Лучше бы тебе сразу позвонила, ты бы что-нибудь придумал... Но и ты меня пойми: мне ее так жалко стало... Как представила, что ей обратно возвращаться в камеру... В общем, что сделано — то сделано. Прости».

Потом Таня описала, как их с матерью похитили, и как они спаслись, указала приметы троих джентльменов, которые хотели их убить, но почему-то не убили. Пожилой человек-гора Майк (якобы владелец детективного агентства на Антигуа), восторженный юноша Дэн, представившийся ей скульптором, наконец, начальник обоих — господин Трэвис. «По всем повадкам — какой-то местный мафиози. Но культурный. Выговор правильный. Ценитель прекрасного, блин. Когда про картины спрашивал, аж трясся весь».

Часы показывали начало третьего ночи. Глаза слипались, руки дрожали. Охранник сквозь стеклянную дверь удивленно поглядывал на нее, но Таня, не обращая ни на что внимания, продолжала стучать по клавиатуре, а потом отправила текст. Из библиотеки она ушла только тогда, когда от Валеры пришло подтверждение: «Получил. Изучаю».

Наши дни.

Москва.

Валерий Петрович Ходасевич

А он-то ломал голову: почему Танюшка притихла?

Валерий Петрович за новостями не следил (ох, как себя теперь корил за это!). Думал, Танечка не подает о себе вестей просто потому, что слишком занята. Несколько раз, правда, набирал ее номер — телефон не отвечал.

И сердце не екнуло, не подсказало: что-то неладно с его девочками.

ЕЕ последняя любовь...

Нынешнее Танино послание застало его в архиве. Хорошо, хоть телефон не выключил — смог сразу же увидеть новую почту.

Едва понял, во что ввязались его дамы, схватился за голову.

Душа болела за обеих.

Надо срочно решать, чем он может помочь Таниношке и Юле, находясь здесь, в Москве, за тысячу миль.

Наши дни.

Антигуа

— Дорогой! Я хочу коктейль! — капризно произнесла Жаклин.

— Какой? — вздохнул ее спутник.

— «Дайкири», естественно, с местным ромом. А что тут еще можно пить?

Муж покорно поднялся, достал из пляжной сумки портмоне и направился к бару.

— Только, умоляю, не в пластике! — крикнула вслед Жаклин.

Она встала с лежака, набросила на плечи полотенце. Ну и солнце на этих Карибах! Все плечи уже в веснушках, а дальше будет только хуже, как пить дать. Даже в море от него не спрячешься — прожигает сквозь воду. Да на этом пляже Госье море такое, что даже залезать в него не хочется. Вода мутная, с водорослями, повсюду одни только дедули преклонного возраста, не то, что на Барбадосе, где они с мужем отыскали совершенно пустынную береговую полосу и купались голышом.

Вернулся с коктейлем Пьер, протянул ей запотевший бокал и пожаловался:

— Шесть евро содрали. А в пластике стоило бы всего четыре.

— Все, ты разорен! — хохотнула Жаклин и залпом прикончила коктейль.

— Пошли, поплаваем, — предложил Пьер, — а потом в рестораник сходим, лангуста съедим, ты ведь давно хотела попробовать!

— Ладно, пойдём. — Жаклин небрежно бросила бокал из-под коктейля прямо в песок — местные уборщики подберут. — Только давай подальше заплывем, где вода чище...

Купались они долго и, конечно, не обратили внимания, когда возле их лежака остановилась девушка. Блондинка в темных очках. Порыв ветра вдруг сдул с ее плеч парео, она погналась за ним и поймала — точно возле их пляжной сумки.

Хлопот, как всегда на Гваделупе, было много.

Высадка пассажиров — шутка ли, на борт сходило больше тысячи человек! Не обошлось, разумеется, без эксцессов — разморенный, расслабившийся в круизе народ терял чемоданы, забывал паспорта, дети, не желавшие покидать корабль, прятались от родителей в лабиринтах коридоров, мамы с папами психовали.

Далее пришлось контролировать загрузку провизии, питьевой воды. А потом еще хлеще: посадка новых пассажиров. Опять толпа, детский визг, людские метания, миллионы вопросов. Да еще в порту, как назло, карнавал. Грузчики пьяны, наземная служба охраны пребывает в рассеянном, праздничном настроении.

Естественно, к полуночи, когда корабль должен был отшвартоваться и взять курс на Антигуа, нервы у начальника охраны окончательно сдали.

В 23.30, по приказу капитана, должна была исполняться команда «All aboard». Однако последний путешественник, наплевав на заведенный порядок, взошел на борт лишь за семь минут до полуночи. А когда отдали команду убрать трап, примчался взволнованный заместитель: расхождение по количеству пассажиров! На борту, вместе с командой, должно было находиться три тысячи восемьсот сорок человек, однако пропустили три тысячи восемьсот сорок одного. Инцидент достаточно редкий. У каждого, кто имеет право находиться на борту «Costa Bella», имелась персональная пластиковая карта. Написаны на ней только имя и фамилия, а запрограммирована практически вся информация: дата рождения, номер каюты, для тех, кто работал, — должность. Фотография тоже имелась.

— Как такое могло случиться? — напустился начальник охраны на подчиненного.

— Туристка из Бельгии свою карточку потеряла, — понурившись, ответил тот. — На пляже Госье. Ее документы мы проверили — все чисто. Восстановили ей пластик. А когда она уже на корабль прошла, выяснили: ее старую карточку кто-то использовал.

ЕЕ последняя любовь...

— Почему сразу не заблокировали?!

Заместитель трагически вздохнул:

— Я... я собирался...

— Вы забыли инструкцию?! Дубликат можно активировать только после аннуляции старой карты! — с тихой яростью произнес шеф.

— Вы же сами видите... какая сегодня суматоха.

— Через какой контрольный пункт прошел лишний пассажир?

— Через кормовой. Там Радж дежурит, он человек ответственный.

— Однако по карточке одной туристки пропустил другого человека.

— Видно, похожа была, — вздохнул подчиненный.

Что делать? — задумался начальник охраны. — Докладывать капитану, задерживать отправление? Потом платить штрафы — порту, круизной компании?.. Но уже ведь давно трапы убраны... В конце концов, «зайцу» с корабля не уйти. Теперь-то он проследит, чтобы карточку заблокировали. А бомбу (или что-то другое, запрещенное) на борт пронести тоже невозможно: все вещи на входе просвечивают, с этим на «Costa Bella» строго.

И шеф службы охраны принял решение — отправлять корабль. Лишнего пассажира он вычислит по пути на Антигуа.

Первым делом, после того, как поднялась на корабль, Таня отправилась в туалет. С удовольствием сняла бандану, распушила перед зеркалом волосы, стерла с губ кроваво-красную помаду, нанесла вместо нее элегантный перламутровый блеск. Отметила (не без удовольствия!), что сейчас она совсем не похожа на ту дамочку с пляжа Госье, слишком ярко размалеванную, с волосами, неудачно покрашенными в цвет «пьяная вишня», и с кислым выражением лица.

Воровать, безусловно, нехорошо, но как иначе, без документов, добраться до Антигуа? Мож-

но было, конечно, арендовать у кого-нибудь из местных жителей катер. Но, наверняка, с белой иностранки взяли бы большие деньги. А главное, пошли бы разговоры об одинокой туристке — ей они совсем ни к чему.

Лучше уж смешаться с толпой на круизном лайнере.

Таня извлекла из пляжной сумки вечернее платье. Не самое красивое в ее жизни, однако, большого выбора в гваделупских магазинах, увы, не имелось.

Она вышла из туалета, спрятала пляжную сумку за пожарным гидрантом и смешалась с нарядной толпой на верхней палубе.

Корабль дал прощальный гудок, закипела под винтами вода, аниматоры в микрофон объявили, что в баре «Dionisio» сейчас начнется вечеринка...

Таня, вместе со всеми, провожала взглядом цветущий, застроенный белеными домиками остров и прислушивалась к разговорам — пассажиры вокруг делились впечатлениями: одни успели посетить местный ботанический сад, другие — плантации сахарного тростника, третьи восхищались тропическими лесами парка Мамелл...

«Скучная туристическая жизнь», — с усмешкой подумала она.

Настроение, несмотря на все переживания последних дней, было каким-то возбужденно-радостным.

Одно беспокоило: что скажут близкие, когда узнают о ее выходке?

Маме, сладко уснувшей после обеда, девушка оставила записку.

А вот как ей оправдываться перед отчимом?..

Минула полночь, а огромный круизный лайнер все так же ел, пил, веселился, проигрывал в казино и, конечно, флиртовал.

Танины чувства были возбуждены до предела. Сердце колотилось, словно бешеное. Уж ей-то сейчас совсем не до отдыха и не до флирта.

Во-первых, требовалось не попасться корабельной охране и не оказаться в поле зрения многочисленных видеокамер, наверняка тайно просматривающих на пароходе каждый коридор и закуток. Ну, от камер можно защититься — прикольной шляпкой, купленной вместе с платьем. И ничего страшного, что Таня в головном уборе, вечером на палубе поддувает свежий ветерок, а, кроме того, на пароходе полно фриков. Старушки друг перед дружкой шляпками хвастаются, будто на королевское венчание в Вестминстерское аббатство явились.

Вот охранники — совсем другое дело. Один замер у внутреннего трапа, делает вид, что прическу поправляет, а на самом деле внимательно слушает вставленный в ухо микрофон:

«Внимание всем вахтенным! Обращаем внимание на женщину, европейская раса, на вид тридцать лет, одета: голубые джинсы, серая кофточка, рост сто семьдесят-сто семьдесят пять, худощавого телосложения. При

ЕЕ последняя любовь...

обнаружении немедленно сообщить вахтенному охранной службы. Самостоятельно задержать не пытаться. Может быть вооружена».

Таня рассеяно прохаживалась по палубе, хотя ей очень хотелось припустить во все лопатки от буравящего взгляда охранника.

...Повезло. Бодигард не обратил на нее ни малейшего внимания.

Продолжая свою одинокую прогулку, она ломала голову: часам к двум ночи веселье пойдет на спад, туристы разойдутся по каютам, а куда деваться ей? Одинокая девушка, хоть в казино, хоть в ресторане, обязательно привлечет внимание службы охраны. Подойдут, попросят предъявить карточку пассажира — и что тогда? Кроме того, ей не только надо найти для себя ночлег, но и завтра без проблем сойти с корабля на берег. А для этого обязательно нужна собственная карточка.

Опять у кого-то из пассажирок позаимствовать? Проблем, наверное, не будет. Здесь, на теплоходе, все держат карты при себе и постоянно предъявляют — когда заказывают в ресторане коктейли, покупают в казино фишки. Всех-то дел: найти еще одну похожую на нее женщину, выбрать подходящий момент и вытянуть — из кармана или из сумочки.

Но если пассажирка обнаружит пропажу еще до того, как корабль пришвартуется на Антигуа?.. К тому же, воровать второй раз за день, пусть даже для пользы дела, совсем не улыбалось. Не ее это...

А какие еще могут быть варианты? Ждать, пока лайнер остановится, прыгать в воду и добираться до берега вплавь? Несерьезно. Забраться, допустим, в тюк с грязным бельем? Однако на корабле, скорее всего, имеется собственная прачечная...

Да и просто на лайнере находиться опасно.

Мозг продолжал работать, перебирая варианты.

Вдруг Таня заметила за стеклянной дверью, отделявшей прогулочную часть корабля от слу-

жебной, что-то вроде большой моторной лодки, тросами притороченной к борту.

Заинтересовавшись, она прилепилась носом к прозрачной двери. Действительно, моторная лодка, даже, скорее, катер. Татьяна легонько нажала на ручку двери — та подалась. Но проскользнуть внутрь она не успела.

— Пардон, мадам. Вам чем-нибудь помочь? — раздалось у нее за спиной.

Таня резко обернулась — мужчина в белоснежной морской форме.

— Да мне просто интересно стало! — ослепительно улыбнулась она. — Это спасательная шлюпка?

— А... вы, наверное, в Гваделупе сели, еще не знаете, — хмыкнул в ответ мужчина. — Это специальный катер, чтобы пассажиров на берег доставлять.

— Но зачем он? Корабль разве не к причалу швартуется? — удивилась Татьяна.

— На Гваделупе — да. А на острове Каталина, допустим, мелко, к берегу не подойдешь. Вот пассажиров и будут на таких катерах отвозить. На борту их всего шесть, всем места хватит.

— Вот как! — Таня на секунду задумалась, потом, как можно небрежнее, спросила: — А завтра, на Антигуа, мы к причалу подойдем или тоже на катере?

— Нет, там к причалу, но к самому дальнему, четвертому. До города по солнцепеку больше мили, поэтому капитан приказал: для пожилых, инвалидов, детей спустить катер. Один. Как раз вот этот.

— Здорово тут у вас все организовано! — похвалила Татьяна. — И рассказали вы интересно! — улыбнулась моряку и двинулась прочь.

Отправилась на время в казино, но уже к часу ночи, когда убедилась, что палубы пусты, проскользнула на служебную территорию, забралась на катер и удобно устроилась в трюме...

Погода к прогулкам не располагала, однако Валерий Петрович решил пройтись. Шел лениво, выглядел со стороны типичным пенсионером, умирающим от безделья. Однако мозг его напряженно работал.

Итак, размышлял Ходасевич, у нас имеются четыре события. Далеко не рядовых. Сначала на собственной яхте была убита гражданка Америки Глэдис Хэйл. В тот же день Садовникова-старшая вместе с Мирославом Крассом посетила дом Глэдис на острове Антигуа. Там Красс убил немого дворецкого и, предположительно, похитил картины. А чтобы попасть в дом, он использовал удивительное внешнее сходство Юлии Николаевны с хозяйкой дома.

ЕЕ последняя любовь...

Далее. Минули сутки, и российская гражданка Садовникова Юлия Николаевна обнаружила труп своего сожителя в снимаемом им особняке. Там же, на Карибах.

Наконец, арестованную вышеупомянутую Садовникову похищают из тюрьмы, при участии ее дочери Татьяны. Похитители, некие Майк и Дэн, а также их главарь Трэвис, готовы пытать обеих, лишь бы узнать, где находятся некие картины. Затем двое подручных, явно по собственной инициативе, вместо того, чтобы расстрелять, отпускают двух русских женщин.

А теперь следовало разобраться во всем и понять, какое событие с каким связано, и связано ли вообще? Какое из какого вытекает?

И, наконец, два классических вопроса русской интеллигенции: кто виноват и что делать. А именно: кто виноват во всем происходящем? И что делать Татьяне и Юлии Николаевне, чтобы спастись, а также, по возможности, оправдаться?

Давно.

Мирослав Красс

Пожалуй, все последние пятнадцать лет для него стали растянувшимся прощанием с Глэдис. Почему же он так мучительно уходил от нее? Почему не мог расстаться и вырвать из сердца?

Они сбежали, наконец, из ужасной России. Без споров и ругани, разделили добычу (все в том же доме с башней на Антигуа) и, казалось, разошлись — спокойно и навсегда. Их союз все-таки не выдержал гнета многочисленных обоюдных измен и обид. Теперь они не нуждались друг в друге, их совместная работа позади. Можно позволить себе слегка расслабиться. Они оба стали по-настоящему богаты.

Мирослав просчитал, что денег, полученных за русские картины, ювелирные украшения и антиквариат, хватит ему на всю оставшуюся жизнь, но довольно скоро вновь почувствовал себя в стесненных обстоятельствах. А еще понял, что ему не хватает — ее. Не хватает живости, азарта и везучести Глэдис. И тогда... Тогда он попробовал вернуться к ней.

О! Она приняла его, но их отношения... Они стали совсем другими. Теперь он ей был не нужен. Ни в каком качестве. Ни как ловкий соблазнитель, бойко шпарящий по-русски и по-чешски, ни как компаньон, ни как любовник. И она очень быстро дала ему это понять. А он... У него не хватило силы воли для того, чтобы уйти от нее окончательно. И с каждым днем он все сдавал и сдавал перед ней свои позиции. К тому же, ее бизнес шел в гору, а многочисленные его начинания, раз за разом, оканчивались ничем.

И тогда... Безумная любовь превратилась в безудержную ненависть.

Она усугублялась еще и тем, что они опять расстались. (Расстались — мало сказать, по сути, она его выгнала.) И если раньше Красс возвращался к ней, потому что любил, то сейчас ему хотелось вернуться, чтобы ударить, придушить, отомстить!

Наши дни.

Москва.

Валерий Петрович Ходасевич

Погода, надо сказать, стояла мерзкая. Холодный ветер хлестал прямо в лицо. В столице вообще — в какую бы сторону ни пошел, ветрило обязательно норвит дуть в лицо. На минуту Ходасевич представил жаркий песок Карибских островов. Там он ни разу не бывал — и теперь уж вряд ли побывает. И денег не наскрести, и «контора» не отпустит.

Придется ограничиваться виденными когда-то фотографиями и видео. И включать самый главный свой инструмент — воображение.

Как там, в этом тропическом раю, его девочки? По отношению к Юлии Николаевне полковник испытывал легкое злорадство: за что боролась — на то и напоролась. Знает ли она, что была выбрана и на старости лет соблазнена только потому, что убийце понадобилась ее внешность? Валерий Петрович бывшей жене открывать глаза не собирался — не садист же. Но обязательно обмолвится кто-нибудь другой, или сама догадается — сильнейший удар по самолюбию получит. Юлию было элементарно жалко. Уж

ЕЕ последняя любовь...

она никак не заслуживала пусть тропической, но тюрьмы.

А вот за Танечку, падчерицу непутевую, душа болела, может, посильнее, чем болела бы даже за дочку родную. Умение вляпаться в какую-нибудь историю — это у Садовниковых, похоже, семейное. И Юлия Николаевна, и покойный отец, Антон, были такими же.

И вдруг, совершенно для себя неожиданно, Валерий Петрович понял все. Точнее, он словно увидел, как в кино, что и как именно происходило на далеком от него острове Антигуа. А еще ему стал ясен ответ на вопрос: почему?

Несколько дней назад.

Карибские острова.

Мирослав Красс

Ночка выдалась теплой. Впрочем, тут, на Антигуа, ночи всегда теплые.

Хорошо же проклятая Глэдис устроилась. Огромный дом, яхта, проводит время в тропиках. К горлу подступили зависть и злоба. Он не стал отгонять их. Сейчас это были как раз те чувства, которые нужны.

Юлия тихонько посапывала рядом на огромной кровати. Спи, мое ходячее алиби, усмехнулся он. С вечера он добавил в чай женщины снотворное. До утра она продрыхнет без просыпа. А если ее вдруг станут расспрашивать — конечно, расскажет, что Мирослав был вместе с нею. Надо только вернуться до восхода. Но до восхода времени еще полно.

Мирослав открыл сейф, замок которого был скрыт под электрической розеткой, достал оттуда «бенчмейдовский» водолазный нож в ножнах и спрятал его в рюкзак.

Нож лежал в сейфе не потому, что особо ценный — просто прятал его от Юлии. А то однажды попался ей на глаза — начала ахать, хмуриться, вопросы ненужные задавать.

...Он выскользнул за ворота особняка и побежал в направлении моря. Ничего необычного: турист-«сова» занимается джоггингом, правда, зачем-то — рюкзак за плечами. Но мало ли кто как сходит с ума, может, у него там свинец — для дополнительной нагрузки на спину.

Однако по пути ему так никто и не встретился. На пляже тоже никого, даже влюбленных парочек.

Мирослав скинул с себя одежду, достал из рюкзака приспособления для snorkлинга: маску, трубку, ласты, а еще — дайверские легкие перчатки и тот самый водолазный нож с восьмидесятимиллиметровым лезвием. Ремень с ножом он закрепил на левой голени. Он предусмотрел все: даже аксесуары покупал более года назад, и совсем не на Антигуа, а в гипермаркете во Флориде. Никто из продавцов не вспомнит, не свяжет с ним убийство. К тому же, у него имелось достаточно времени, чтобы потренироваться.

Надев на себя маску и ласты, он ринулся в море — черная, чуть светящаяся вода ласково обняла его.

Ласты давали мощный толчок, но Мирослава это не волновало. Трубку ни с берега, ни с яхт никто не разглядит. А если кто-нибудь заметит волну от ласт — решат, рыба. Рыбины в бухточку и не такой длины заплывают.

Временами он поднимал голову и осматривался. Сбиться с пути под водой легче легкого, кроме того, надо взглянуть, а вдруг какой случайный наблюдатель его обнаружил? Но на яхтах, стоявших на рейде, было тихо.

Тихо и на корабле Глэдис. Течение медленно кружило ее яхту, слегка поворачивая относительно якорной цепи. Мирно светились стояночные огни.

И вот он уже рядом с яхтой. Подплыл, ухватился за якорную цепь, подтянулся на руках — настоящему мужчине, даже в шестьдесят, подобные высоты покоряются легко. Еще одно усилие — и вот он уже на палубе.

Расположение кают он знал хорошо. Знал и странную привычку Глэдис спать с распахнутыми окнами и дверями. Вечно ей было жарко.

Не изменила она себе и на этот раз. В носовой каюте открыты иллюминаторы, да и дверь тоже.

Странно, но Мирослав не только не волновался, но не чувствовал почти ничего: ни отвращения, ни жалости, ни торжества.

Он перешагнул комингс, вступил в спальню. И — вздрогнул. Ему на секунду показалось, что он нечаянно вернулся в ту точку, с которой начался его путь. Из-под легкой простыни торчали лоб Юлии Николаевны, скулы Юлии Николаевны и ее нос.

ЕЕ последняя любовь...

Мирослав сделал над собой усилие и сказал себе: это — Глэдис! Женщины просто похожи! И своей лицом-маской бывшая жена обязана — ему. И Юлии.

Больше не колеблясь, он подошел к постели и три раза ударил женщину в сердце своим водолазным ножом. Глэдис захрипела, а потом как-то странно дернулась.

«А ты везучая, — с некоторой завистью подумал Мирослав. — И в смерти подфартило: умираешь во сне».

Затем он схватил ее правую руку и одним движением отрубил указательный палец...

Наши дни.

Москва.

Валерий Петрович Ходасевич

Валерий Петрович на секунду отвлекся от своих мыслей и обнаружил, что уже дошел до пересечения с Бульварным кольцом. В стене Сретенского монастыря светилась под образом лампадка. Креститься на купола полковник не стал. Двадцать лет он прожил членом партии, и теперь это будет выглядеть просто смешным. Хотя существование Бога, как гипотезы, полковник допускал.

«Мирослав, наверное, тоже в Бога не верил. Вот и не пожалел свою бессмертную душу. Не думал, бедняга, что конец земного пути придет так рано. Все предусмотрел. Нож наверняка бросил в воду на полпути, ближе к берегу оставил на дне дайверскую амуницию. Я бы, во всяком случае, сделал именно так. Потом, видимо, пришел, как ни в чем не бывало, и улегся рядом с Юлией Николаевной. Интересно, не стало ли ему дурно, когда дома в постели он увидел женщину, точь-в-точь похожую на убитую? И что случилось потом?»

Наши дни.

Антигуа.

Мирослав Красс

О распорядке, принятом нынче в Башне, господину Крассу рассказал один из слуг Глэдис. Он, в отличие от ее дворецкого, немым не был. Наоборот, любил поболтать, особенно, если денег ему посулить.

Мирослав познакомился с ним год назад. Представился законным мужем госпожи Хэйл, добавил, что подал на развод, так как выносить ее причуды больше не может, и уверил слугу, что просто хочет узнать в преддверии судебного процесса, как живет бывшая жена, много ли ценностей держит дома.

Парень за триста баксов выложил супругу все, что знал о привычках хозяйки дома.

Убийца и грабитель узнал и про то, что немому слуге дано строгое указание: пропускать в дом лишь саму хозяйку или тех, кто является вместе с ней. И про расположение коллекции, и о том, что дверца в тайник открывается с помощью пальцевого отпечатка.

И вот наступил «день X». Юлия Николаевна, как две капли воды похожая на Глэдис, стала «первой отмычкой» к сокровищам. А палец убитой превратился в «отмычку номер два».

Наши дни.

Москва.

Валерий Петрович Ходасевич

Да, сказал себе Ходасевич, пока все детали головоломки сходятся. Кроме трех: кто и почему убил самого Мирослава, где коллекция, украденная у Глэдис, и какова роль в событиях тех людей, что похищали и чуть не убили Юлию (и, заодно, Таню)?

Хорошее воображение позарез необходимо не только художнику, литератору или ученому, но и разведчику. Валерий Петрович прекраснейшим образом представлял себе, как Глэдис в свое время обкрадывала бостон-

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

скую галерею. И как Мирослав совсем недавно убивал на яхте Глэдис. Как, под прикрытием внешности Юлии, он обокрал «башню» и убил слугу. А вот как, кто и почему убил самого Мирослава, он не понимал.

Сайты сообщали: Мирослав Красс умер от огнестрельного ранения в спину, в гостиной собственного дома. Вроде бы упал. И непонятно: то ли упал от выстрела, то ли сначала упал, а потом получил пулю.

Ходасевич шел по Сретенскому бульвару и думал, почти в такт шагам: «Третья сила, третья сила... Красса убила третья сила... Это правильно, если считать, что первая — Глэдис, а вторая — Мирослав... Третья, третья... Или, может быть, даже четвертая?»

И вдруг он ясно представил себе последний акт трагедии на Антигуа...

Появление еще одной, третьей силы, тоже охотившейся за Глэдис, не вызывало никаких вопросов. Она должна была появиться. Если наводчиком был человек из окружения бизнес-леди, он мог поведать всю ее подноготную не только Мирославу, но другим лицам.

Да, третьей силой был тот человек, который организовывал побег Юлии Николаевны из-под стражи на Антигуа. Возможно, тот же самый, кто пытал Юлию с Таней на Гваделупе. Тот, что инсценировал их расстрел, а на деле дал матери и дочери удрать.

Итак, ОН следил за Мирославом. Или — за Глэдис? А, может, одновременно, и за тем, и за другим? Неважно. Во всяком случае, ОН видел, как в день ограбления Красс с Юлией Николаевной, точь-в-точь походившей на Глэдис, приехали в дом-«башню». Как их встретил немой слуга, как парочка скрылась в апартаментах...

А дальше — Мирослав оставил Юлию в гостиной, отправился вовнутрь дома, и... украл нечто

весьма ценное. А так как его застиг на месте преступления слуга, убил и слугу.

Затем они, Юлия и Мирослав, вышли из «башни». Вернее, Мирослав вышел, а Юлия в панике выбежала. ОН (третья сила!) это видел. И последовал за первым (или за второй).

А, может, в роли соглядатаев были как раз те двое: парочка «бандосов», что потом столь эффектно дала женщинам убежать вместо расстрела?

Да, предположим, их двое. И они в день ограбления разделились. Один, скажем, следовал за Крассом, а второй — за Юлией. И тот, что шел за Мирославом, понял: убийца и грабитель возвращается не с пустыми руками. Он что-то вынес из «башни». Что-то украл.

И тогда ОН решил навестить Мирослава.

Может, ошибкой Миро в его последний день на земле было то, что он не закрыл за собой двери в свой особняк? И не заметил, что его кто-то сопровождает от самой «башни» Глэдис?

Во всяком случае, Майк вырос на пороге гостиной неожиданно: огромный, действительно человек-гора, нодвигающийся с необыкновенной грацией. И смертельно опасный, потому что в руке держал пистолет.

Однако Мирослав попробовал блефовать, потянуть время. А сам аккуратно продвигался к спальне, где в прикроватной тумбочке лежал пистолет.

— Давай, сваливай! — резко бросил он Майку. — Я нажал тревожную кнопку, полиция будет здесь через пять минут.

— Это вряд ли, — добродушно ухмыльнулся толстяк. — Тот, кто сам в неладах с законом, не вмешивает в свои дела полицию. Давай договоримся так: ты отдаешь мне все, что похитил в доме Глэдис, а за это получаешь остальное, но самое важное: всю свою оставшуюся жизнь.

— Пошел к черту, жирный ублюдок!

Красс хотел вывести непрошеного гостя из себя. Тот, кто не владеет собой, совершает импульсивные и весьма глупые поступки.

— Дядя, через двадцать секунд я прострелю тебе ногу. Будет очень больно, — хмыкнул в ответ Майк. — Ты будешь корчиться и орать, и тогда уж точно все мне скажешь. Ну, что, предстартовый отсчет начинается. Девятнадцать, восемнадцать...

— Хорошо, хорошо, ты доказал серьезность своих намерений. Пойдем. Я готов с тобой поделиться.

«Надо подобраться ближе к входной двери, — думал Мирослав. — Вряд ли жирдяй будет стрелять на поражение. Ему нужны ценности, а не мой труп... А потом брошусь к машине. Жаль, староват уже для кросса, но ведь и он тоже не мальчик. Почему-то мне кажется, что я на своей машине дам ему фору».

ЕЕ последняя любовь...

Под чутким дулом пистолета он двинулся по направлению к выходу. И тут у Майка заверещал мобильник. Он полез в карман, взглянул на дисплей. Звонил Дэн.

— Баба на такси возвращается домой, — сообщил он.

И в этот момент Мирослав побежал — он подумал, что более благоприятного момента у него не будет, что Майк не станет стрелять. А Майк — выстрелил.

Пуля попала Мирославу между лопаток. Он споткнулся и стал падать лицом вниз — лететь в последнем в своей жизни полете.

Майку не впервой было убивать людей, однако, пожалуй, ни один выстрел до того не был столь эффективен. Первая же пуля вошла точно в сердце Мирослава.

В первый момент Майк даже не понял, что убил его. Красс лежал на полу, лицом вниз. Из-под тела расплывалась лужица алой крови. Майк подошел, аккуратно взялся за запястье Миро. Пульс не прощупывался. Отпустил руку — та бессильно упала.

Вообще, Майк всегда считал себя «везунчиком». Однако во всем, что касалось тех картин, ему явно не везло.

Тридцать лет назад они с Глэдис (которую тогда звали мисс Джулия Робинсон) были любовниками, мечтали о богатстве, и на пару грабанили Бостонский музей.

Форма полисменов, в которую они нарядились, была его идея. Как и рации, настроенные на полицейскую волну.

А вот какие картины брать, выбирала девушка. Она училась в колледже на искусствоведа и прекрасно разбиралась в живописи.

Новичкам и дурачкам везет. Ограбление Бостонской картинной галереи до сих пор оставалось не раскрытым.

А Майк, когда они с Робинсон-Глэдис шли на дело, даже не представлял, насколько ценно ока-

залось то, что они украли. О сумме похищенного он узнал позже из газет: почти двести миллионов. Американских долларов, разумеется.

А потом Джулия-Глэдис просто «кинула» его. Она исчезла. Сделала пластическую операцию, выправила документы на другое имя.

Нет, не то, чтобы Майк ее все прошедшее время искал. Были у него за последующие годы и враги, и женщины, и дела. Но тот случай он запомнил. И возблагодарил судьбу, когда совсем недавно его босса, Трэвиса, навели на госпожу Хэйл, у которой якобы в сейфе хранится уникальная коллекция живописи.

Да, то была она. Несмотря на операцию и прошедшие годы, Майк сразу ее узнал. Он узнал бы ее из миллиона. Ведь все эти годы он мечтал отомстить ей, хотел, чтобы возмездие настигло предательницу.

Однако Мирослав опередил его. «Замочил» Глэдис сам и украл картины, до сих пор хранившиеся в ее особняке.

Нет, поистине невезение сопутствовало Майку с тех пор, как он связывался с Глэдис. Она стала кем-то вроде черной кошки, приносящей ему несчастье. И Майку так и не удалось до нее добраться.

А теперь... Теперь ерунда с Крассом получилась. Он на него зла не держал, даже нечто вроде симпатии испытывал, как к товарищу по несчастью. Глэдис, сволочь, и его, видать, кинула. Во всяком случае, убивать Мирослава он не собирался. Само так вышло.

Теперь и до сокровищ не добраться. Не успеет Майк как следует обыскать дом, русская Юлия возвращается сюда, счет идет на минуты. А единственный, кто мог рассказать, где находятся картины, мертв. Неужели Глэдис за все прошедшие годы не продала их, и они до сих пор хранились у нее?

Если уж суждено было Майку найти ответ на этот вопрос, то не в тот день. Надо срочно сматываться отсюда. Вот-вот русская подьедет. Может быть, хотя бы удастся списать убийство Мирослава на нее?

Майк был невысокого мнения о полиции Антигуа. У местных копов и без того мозгов немного, а под тропическим солнцем они и вовсе расплавились.

Он тщательно протер пистолет от отпечатков и бросил оружие на труп Красса. Когда русская кинется к убитому — а она кинется! — волея-неволей, схватится за рукоять или дуло. И даже если не оставит отпечатков, все равно на ней все сойдется: и мотив, и оружие, и время, и место.

Майк вышел из дома, сел в машину и ударил по газам.

Навстречу ему по пустынной дороге, ведущей к особняку, мчалось такси. Майку удалось разглядеть женщину, сидевшую рядом с водителем, — она!

Какой приятный сюрприз ее ждет. Мертвое тело любовничка. Майк даже захрюкал от удовольствия. Он доехал до Сент-Джонса, тормознул

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

у телефона-автомата и набрал номер полицейского участка:

— Только что произошло убийство.

«Если карточки будут проверять на выходе с катерка, я пропала», подумала Таня, осторожно выглядывая из трюма.

По трапу уже спускались первые пассажиры — как на подбор, седовласые, морщинистые, дряхлые.

«Мне, что ли, тоже захромать, чтобы внимания к себе не привлечь?»

Но, по счастью, народ все прибывал и прибывал. Все сиденья были уже заняты, в проходах толпились пассажиры. Таня ловко вклинилась в толпу — никто не обратил на нее внимания.

— Охрана сегодня ведет себя безобразно, — услышала она обрывок чужого разговора. — Какую очередь собрали на выходе!

— Да, — откликнулся второй голос. — У меня, представляете, даже паспорт потребовали!

«Ну, и отлично, значит, больше нигде документов проверять не будут», — воспрянула духом Татьяна.

...И уже через четверть часа триумфально сошла, в толпе пенсионеров, на берег.

Старички потянулись к экскурсионным автобусам и стоянке такси — Таня же миновала рынок с традиционным тропическим изобилием (сумки с пальмами, пробковые шлемы, магнитики с пиратской символикой) и — вот удача! — совсем рядом с пирсом увидела магазин с логотипом известного оператора сотовой связи.

— Чем я могу вам помочь? — расплылся в улыбке молодой эффектный мулат.

Он, кажется, настроился на долгий, обстоятельный разговор с красивой блондинкой, но времени у Тани не было. Она приблизилась к прилавку и коротко бросила:

— Мне нужен телефон с местной сим-картой. — Упреждая вопросы, добавила: — Но паспорта у меня нет. Забыла на корабле.

Колемался продавец, от силы, секунду, затем широко улыбунулся покупательнице:

— Что ж! В таком случае, телефон просто обойдется вам немного дороже!

— Соголасна, — вздохнула она. — Вечно за свою рассеянность мне приходится доплачивать.

Таня расплатилась и уже собиралась выйти из магазина, как в этот момент телевизор над стойкой начал передавать местные новости:

— Продолжаются поиски гангстеров, совершивших вооруженный налет на полицейский фургон с целью освобождения русской преступницы, предположительно зарезавшей своего любовника. Напомню, что позавчера утром трое неизвестных атаковали фургон на выезде из Сент-Джонса. — Пошли кадры, на которых местные полицейские довольно растерянно бродили рядом с брошенным посреди дороги карибским автозаком. А диктор тем временем продолжал: — Они освободили русскую мадам Джулия Сэд-офф-ник-офф, — с трудом справился он со сложнейшим славянским именем, а картинка уже показывала худую, бледную и испуганную Юлию Николаевну в полицейском участке. — Стало известно, что полиция подозревает в организации преступления дочь задержанной. Эта русская, которую зовут Тат-иана Сэд-офф-ник-офф, прибыла на наш мирный остров три дня назад. Вскоре госпожа Сэд-офф-ник-офф — старшая была арестована над трупом своего возлюбленного. Пока ни обе беглянки, ни их пособники не найдены. Мы призываем вас немедленно сообщать в полицию, если вдруг встретитесь с ними. — Все это время телевизор показывал фотографию Татьяны.

Мулат-продавец смотрел то на экран, то вслед недавней покупательнице и растерянно улыбался.

— Здравствуй, Валерочка.

— Привет! — Голос отчима даже дрогнул отволнения. По этому изменившемуся голосу, который раньше, что бы ни случалось, всегда оставался невозмутимым, Татьяна поняла: Валера ОЧЕНЬ за нее беспокоится. — Ты где?

— Я вернулась на Антигуа.

— Так, — коротко вздохнул отчим. — А что мама?

— Она в хороших руках.

— Могу себе представить, — усмехнулся Ходасевич. — А у тебя какие планы?

— Да пройдуь тут по некоторым старым адресам, — небрежно проговорила Татьяна.

ЕЁ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

- Каким конкретно? — Голос отчима заледел.
- Ну, тем, где мамуля с Крассом проживала.
- Зачем?
- Поищу кое-что.
- Господи, Таня! — Отчим, наконец, сорвался. — Что ты творишь! Выбирайся оттуда. Немедленно! Я дам тебе телефон наших людей в Гаване. Или одного моего хорошего знакомого в Доминикане. Они помогут. Обязательно помогут!
- Нет, Валера, — категорично ответила Татьяна. — Я не хочу бегать всю жизнь. Я хочу оправдаться. И маму — оправдать.
- После своей гневной вспышки отчим вдруг заговорил бесконечно усталым голосом:
- Да-а, если уж тебе втемяшится в голову какая-нибудь блажь...
- Чем кричать и язвить, лучше посоветуй: как я смогу открыть простенький сейф без ключа?
- Никак.
- Спасибо, что подсказал, — язвительно бросила Таня.
- Кто знает, что ты вернулась на Антигуа?
- Мама.
- А еще?
- Ну... Один человек... Возможно, догадывается. Хотя впрямую я ему, конечно, не говорила.
- Кто?! — рявкнул Валера.
- Один из тех, кто отпустил нас с мамой. Его зовут Майк.
- Ах, Майк... Он тебе что-нибудь передавал?
- С чего ты взял?
- Я ни с чего не взял, я просто спрашиваю: передавал или нет?
- Ну, передавал.
- Что?
- Деньги. Взаимы.
- А еще что?
- Все.
- Ты уверена?

— Ну, он еще отдал мне колечко с камушком...

— Так.

— Но, Валера, то было мое, собственное колечко. Он мне его просто вернул!

— Хорошо, Таня. Я понял. И все-таки категорически советую тебе сдать полиции.

— Валера, ты меня достаточно хорошо знаешь, чтобы понять — никогда. А почему ты спросил про колечко?

— Забудь.

— Ты боишься, что Майк прицепил мне «маячок»? — догадалась девушка. — Но я переоделась. А под платье он ко мне, — натянуто усмехнулась она, — не лазил.

— Ладно, Таня. Я не отговариваю тебя, даже не прошу быть осторожной. Я знаю, что все равно ты наплюешь на все советы и полезешь в самое пекло. Я просто умоляю тебя: ради всего святого, будь осторожной!

Когда Ходасевич поговорил с Таней и нажал «отбой», он тут же достал телефонный справочник и стал искать код Антигуа.

Лейтенант Маккензи в раздражении бросил телефонную трубку. Да что этот русский себе позволяет?!

Вести из далекой Москвы собственное расследование! По его делу. Еще и давать ему указания. Какая наглость! Выбросить из головы — и все дела. Садовникова-старшая — безусловно, убийца, а ее дочка — пособница.

Оставался, правда, нерешенным еще один весьма важный вопрос. Где содержимое сейфа госпожи Хэйл?

— Спросите об этом у Дика Трэвиса, — сказал ему русский.

Маккензи кольнуло. Откуда московский пижон его знает?

Трэвис. Известная здесь, на Антигуа, личность. Страстный коллекционер. Богач. Человек без принципов. Едва услышав об ограблении особняка миссис Хэйл, Маккензи сам сразу подумал, что Трэвис отлично подходит на роль заказчика. Тем более, слухи, что в сейфе у Глэдис хранится нечто чрезвычайно ценное, по островку давно ходили.

Однако данные с камеры видеонаблюдения свидетельствовали: те двое, что взяли сокровища миллионерши, совсем не из команды Трэвиса. Или все же работали на него?

Лейтенанту ведь так и не удалось выяснить, куда делось награбленное. В доме, где проживал Мирослав, никаких ценностей не нашли. Русская тоже ни в чем не созналась.

Дело застопорилось. Журналисты вовсю упражнялись в остроумии на тему «утомленной солнцем» местной полиции.

ЕЕ последняя любовь...

Однако совет русского поговорить с Трэвисом все равно невыполним. Даже если тот соизволит ответить на вопросы, разве признается, что выступил заказчиком ограбления? А доказательств против него — никаких.

Тупик.

Антигуа.

Пляж

Темные очки, волосы спрятаны под банданой — вот и вся маскировка. Ну, еще Таня надеялась, что помогут европейские манеры и безупречный английский. Ищут-то на острове — русскую. То есть даму с понтами, одетую безвкусно и ярко. Садовникова же выглядела и держалась максимально сдержано, скромно. Ни дать, ни взять, английская студентка. Ну, или благовоспитанная дама откуда-нибудь из Дании.

Разморенный полуденным солнцем полицейский, по счастью, проводил ее равнодушным взглядом. Зато Чарли — дежурный по отельному пляжу — узнал мгновенно и радостно приветствовал:

— Вау! Ну, Татьяна, ты наглая!

— О чем ты, милый? — притворилась удивленной Таня.

Тот похлопал глазами и промямлил:

— Так ты ж бандитка, тебя ищут повсюду. Из полиции приходили! Номер обыскали, где ты жила. И вещички все твои забрали.

А она-то надеялась вызволить из камеры хранения отеля свою сумку. Со всеми нарядами, косметикой, обувью.

Чарли же вперился в нее своими хитроватыми глазками:

— Полицейские, кстати, велели сразу звонить, если ты вдруг объявишься. Наверное, и вознаграждение за тебя дадут...

— И ты меня сдашь?

Чарли хихикнул и ответил несколько невпопад:

— Никогда б не подумал, что ты — преступница.

— Ты совершенно прав, — пожала плечами Татьяна. — Меня просто подставили.

— Да, легавые могут, — вздохнул Чарли.

— Ты мне, кстати, можешь помочь, — понизив голос, проговорила Таня.

— Если бабло попросишь, у меня сейчас нет, — поспешно откликнулся он.

— Не бойся, Чарли, деньги мне не нужны, — успокоила его Таня. — Наоборот. Ты в покер играть любишь?

— Ага. Только не на интерес же? А бабок, говорю тебе, у меня нет!

— А я совсем не в карты тебя играть зову.

— А во что? — ухмыльнулся он. — В больничку? В доктора?

— Нет, я предлагаю нам с тобой стать партнерами. Сыграть в одной команде.

Чарли на секунду задумался. Снова глупо хихикнул:

— Слушай, но ты же — преступница! Я соглашусь, а ты меня используешь. И потом убьешь!

— Не хочешь — не надо, — равнодушно пожала плечами Татьяна. — Предложу кому-нибудь еще. Дело выгодное. Любой согласится.

— Нет, подожди, — забеспокоился Чарли. — Против кого предлагаешь играть?

— Против судьбы.

— О! Это мне подходит. Люблю, когда соперник меня достоин. А идти прямо сейчас надо?

— Да.

— А... ну, тогда пошли, — легко согласился он. Махнул трем старушкам, что шли к ним навстречу по пляжу: — Козочки мои! Если лапы, мисочки кому нужны — сами берите! — Приобнял Татьяну и, как бы мимоходом, спросил: — То, что ты мне предлагаешь, противозаконно?

— Еще как, — обнадежила его девушка.

Чарли ездил на старом благородном кадиллаке в стиле пятидесятых — поэтому его машина органичнее смотрелась бы на улицах Гаваны, где полно подобных раритетов. Но и под солнцем Антигуа бирюзовый кабриолет размером с хорошую лодку выглядел феерично. Таня объяснила, куда ехать: «Дом, где убили Мирослава», и Чарли кивнул: знаю, мол, где это.

Памятуя о таинственных и зловещих намеках отчима, Татьяна, усевшись рядом с водителем, время от времени посматривала в правое зеркало — вроде, никакого хвоста не видно. «Впрочем, — занозой заползла

ЕЕ последняя любовь...

непрощенная мысль, — если Майк все-таки ухитрился прицепить на меня «маячок», ему и следить нет надобности. Он придет в точности туда, где мы остановимся». Девушка принялась тереть кольцо — то самое, что вернул ей толстяк. По мнению Тани (а, главное, отчима), единственный предмет, куда можно поместить миниатюрный передатчик. «И что теперь прикажете делать? Выбросить его на дорогу? У меня не так уж и много бриллиантов».

Спустя двадцать минут приметный бирюзовый кадиллак с открытым верхом припарковался вблизи бывшего дома Мирослава и Юлии Николаевны — того самого, где женщина была застигнута полицией рядом с трупом своего любовника.

Дом находился на отшибе: ни жилья, ни людей, ни машин. Тане подумалось, что наверняка Мирослав красиво врал матери о романтике уединения. А сам, двуличная сволочь, совсем из других соображений выбрал это место: чтобы с добычей его никто не увидел, а потом — и маму убить не помешало. Наверняка ведь планировал по окончании дела от нее избавиться. Но вышло наоборот — конец пришел ему самому.

Чарли распахнул огромный багажник. Инструментов там валялось столько, что с лихвой хватило бы слесарную мастерскую открыть.

— Что взять? — деловито поинтересовался он.

— Что-нибудь для вскрытия замков и запоров разной степени сложности.

Чарли вытащил из багажника фомку, а также пилу-«болгарку» и нечто, напоминающее набор отмычек. Удовлетворенно заметил:

— Все свое ношу с собой — как сказал какой-то умник из древнего мира.

«Не какой-то умник, а греческий мудрец Бриант», — захотелось поправить Татьяне, однако она не решилась выглядеть занудой — со своим высшим образованием и кандидатской степенью. К тому же ей хватало других забот: в последний

момент она сняла с руки колечко с брильянтом и сунула его в бардачок кадиллака. Чарли уже шагал к дому и потому не обратил на ее манипуляции ни малейшего внимания.

Они подошли к задней двери особняка.

— Ты даже не спросил меня, на каких условиях я тебе предлагаю сотрудничать, — заметила Татьяна.

— Ты не говорила сотрудничать — говорила играть.

— Пусть так. И все же?

— Ну, вот, спрашиваю. Какие условия?

— Пятьдесят на пятьдесят. То есть все, что добудем, делим пополам.

— А что искать-то будем?

— Я сама, честно говоря, до конца не представляю, — призналась Татьяна.

«А мне и не надо ничего материального, — подумала она, — лишь бы с матери обвинение снять. Ну, и с себя, заодно, тоже. Хотя... Если найдутся золото или бриллианты, не откажусь».

С особняка сняли полицейские ленты-ограждения, и он выглядел одиноким, заброшенным, покинутым.

Они с Чарли подошли к задней двери.

— Вскрывай, — кивнула Татьяна на отмычки.

— Статья тридцать пятая прим кодекса уголовных уложений островов Антигуа и Барбуда. Тайное проникновение в чужое жилище наказывается...

— Ты хорошо знаешь местный кодекс, — с почтением проговорила она.

— Естественно, — усмехнулся Чарли, продолжая манипулировать с замком.

Одно ловкое движение — и входная дверь распахнулась.

— Сигнализации нет, — облегченно выдохнула Татьяна.

— На острове почти нет преступности, разве что подерется кто по пьяни. Вы, русские, тут за три дня пятилетний план по убийствам выполнили.

— Ладно, хватит философствовать, Спиноза. Как думаешь, где здесь гостиная?

— Сейчас найдем, мисс.

Они поднялись на третий этаж. В гостиной Таня огляделась. Все добротно устроено. Большой стол, помпезные стулья, французские окна до самого пола. У окна, с видом на бесконечный океан, стоит кресло — наверняка, мама в нем закатом любовалась.

А вот на противоположной стене — полно розеток, четыре штуки в ряд. И, что интересно, ни одной из них не пользуются, ни одна вилка не включена. Да и приборов нет, чтобы их здесь включать.

Почему она так прицепилась к розеткам? Таня внимательно стала вглядываться в пластик. На ее взгляд, ничем особым эти розетки не выделялись. Или?..

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

— Ну-ка, Чарли, взгляни сюда, — проговорила она.

Парень подошел, деловито осмотрел розеточную группу, а потом вдруг — кракк! — и подцепил пластик фомкой. Накладка отлетела, и под ней... Да, под ней обнаружили не провода, не контакты, а — металлическая панель стального цвета! И в ней — прорезь для ключа!

— Ай, да я! Ай, да молодец! — захлопала в ладоши Татьяна.

— Хочешь, чтоб я вскрыл? — деловито спросил Чарли.

— Конечно! Попробуй.

— Это — явно сейф. — Чарли обвел рукой его стенки — получился небольшой прямоугольник, примерно тех же размеров, как сейфовая ячейка в банке. — Могу выпилить его из стены.

— Ты бы еще направленный взрыв применил. Нет уж, давай обойдемся без разрушений. Попробуй открыть, а?

И Чарли, посерьезнев, стал подбирать отмычки к замку.

Таня, чтобы не стоять у него над душой, отошла к окну. Стояла и смотрела в окно: на яркие краски тропического полудня. Никаких пастельных тонов, как в России. Интересно, когда бы ей надоела эта картина и захотелось бы в Москву — к смазанным, дымчатым, серым краскам? Пока не хочется.

— Оп! — вдруг радостно выкрикнул Чарли.

Татьяна быстро обернулась. Он уже распахнул дверцу сейфа, залез внутрь рукой и вытащил туго свернутый в трубку холст. Да не один! Оказалось, в сейфе лежали, закатанные друг в друга, целых три холста.

Чарли развернул самый первый. Небольшой, но очень знакомый. Нежные краски, необыкновенной красоты лицо, синеватая дымка. Очень похоже на Ренуара. Неужели это и впрямь Ренуар?

А Чарли, не давая опомниться, разложил по полу холст номер два. Уж на что Татьяна была да-

лека от искусства, и то разглядела совсем иную творческую манеру и уверенную кисть другого, но не менее знаменитого мастера. Девушка, окно, музыкальные инструменты... Нечто похожее она видела в Дрезденской галерее. Неужели Вермеер?

А вот и третий холст. Тоже небольшой. Морской пейзаж. Буря. Накрененный, почти тонущий плот. На нем — фигуры в старинных одеяниях. Очень похоже на творческую манеру Рембрандта.

Это невероятно! Такого просто не может быть! Чтобы девушке из России и разгильдяю с Антигуа вдруг невзначай попали в руки такие шедевры?!

Не веря своим глазам, Татьяна скомандовала:

— Разложи их!

Чарли послушно расстелил по полу первый холст, и Таня сфотографировала его на свой мобильный телефон. Потом — крупным планом — сняла и подпись художника.

Затем то же самое они проделали со второй и третьей картинами: общий план, и крупно — подпись.

После чего Татьяна отослала все шесть картинок своей вечной палочке-выручалочке — отчиму. Она ни секунды не сомневалась: Валера разберется, что это за холсты. Подлинники или нет? И как они оказались здесь?

— Все собираем и уматываем как можно быстрее!

Чарли послушно свернул в трубочку холсты — какое варварство, все-таки, по отношению к великой живописи, подумала Таня. Конечно, если эти картины и впрямь те самые, гениальные: Ренуар, Вермеер, Рембрандт. Они даже яркого света боятся, не говоря уж о грубых перемещениях в руках случайных людей!..

Вдруг Таня ощутила какое-то неясное беспокойство. Надо немедленно уносить отсюда ноги! Следуя своей интуиции, она припустилась бежать вниз по лестнице. Чарли со своими инструментами еле поспевал за нею.

Они выскочили во двор тем же путем, что и пришли — через заднее крыльцо. Выбежали — и остановились, как вкопанные. Потому что перед ними всей своей грудой возвышался Майк с пистолетом в вытянутой руке.

— Стоим, не шевелимся, — проговорил бандит. — Кладем сверток с картинами на землю.

Девушка послушно положила рулон на плитки.

— Вот и умничка, — сказал Майк. — А теперь — быстро, в дом! Оба!!

Татьяна сделала один шаг назад, затем другой и третий. Никакие шедевры не стоят человеческой жизни — особенно, если эта жизнь твоя.

И вдруг — прогремел выстрел, за ним сухо треснул еще один.

Не раздумывая, Татьяна упала прямо на плиточную дорожку. Она не видела, что произошло в результате этих выстрелов, однако чувствовала:

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

ничего хорошего от них ждать не приходится, и закрыла голову руками в ожидании третьего выстрела, предназначенного наверняка для нее.

Но он, слава Богу, не прозвучал, и тогда Таня подняла голову — Майк лежал на земле с расprostертыми руками, вместо лица — сплошная кровавая маска, а рядом с ним — неподвижное тело Чарли.

Она перевела взгляд и увидела на расстоянии шагов двадцати от нее Трэвиса. В опущенной руке у него пистолет, лицо озарено кривой усмешкой. Он неторопливо шел по направлению к ней.

Таня мгновенно поняла, как он оказался здесь. Значит, Майк действительно нацепил на нее «маячок». Ну а Трэвис, усомнившись в преданности своего подручного, в свою очередь, наблюдал за Майком. И это стоило жизни — и Майку, и Чарли.

Трэвис с торжествующим видом продолжал приближаться к Тане, вернее, к лежавшим на земле свернутым картинам.

Смертная тоска овладела Татьяной. Проклятые картины! Сейчас Трэвис наклонится, поднимет их, отойдет на несколько шагов — и тогда уж выстрелит. В нее.

Все произошло именно так, как она предугадывала. Убийца подошел, взял холсты, а потом, держа их в левой руке, сделал четыре — нет, пять шагов назад и стал поднимать пистолет, целясь Тане прямо в голову.

Но вдруг декорация сменилась! Раздался громкий выкрик: «Всем бросить оружие! Руки вверх! Встать на колени!!!» — а затем небольшой пяточок у заднего крыльца особняка стал заполняться мужчинами, бывшими, несмотря на жару, в касках, в майках защитного цвета и бронежилетах, с короткими автоматами в руках.

Позади группы захвата, с пистолетом наголо, — полицейский лейтенант Маккензи — тот самый, кому отчим позвонил сегодня из Москвы и убе-

дил присмотреть за Трэвисом, Таней и за домом, где убили Мирослава Красса.

«Любитель живописи» не стал сопротивляться. Отбросил от себя оружие и покорно встал на колени.

Эпилог.

Таня

Всю жизнь Таня мечтала о богатстве и славе. И лишь когда добилась и того, и другого, поняла: совсем не это — главное. Куда важнее то, что ни за какие деньги не купишь. И никакой известностью не приобретешь.

Что именно?

Здоровье и благополучие близких, например. Любовь. Сердечная привязанность.

Истины, откровенно говоря, прописные, но оценить их каждому в своей жизни приходится самому.

...История с убийствами и ограблениями на Антигуа вызвала огромный интерес общественности. Уже на следующий день на остров нагрянули десятки представителей мировых СМИ, от Си-Эн-Эн и «Бостон глоуб», до «Сан» и «Ю.Эс. ньюс энд уорлд рипорт». Раньше, была бы она помоложе, Татьяна купалась бы под сотнями блицев, позировала бы под прицелами телекамер. Однако сейчас внимание массмедиа ее только злило.

Ведь если начать кому-то рассказывать о своих злоключениях откровенно, неизбежно последует вопрос о маме. Значит, всплывет история с Мирославом — как он использовал Юлию Николаевну, как подставил. Разумеется, если кто-то из «разгребателей грязи» сам вырулит на эту тему, Таня не сможет помешать ему собирать материал. Но первой начинать шокирующие признания о любви русской пенсионерки — нет, благодарю покорно. К тому же, ей было ужасно жаль Чарли, он совсем не заслужил той участи, которую она, Татьяна, ему уготовила. Так что на все призывы и посулы (в том числе, денежные) журналистов Садовникова отвечала одно: «ноу комментс».

И когда улетала с Антигуа на Гваделупу, попросила о помощи лейтенанта Маккензи. Тот на полицейской машине подвез Татьяну прямо к трапу.

В самолете она все-таки не выдержала и проглядела заголовки раздававшихся бесплатно газет.

ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ...

Понятно, что «Антигуа Сан» отвела истории, где фигурировали «мисс и миссис Садовникофф», целый спецвыпуск. Однако даже респектабельные «Нью-Йорк таймс» и «Файненшел таймс» поместили на первых полосах «свистки», посвященные трагедии на Карибах, а самой истории посвятили целые развороты. На удивление, вранья и даже преувеличений в серьезных изданиях не было, а Татьяна там называлась «сотрудницей московского отделения рекламной компании «Джасперс и бразерс» — в одном печатном органе и «известной искательницей приключений» — в другом.

Однако поразил Татьяну другой факт — молодцы, заморские газетчики, постарались из темы выжать все до капельки! В статьях подробно рассказывалась история похищения пяти картин из Бостонской галереи. Приводились даже составленные много лет назад фотороботы: один в один, молодой Майк и молодая женщина, совсем не похожая на нынешнюю Глэдис.

А в статье, посвященной ограблению, говорилось, что администрация галереи в свое время объявила награду за найденные холсты в пять миллионов долларов! И что галерея не отказывается от своих обещаний. Одно лишь омрачало огромную радость руководителя галереи: оказалось, что найдено лишь три холста из пяти похищенных. Судьба еще двух шедевров оставалась неизвестной. И поэтому «мисс Татиане Садовникофф» будут выплачены не все пять миллионов, а только три.

«Что ж, — блаженно откинулась на кожаном сиденье бизнес-класса Татьяна, — лишние три «лимона» «зелеными» в хозяйстве не помешают». Однако, на самом деле, ее куда больше грело сознание, что совсем скоро, уже на Гваделупе, она увидит маму. А еще через некоторое время, в Москве, — и своего замечательного отчима.

Юлия Николаевна

Короткая стрижка Юлии Николаевне все-таки шла. Особенно сейчас, когда она избавилась от неестественно черного цвета волос и снова стала светлой шатенкой.

— Оттенок тебе подобрали отлично, — похвалила мамину прическу Татьяна. — Надо дома в такой же цвет краситься.

— Ну уж нет! — Юлию Николаевну даже передернуло. — Мне б только дождаться, пока волосы отрастут. Моего цвета. А краситься я больше никогда в жизни не стану!

— Будешь седая ходить? — усмехнулась Татьяна.

— Имею право. Я пенсионерка.

Недавний свой образ Юлия Николаевна уничтожала отчаянно. Несерьезные шортики, бриджи, капри больше не носила, даже здесь, на Гваделупе, умудрилась отыскать себе бесформенный, балахонистый сарафан. Прибавьте к нему тусклые шлепанцы на танкетке и полное отсутствие косметики. Да еще глаза потухли, спина сутулиться начала...

И хотя о покойниках плохо говорить и думать нельзя, у Тани в очередной раз пронеслось: «Сволочь ты, Мирослав».

Яркие краски, тропические фрукты, изумрудное море — маму теперь ничего не радовало. Рвалась домой, в дождливую, неприветливую Москву.

— Да поедем, поедем мы скоро домой! Ухвати хоть на прощание лета кусочек! — уговаривала дочь.

Но мама от всего отказывалась — никаких больше пляжей, коктейлей, ночных прогулок под звездами, даже ужин ей приносили в номер.

Что ж, переспорить Юлию Николаевну всегда было практически невозможно, так что Таня отправилась в ресторан одна. Забилась, на террасе, в дальний уголок, лениво откинулась на спинку плетеного кресла. И тут к ней приблизился какой-то пожилой джентльмен и сел в соседнее кресло, внимательно глядя на девушку.

— Я вас слушаю, — вздохнула Татьяна.

— Позвольте представиться. — Мужчина протянул ей визитную карточку: Джереми Доктороу, университет Джорджии, заведующий кафедрой, профессор.

«Зачем я ему сдалась? Неужели клеиться надумал?..» — мелькнуло в голове, однако Таня ошибалась.

Мистер Доктороу смущенно тербил салфетку, потом вскинул на нее ярко-голубые глаза, несколько принужденно рассмеялся и сказал:

— Уф, что за нелепая ситуация. Смущаюсь, будто школьник.

ЕЕ последняя любовь...

— Да ладно, говорите! — подбодрила его заинтригованная Татьяна.

— Я... — Мужчина смотрел на нее почти жалобно. — Я по поводу мамы вашей.

— И что с моей мамой?

— Я понимаю... с моей стороны это невоспитанно, даже нагло — обращаться за помощью к вам. Но что остается? Передайте, пожалуйста, вашей маме, что я восхищен ее достоинством, ее грацией. Мне бы очень хотелось, чтобы столь прекрасная леди обратила на меня свое внимание.

— Вы шутите?!

— Просто использую свой последний шанс, — печально вздохнул профессор. — Я сказал бы все это ей сам, но она не желает меня слушать! Прячется, даже на пляж выходить перестала...

— Боюсь, господин Доктороу, ничем не смогу вам помочь. Моя мама считает, что курортные романы — не для нее.

— Но я и не собирался ей предлагать... ничего неподобающего! — с жаром откликнулся профессор. — Мы могли бы просто гулять вечерами по набережной, обсуждать фильмы, книги. Ваша мама, наверняка, хотя бы немного понимает английский, я тоже начал учить русские слова.

— Но мы уезжаем! Совсем скоро!

— Я тоже, но в чем проблема? — удивился американец. — Есть же телефоны, Интернет, скайп. Мне почему-то кажется, что мы с ней, несмотря на языковой барьер, найдем, о чем поговорить.

— Ладно, господин Доктороу, попробую за вас походатайствовать. Но предупреждаю сразу: шансов немного.

— Уверю вас — я ее не обижу! — прижал руки к груди профессор.

Тепло улыбнувшись, Таня еще раз окинула профессора внимательным взглядом. Выглядел он, в отличие от скользкого Мирослава, пусть скучно-

ватым, слишком обыкновенным, зато надежным. Можно было не сомневаться: ни в какой криминал мамулю не втянет.

Значит, надо заставить родительницу с ним познакомиться.

Лучше уж к маме в гости она в Америку будет ездить, чем на Рязанский проспект. □

От авторов:

Нас часто спрашивают читатели: выдумываем ли мы все, о чем пишем? Или наши романы основаны на реальных событиях?

Раньше мы отвечали: да, придумываем все, от первого до последнего слова. Но, на самом деле, далеко не все. К примеру, в этом романе: у Тани Садовниковой есть живой прототип — тоже Таня, блондинка, умница. Кстати, работает творческим директором в рекламном агентстве. Больше того, свои работы на Каннский фестиваль рекламы отправляет под псевдонимом: «Татьяна Садовникова».

И Юлию Николаевну мы тоже из жизни взяли, и, конечно, Ходасевича, хотя и не можем назвать имена тех, кто послужил его прототипом.

Кроме того, события, описанные в романе, не настолько уж и не реальны. Было ли ограбление Бостонской галереи на самом деле? Да, и сумма похищенного составила более ста миллионов долларов. Преступники переоделись в форму полицейских и пользовались рациями, настроенными на волну стражей порядка? Да. Возможно, что и грабителями были Майк и Джулия Робинсон-Гэйл.

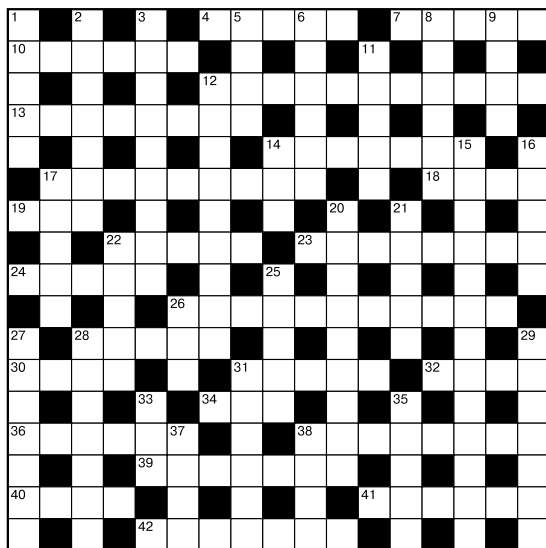
А кражи из российских музеев в начале и в середине девяностых? Тоже было, и примерно по такой же схеме, как описано в романе. Похожее дело и с угоном самолета из Чехословакии. Подобные прецеденты имели место и в СССР, и в странах так называемой «народной демократии»...

Знаете, как определял академик Сеченов сон? Небывалые комбинации бывалых впечатлений. Недаром по-английски слово «сон» и «мечта» пишутся и произносятся одинаково. Да, каждое событие в романах, по отдельности, может случиться — и случаются. Но когда они взяты и сконцентрированы все вместе, получается выдумка, роман, сон!..

Спасибо всем, дорогие читатели, и до новых встреч!

Анна и Сергей **Литвиновы**.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кроссовки форварда. **7.** Кто начертил карту «острова сокровищ» из одноименного романа Роберта Стивенсона? **10.** Единственная часть света, где нет тропических лесов. **12.** Законная процедура, в ходе которой вы перекладываете деньги в брючный карман и отдаете пиджак кредиторам. **13.** Великий сказочник, плакавший, когда его критиковали. **14.** Царевна, которая помогла справиться Тесею с чудовищным Минотавром. **17.** Обаятельное чудовище с восемью глазами из фантастической повести «Алиса и три капитана» Кира Булычева. **18.** Праотец, проживший, если верить Библии, девятьсот тридцать лет. **19.** «Курортный рай» в Индии. **22.** Подходящее место

жительства для дрофы. **23.** Тяжеловес, чье ухо откусил Майк Тайсон. **24.** Кто сочинил поэму, которую Александр Македонский еженощно клал себе под подушку? **26.** Какой магический камень связывают с двойственностью человеческой крови — артериальной и венозной? **28.** В созвездии Лебеда можно отыскать туманность «Ведьмина ...». **30.** «Хвост» за утюгом. **31.** «Электронный ...» на самолет. **32.** Что русский полководец Александр Суворов противопоставил «пуле-дуре»? **34.** Ежегодный Венский ... традиционно начинают с полонеза. **36.** Качество, которое, по мнению Михаила Зощенко, развивает в нас наряду с глазомером и мужеством бильярдная игра.

38. Шутовство на манеже. **39.** «Чудесная вещь, но она никого не может согреть в холодную ночь». Что имела в виду Мэрилин Монро? **40.** Металл в белилахе. **41.** В Древней Руси за повреждение этого платили штраф в 4 раза больший, чем за отсечение пальца. **42.** По одной из версий, знаменитая «Янтарная ...» была случайно сожжена солдатами Красной армии в 1945 году при освобождении замка тевтонских рыцарей.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Самый ковбойский из американских штатов. **2.** Кто цепляется по мелочам? **3.** Измеритель силы духа. **5.** Главный элемент атомной энергетики. **6.** Вишня, чье цветение в Японии совпадает с приходом Нового года. **8.** Китайцы говорят: «За святость и умудренность Бог награждает человека вторым лицом». Что оно такое? **9.** Река, по которой в 1838 году ходило судно с первым в мире электродвигателем. **11.** Украинский танец, попавший в оперу «Майская ночь» Николая Римского-Корсакова. **12.** С большим аппетитом отработанное моторное масло «скушает» ..., если вы решите заготавливать на даче дрова на зиму. **14.** «Подписать ... о капиту-

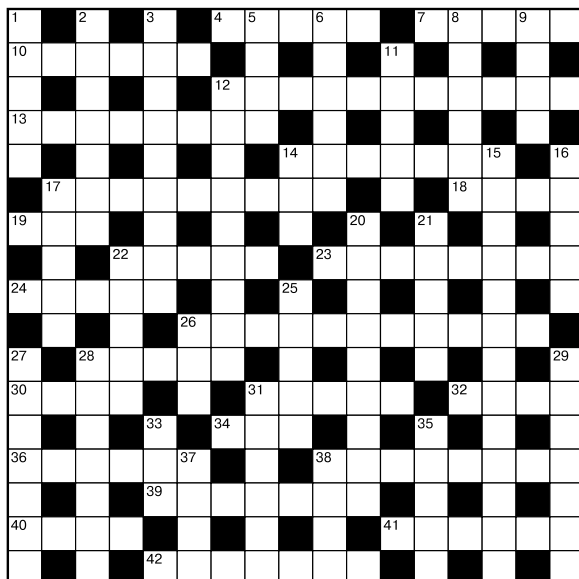
ляции». **15.** Должность героя Михаила Глузского из фильма «Кавказская пленница». **16.** Какой полярник стал главным редактором Большой советской энциклопедии? **17.** Духовой инструмент из романсов Роберта Шумана. **20.** Какой сыр наиболее подходит для приготовления настоящей итальянской пиццы? **21.** Язык страны, откуда в мир попал огурец. **22.** «Вот ..., тучи нагоняя, дохнул, завыл — и вот сама идет волшебница зима». **25.** Какое волокно для одежды моль не ест в принципе? **26.** Зажигая в Атланте огонь XXVI Олимпийских игр, из-за болезни Паркинсона, бывший богатырь с трудом поднял факел. Кто он? **27.** Что в чулане хранится «в доме, который построил Джек»? **28.** Бесхозный жеребец из прерий. **29.** «Мудрый советчик» из аула. **31.** Пряность, чьи звездочки делают мясо не только ароматным, но и более нежным. **33.** Судебная претензия. **35.** Что вяжет старушка из рассказа «Мой сосед Радиллов» Ивана Тургенева? **37.** Звезда нашего кино, самостоятельно исполнявшая каскадерские трюки в боевике «Крестносец». **38.** Кто сватался к Дюймовочке?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Ромео. **7.** Жгут. **10.** Подарок. **12.** Секретарша. **13.** Аристофан. **15.** Нудизм. **16.** Огайо. **18.** История. **19.** Нал. **24.** Офтальмолог. **25.** Ювелир. **26.** Унция. **27.** Замок. **30.** Звон. **34.** Таро. **35.** Конфискация. **37.** Даль. **39.** Клинтон. **41.** Военкомат. **42.** Пожар. **43.** Спица. **44.** Антракт. **45.** Шагал.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Подруга. **2.** Бассейн. **3.** Хохот. **5.** Овен. **6.** Евро. **8.** Гурвич. **9.** Травма. **11.** Струя. **12.** Саксофонист. **14.** Тотализатор. **15.** «Нинья». **17.** Оазис. **20.** Томат. **21.** Дозор. **22.** Гюрза. **23.** Песок. **28.** Мадам. **29.** Кольт. **31.** Ножницы. **32.** Эфиоп. **33.** Пианино. **36.** Шляпа. **37.** Добро. **38.** Лайка. **40.** Нога. **41.** Ваза.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Декан собора Святого Патрика, что в Дублине, однажды «отменивший солнечное затмение». **7.** Какое восточное лакомство помогает противостоять атеросклерозу? **10.** Месяц, вдохновивший Петра Чайковского на написание пьесы «Подснежник» из цикла «Времена года». **12.** Племянница светлейшего князя Потемкина, состоявшая в любовной связи с дядюшкой. **13.** Искусство составлять целебные мази у древних греков. **14.** Любимая семейная собака у американцев. **17.** Мировой судья у англичан. **18.** Какой продукт писатель Андрей Битов предложил увековечить в памятнике из мрамора? **19.** «И, внимая Шопену, любил ее ...». **22.** Зверек, подсказав-

ший запах слезоточивого газа для израильской армии. **23.** Цирковой номер с «живой куклой». **24.** Чин Николая Мартынова, убившего на дуэли поэта Михаила Лермонтова. **26.** Депортацию крымских татар в 1944 году строго контролировал Народный ... внутренних дел СССР. **28.** Чуть ли не самый знаменитый артист балета при дворе Людовика XIV, танцевавший до 75 лет и умерший прямо на сцене. **30.** Немецкий город с собором, куда святая Елена перевезла хитон Иисуса Христа. **31.** С какой игрой связан Кубок Уэбба Эллиса? **32.** Завоеватель Тимур играл в ... черепами убитых им людей. Он увековечил свои победы возведением девятиметровой пирамиды из отрубленных го-

лов его жертв. **34.** Динь-Динь из историй про Питера Пэна. **36.** Самая тусклая из семи звезд «ковша» Большой Медведицы. **38.** «Общее тело» колонии коралловых полипов. **39.** То, чем официально признали обмен файлами власти Швеции. **40.** Приемы развития предложенной темы в риторике. **41.** Частица, о какой предполагают, что она «быстрее скорости света в вакууме». **42.** Страна, куда вторглась французская армия в ходе «Кондитерской войны».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Бал монстров». **2.** Единственный в России музей с работами Леонардо да Винчи. **3.** Авантюрин из словаря Владимира Даля. **5.** Допинг для «мук совести». **6.** «Авраам Линкольн» из романа «Двадцать тысяч лье под водой» француза Жюль Верна. **8.** Ритуальный кинжал для ведьмы. **9.** «Эликсир от всех болезней» в научных трудах Себастьяна Кнейпа. **11.** Повелитель огня и ветра у викингов. **12.** Какая мышца отвечает за разгибание? **14.** «Точка продаж» электроэнергии. **15.** Оскар Уайльд полагал, что «мужчины женятся со скуки, а женщины —

из любопытства». Что, в конце концов, испытывают «и те, и другие»? **16.** Что слон высовывает наружу, если идет по дну очень глубокого водоема? **17.** Богатырь, чей стяг стал государственным флагом Кыргызстана. **20.** «Ложный вал», прикрывавший дозорным путь в старинных крепостях. **21.** Кому изначально Элтон Джон посвятил песню «Свеча на ветру»? **22.** Конь Гелиоса. **25.** Какая ткань стала вуалью Джоконды? **26.** Мордовская изба. **27.** Какая колонна связывает для индусов землю с небесами? **28.** Птица, с какой иронично сравнивают форму чилийских школьников. **29.** Американский инженер, довольно точно описавший в 1900 году не только телевидение, но и веб-камеры. **31.** Старая песня на новый лад. **33.** Голливудская суперзвезда, однажды попросившая «немедленно сменить» обои в снятом гостиничном номере. **35.** Какое событие на пароходе «Николай I» свело в могилу первую жену Федора Тютчева? **37.** В Эфиопии есть фабрика по производству мух ... **38.** Вторая любовь, после кино, в жизни Чарли Чаплина.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Акула. **7.** Граф. **10.** Шоколад. **12.** Шпицберген. **13.** Кинотеатр. **15.** Вирник. **16.** Донор. **18.** Ухрония. **19.** Луч. **24.** Клерократия. **25.** Грабли. **26.** Бхима. **27.** Имаус. **30.** «Двин». **34.** Акме. **35.** Государство. **37.** «Русь». **39.** Ричардс. **41.** Мизогамия. **42.** Энеге. **43.** «Шубка». **44.** Скрипка. **45.** Устав.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Собинов. **2.** Богомол. **3.** Лазер. **5.** Кипр. **6.** Лицо. **8.** Регана. **9.** Феникс. **11.** Берия. **12.** Штихельхаар. **14.** Добромыслие. **15.** Виски. **17.** Рубль. **20.** «Парма». **21.** Пилум. **22.** Агада. **23.** «Задиг». **28.** Аксум. **29.** Семья. **31.** Ногавка. **32.** Хурдэ. **33.** Авдошка. **36.** Синус. **37.** Радио. **38.** Сикка. **40.** Снюс. **41.** Мгла.

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2012 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на «журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 71 руб. 50 коп., на 3 месяца — 214 руб. 50 коп., на 6 месяцев — 429 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С октября открыта подписка на журнал «Смена» на 1-е полугодие 2012 года по каталогам через любое почтовое отделение связи.

Образцы каталогов:

<p>КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»</p>		<p>Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов</p> <p>Индекс 70820 — для остальных подписчиков</p>
<p>КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 99406 — для всех подписчиков</p>
<p>ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»</p>		<p>Индекс 88998 — для всех подписчиков</p>

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Сергий Радонежский (в миру Варфоломей), монах Русской церкви, основатель Троицкого монастыря под Москвой (ныне Троице-Сергиева лавра), преобразователь монашества на Руси, считается величайшим подвижником земли Русской и почитается Русской православной церковью в лике святых как преподобный. Что же касается самой его личности, большинству обычных людей она практически неизвестна, поэтому мы попробовали приоткрыть завесу некоторых подробностей жизни этого великого человека.

Светлана **Бестужева-Лада** «Преподобный Сергий Радонежский»

«В 1735 году герцог Голштейн-Готторпский учредил придворный орден Святой Анны четырех степеней с бриллиантовыми знаками. Историки связывали его появление с Анной Иоанновной, получившей звание «Кровавой», но она не имеет к нему никакого отношения. Этот орден был учрежден в память о безвременно почившей супруге герцога Анне Петровне. К сожалению, Анна Первая в России так и не появилась...

Денис **Логинов** «Анна Первая»

«Полтора столетия назад молодая девушка не могла даже мечтать о профессии — ее уделом были дом и семья. Но если женщина чего-то страстно хочет, ее не остановят ни семья, ни общество. Так произошло и с Софьей Ковалевской, сумевшей внести неоценимый вклад в науку...

Евгения **Гордиенко** «Самостоятельная величина»

«В январе этого года отметил свой юбилей десятый чемпион мира по шахматам Борис Спасский. Он вскоре собирается приехать в Россию, чтобы открыть на Урале очередную детско-юношескую школу. Жизнь продолжается, и кто знает, не закрутят ли его «своей корявой рукой» новые любовные страсти?..

Евгений **Гик** «Русский парижанин»

«Криминальный роман Иосифа **Гольмана** «Пробег»